

Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX в.

Научная монография / Под ред. В.А. Моисеева. - Барнаул, 2002

Введение

**Бел конь промеж двух
царей живет на середине.**

*(Из письма телеутского князца Шала
Табунова русским властям. 1715 г.)*

Изучение политической истории Южной и Юго-Западной Сибири в XVII–XIX вв. продолжается более двухсот лет. К настоящему времени в исторической науке получили достаточно широкое освещение вопросы присоединения к России отдельных регионов юга Сибири¹, взаимоотношений русских властей и коренного населения Южной и Юго-Западной Сибири², противоборства России с монгольскими владениями, а также с Цинской империей за господство в этом обширном сибирском регионе³. Однако, далеко не все вопросы политической истории Южной и Юго-Западной Сибири исследованы одинаково полно. В частности, до сих пор не стало предметом специального изучения двоеданничество и двоеподданство ряда коренных, преимущественно тюркских, народов Южной Сибири и Барабинской низменности. На протяжении столетий на юге Сибири сталкивались интересы различных этнических и политических образований, а к началу XVII в. на рубежи Южной и Юго-Западной Сибири выходит Русское государство, которое вступает в борьбу за обладание этой обширной территорией и право эксплуатации коренного населения. Вопрос о сборе податей с аборигенов Южной и части Западной Сибири, прежде всего с барабинских татар, алтайцев, шорцев и жителей бассейна Верхнего Енисея, был одним из наиболее сложных и острых во взаимоотношениях Русского государства с монгольскими правителями (с Алтынханами и ойратскими владетелями), а затем — с Цинской империей. В обширных районах Южной и Юго-Западной Сибири

фактически сложилась своеобразная система «кондоминиума», т.е. двойного подчинения ряда этнических групп. Без исследования проблемы двоеданничества и двоеподданства коренных народов Южной и Юго-Западной Сибири невозможно воссоздать целостную картину вхождения юга Сибири в состав России и международных отношений в Центральной Азии в целом в XVII — 60-х гг. XIX вв.

Целью исследования является реконструкция процесса возникновения, эволюции и исчезновения двоеданничества и двоеподданства коренных народов Южной и части Западной Сибири в XVII — 60-х гг. XIX вв.

Хронологически исследование охватывает период с начала XVII столетия до 60-х гг. XIX в. Исходная хронологическая граница исследования определяется тем, что в начале XVII века в Южной и Юго-Западной Сибири столкнулись интересы Русского государства, ойратских правителей, хотогойтских Алтынханов, а также телеутской и кыргызской знати, и началось формирование системы двоеданничества и двоеподданства. Завершающая временная фаза работы — 60-е гг. XIX века — разграничение между Россией и Цинской империей в Центральной Азии и окончательная ликвидация двоеданничества и двоеподданства на юге Сибири.

Географически работа охватывает следующие районы Южной и Западной Сибири: современные Омскую область, Новосибирскую область, Алтайский край, Республику Алтай, Кемеровскую область, юг Томской области, Республику Тыва, юг Красноярского края, Республику Хакасию Российской Федерации, Восточно-Казахстанскую и Павлодарскую области Республики Казахстан.

Несмотря на отсутствие специальных научных трудов, посвященных проблеме двоеданничества и двоеподданства на юге Сибири в XVII — 60-х гг. XIX вв., ряд отечественных исследователей в той или иной мере касались этой проблемы.

Исследователи-первопроходцы политической истории Южной и Юго-Западной Сибири Г.Ф. Миллер и И.Э. Фишер, развивавшие теорию «завоевания» и «покорения» Сибири Русским государством, придерживались точки зрения, что после принесения шерти и уплаты ясака русским властям представители коренных сибирских этнических групп становились исключительно русскими подданными, по выражению ученых, «прямыми

холопами». Поэтому названные исследователи считали сбор податей с коренного населения региона ойратами, хотогойтами, телеутами или енисейскими кыргызами противозаконным. Алманную политику монгольских князей по отношению к сибирским аборигенам Г.Ф. Миллер и И.Э. Фишер трактовали, как типичные грабительские набеги кочевников на подданных Русского государства⁴. Такой теоретический подход не позволил Г.Ф. Миллеру и И.Э. Фишеру рассмотреть двоеданничество и двоеподданство коренных этнических групп Южной и Юго-Западной Сибири, как своеобразное историческое явление. Однако Г.Ф. Миллер первым отметил факты лавирования местного населения юга Сибири в XVII в. между русскими властями и монгольскими владетелями. Причину такого лавирования ученый усматривал в неправильной политике русских сибирских властей в отношении ясачного населения⁵.

П.А. Словцов в своей работе «Историческое обозрение Сибири» развил тезис о двоеданничестве и двоеподданстве коренного населения юга Сибири, как результате лавирования аборигенов данного региона между Россией и монгольскими владетелями, а затем между Россией и Китаем. Во-первых, по мнению П.А. Словцова, в среде коренного населения юга Сибири существовали два лагеря – прорусский и промонгольский. Во-вторых, он связывал существование двоеданничества и двоеподданства с нерешенностью пограничного вопроса сначала между Россией и Монголией, а затем между Россией и Китаем⁶.

Касался проблемы двоеданничества и двоеподданства в Горном Алтае в работе «Алтайские инородцы» В.И. Вербицкий⁷. Он изучал вопрос о размерах и порядке уплаты податей России и Китаю чуйскими двоеданцами в первой половине XIX в., попытался определить статус русско-китайских двоеданцев. На основе личных наблюдений ученый пришел к выводу о том, что чуйцы до 1865 г. одновременно являлись подданными России и Китая⁸. Противоположную точку зрения по этому поводу высказал в своей работе «Из Сибири: страницы дневника» современник В.И. Вербицкого В.В. Радлов⁹. Он считал, что чуйские двоеданцы во второй половине XVIII — 60-х гг. XIX вв. являлись подданными цинского Китая, проживающими на территории России. С этим обстоятельством ученый связывал значительную самостоятельность двоеданцев Чуйских волостей во внутренних

делах. В.В. Радлов осветил некоторые особенности взаимоотношений чуйцев с российской и китайской администрацией, одним из первых обратил внимание на посредническую роль двоedanцев в приграничной торговле с Цинской империей¹⁰.

В конце XIX в. алтайский исследователь С.П. Швецов выяснял обстоятельства подчинения Цинами части аборигенов юга Горного Алтая и пришел к выводу о добровольном характере принятия чуйцами подданства Китая¹¹.

Определенный вклад в изучение проблемы южносибирского двоedanничества и двоеподданства внес Н.Н. Козьмин. Причины возникновения в XVII в. двоedanничества на Верхнем Енисее этот ученый видел в политике военно-кочевой знати енисейских кыргызов, которой «было жаль терять влияние и богатство» — кыргызы не хотели отказываться от эксплуатации своих кыштымов, перешедших в XVII в. в русское подданство¹². В работе «Хакасы» Н.Н. Козьмин впервые указал на то, что в XVII в. енисейские кыргызы были проводниками ойратской политики на Верхнем Енисее¹³.

Один из первых представителей советской школы сибиреведения С.А. Токарев, привлекая новые архивные данные, пришел к выводу, что сложившееся в XVII столетии на юге Сибири двоedanничество коренного населения возникло в социальном плане в результате сговора «соперничающих феодалов (или феодальных государств) за счет двойного ограбления массы населения», а в политическом плане было выражением «неустойчивого равновесия политических сил»¹⁴.

Многочисленные сведения о южносибирском двоedanничестве и двоеподданстве в XVII — 60-х гг. XIX вв. приведены в ряде трудов А.П. Потапова¹⁵. Из логики рассуждений данного автора следует, что главной причиной возникновения и существования двоedanничества и двоеподданства на юге Сибири являлась ойратская агрессия в Южную Сибирь. А.П. Потапов поставил под сомнение тезис С.А. Токарева о реальном региональном равновесии сил России и Джунгарии в XVII — первой половине XVIII вв., как важной причине возникновения и длительного существования двоedanничества и двоеподданства¹⁶. По мнению исследователя, русско-джунгарское двоedanничество и двоеподданство на юге Сибири сформировалось в 70-е — 80-е гг. XVII в., в период правления в Джунгарии хана Галдана¹⁷.

А.П. Потапову удалось ввести в научный оборот ряд новых сведений по истории русско-джунгарского двоеданничества и двоеподданства. В частности, он впервые привел структурированные данные о некоторых двоеданнических волостях Кузнецкого уезда, в том числе о размерах податей, которые уплачивали кузнецкие двоеданцы в Россию и Джунгарию в первой половине XVIII в.¹⁸ На основании архивных данных А.П. Потапов подверг сомнению тезис С.П. Швецова о добровольном характере подчинения населения бассейнов рек Чуи и Чулышмана Цинской империи в 50-е гг. XVIII в., показал насильственный характер этого подчинения¹⁹.

К изучению положения чуйских двоеданцев в процессе исследования социально-экономических отношений у южных алтайцев обращался В.Н. Владимиров²⁰. Он осветил некоторые аспекты русской ясачной политики в отношении чуйцев в XVIII — 60-х гг. XIX вв., а также высказал точку зрения относительно статуса чуйских двоеданцев. По мнению В.Н. Владимирова, чуйцы во второй половине XVIII — 60-х гг. XIX вв., тяготея к России и выплачивая ясак, платили также небольшую дань в пользу Китая с согласия российского правительства²¹.

В контексте русско-джунгарских отношений первым затронул проблему сибирского двоеподданства и двоеданничества в работе «История Джунгарского ханства» И.Я. Златкин²². Он писал, что основным противоречием, порождавшим конфликты между Россией и Джунгарией, был вопрос о сборе податей с енисейских кыргызов, тувинцев, чулымцев, северных алтайцев и барабинцев²³. И.Я. Златкин указал, что вопрос о двоеданцах постоянно ставился русскими и джунгарскими представителями на двусторонних переговорах²⁴. К заслугам данного автора необходимо отнести освещение им хода обсуждения вопроса о двоеданцах во время ряда русско-джунгарских переговоров. И.Я. Златкин одним из первых высказал мысль о том, что статус коренного населения юга Сибири в XVII — первой половине XVIII вв. напрямую зависел от соотношения сил соперничавших за господство в регионе сторон²⁵.

Несмотря на определенный прогресс в изучении проблемы двоеданничества и двоеподданства на юге Сибири в XVII — 60-х гг. XIX вв., вопросы о причинах и обстоятельствах ее возникновения и существования к концу 60-х гг. XX в. историчес-

кой наукой в целом решены не были. В результате в академическом издании «Истории Сибири» двоеданничеству и двоеподданству было посвящено всего два абзаца: повествование об этом историческом явлении ограничивается констатацией факта его существования и указанием на случаи лавирования между Россией и Джунгарией ряда «князьков порубежных волостей»²⁶.

Из числа востоковедов в 1970-е гг. обратился к проблеме сибирского двоеданничества Ш.Б. Чимитдоржиев²⁷. Он, вслед за И.Я. Златкиным, отмечал важную роль проблемы двоеданцев во взаимоотношениях России и Джунгарии²⁸. Ученый расширил рамки рассмотрения вопроса о двоеданцах, как фактора русско-джунгарских отношений, в частности, он достаточно подробно осветил обсуждение проблемы подданства енисейских кыргызов на русско-ойратских переговорах.

Б.П. Гуревич в монографии «Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.» отмечал, что на юге Сибири в XVII в. существовало не только русско-джунгарское, но и русско-хотогойтское двоеданничество и двоеподданство коренного населения²⁹. Ревизуя утверждение И.Я. Златкина о юридическом признании Россией и Джунгарией двоеданничества и двоеподданства еще в XVII в., Б.П. Гуревич указал, что это признание носило исключительно фактический характер. К заслугам Б.П. Гуревича в изучении проблемы следует отнести то, что он впервые констатировал факт юридического признания Россией в XVIII в. русско-джунгарского двоеданничества и двоеподданства на юге Сибири³⁰.

К вопросу о двоеданничестве и двоеподданстве коренного населения юга Сибири в XVII — 60-х гг. XIX вв. обращался в своих трудах В.А. Моисеев³¹. В качестве основных причин формирования системы русско-китайского двоеподданства на юге Горного Алтая во второй половине XVIII в. этот ученый выделил следующие: неурегулированность пограничного вопроса между Россией и Китаем в Центральной Азии после уничтожения Цинами Джунгарского ханства, незаинтересованность России в обострении взаимоотношений с Цинской империей, отдаленность кочевий чуйских двоеданцев от российских военно-оборонительных линий, что не позволяло русской администрации оградить чуйцев от китайского влияния³². В.А. Моисеев впервые связал вопрос о ликвидации сибирского двоеподданства с заклю-

чением в 1864 г. Чугучакского протокола между Россией и Китаем о разграничении в Центральной Азии³³. Кроме того, он осветил некоторые аспекты обсуждения вопроса о статусе двоedanцев на русско-джунгарских переговорах в первой половине XVIII в.³⁴ и первым поставил вопрос о необходимости специального изучения проблемы сибирского двоedanничества и двоedanства XVII — 60-х гг. XIX вв.³⁵

Вопрос о двоedanцах Горного Алтая в XVII — 60-х гг. XIX вв. рассмотрел в монографии «Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России» Г.П. Самаев³⁶. Автор впервые структурировал и попытался специально осветить проблему двоedanничества и двоedanства в Горном Алтае.

Заметный вклад в изучение южносибирского двоedanничества и двоedanства в XVII в. внес своими работами А.П. Уманский³⁷. На обширном конкретно-историческом материале он показал роль приобских телеутов в формировании на юге Сибири в XVII в. системы совместной эксплуатации коренного населения региона соперничавшими за господство сторонами.

Целостную картину политической обстановки в Горном Алтае в XVII—XIX вв., процесс принятия алтайцами российского подданства на основе широкого круга документально-архивных источников показал в своих научных трудах Н.С. Модоров³⁸. Он характеризовал обострения русско-джунгарских отношений по вопросу о двоedanцах в первые десятилетия XVIII в., как кратковременные, т.е. не носящие постоянного характера³⁹.

Ряд исследователей, которых следует упомянуть в историографическом обзоре, не затрагивали в своих трудах проблему сибирского двоedanничества и двоedanства, однако внесли весомый вклад в изучение общей политической, а также этнодемографической обстановки в исследуемом нами регионе в XV—XIX вв. В статье «Поворотный пункт в истории Горного Алтая» вкратце осветил историю вторжения цинских войск в Горный Алтай в начале второй половины XVIII в. П.Е. Тадыев⁴⁰. Ряд авторов посвятили свои работы политической истории енисейских кыргызов, их взаимоотношениям с русскими⁴¹. Особого внимания заслуживают труды А. Арзыматова и К.Г. Копкоева, в которых нашли отражение не только вопросы русско-кыргызских взаимоотношений, но и ойратская политика на Верхнем Енисее.

Труд Б.О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» представляет собой не только исследование этнического состава населения Сибири в XVII столетии, но и достаточно полно характеризует ясачную политику Русского государства в XVII в. в интересующем нас регионе⁴². Работы Н.П. Шатиной характеризуют историю взаимоотношений Русского государства с хотогойтскими Алтын-ханами в XVII в.⁴³ Важные сведения по политической истории Тувы представлены в трудах Н.Н. Толстой и Н.А. Сердобова⁴⁴. Крупным вкладом в изучение истории коренных народов Западной Сибири стали труды З.Я. Бояршиновой⁴⁵.

Высокую ценность для дальнейшего изучения политической истории Южной Сибири, прежде всего русско-кыргызских и русско-монгольских отношений, представляют труды хакасского ученого В.Я. Бутанаева. Занимаясь в последние годы прежде всего проблемами этнографии и демографии хакасского этноса, он в ряде работ привел новые ценные сведения относительно проблемы переселения енисейских кыргызов в Джунгарию, дал характеристику политическим и социально-экономическим процессам в Хакасии в XVII — начале XVIII вв., опубликовал в соавторстве с А. Абдыкалыковым сборник документов по истории Хакасии⁴⁶.

В работах последних лет проблему «двоеданства» народов Южной Сибири попутно затрагивала Л.И. Шерстова⁴⁷. Исследовательница считает «двоеданство» своеобразным компромиссом между Россией и ее соперниками в борьбе за ясачных (кыштымов). Она пишет о существовании соглашений между соперничавшими в Южной Сибири сторонами относительно двоеданцев в XVII—XVIII вв.⁴⁸

Таким образом, историография проблемы двоеданничества в Сибири достаточно обширна. Разработка проблем, связанных с существованием двоеданничества в Сибири, отечественными учеными, безусловно, содействовала созданию научной базы для написания данного исследования.

Основной корпус источников, привлеченных нами для решения задач исследования, составили русские архивные и опубликованные документы и материалы, содержащие сведения о формировании, существовании и обстоятельствах исчезновения двоеданничества и двоеподданства тюркских народов Сибири в XVII — 60-х гг. XIX вв.

Базовыми архивными документами при написании работы явились документы Архива внешней политики Российской империи при МИД РФ (АВПРИ) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Из числа исследованных нами фондов АВПРИ⁴⁹ следует в первую очередь выделить фонды «Зюнгорские дела» и «Сибирские дела». Ряд материалов были привлечены нами из фондов «Сношения России с Китаем», «Киргизкайсацкие дела» и «Главный архив. 1–9». Используемые нами архивные документы АВПРИ, имеющие непосредственное отношение к нашей проблематике, следует классифицировать следующим образом: это правительственные указы, грамоты, рескрипты и указы сибирским властям; отписки, рапорты, донесения сибирских губернаторов, воевод, командующих военными линиями в центральные органы управления государства; материалы переписки между российским правительством и правителями Джунгарского ханства, внешнеполитическим ведомством цинского Китая; статейные списки, дневники, отчеты русских посланцев и посланников в ойратскую ургу; справки, выписки и экстракты об обстановке в двоedanческих волостях, ясачных и алманых сборах с двоedanцев, русские и ойратские «реестры вин и претензий». Из фонда «Главный архив. 1–9» нами использованы некоторые, оказавшиеся доступными материалы, освещающие ход русско-китайских переговоров в Чугучаке о разграничении в Центральной Азии и внешнеполитическую обстановку в регионе в 60-е гг. XIX в.

В хранилищах РГАДА наиболее продуктивными для нас оказались фонды «Сибирский приказ», «Зюнгорские дела» и «Мунгальские дела». В фонде «Сибирский приказ» мы использовали такой вид источника, как ясачные книги, освещающие ясачную политику Русского государства в двоedanческих волостях в XVII в., процесс приведения в русское подданство населения Южной и Юго-Западной Сибири⁵⁰. В XIX столетии крупным отечественным востоковедом и знатоком архивов Н.Н. Бантыш-Каменским были сгруппированы тематические коллекции архивных материалов, составивших основу фондов «Зюнгорские дела» и «Мунгальские дела». Особую ценность здесь для нас имели копии и оригиналы наказов русским посланцам к джунгарским ханам, статейные списки о русских посольствах к ойратам, а также экстракты о русско-джунгарских взаимоотношениях в XVII —

первой половине XVIII вв. Перекрестно-сравнительный анализ последнего вида источников с материалами, извлеченными из фондов АВПРИ, показал их высокий уровень достоверности. Кроме того, в РГАДА нами были привлечены некоторые неопубликованные материалы из фондов «Правительствующий Сенат», «Сибирские дела» и «Портфели Г.Ф. Миллера». Ряд архивных документов, касающихся политической обстановки в Южной Сибири, выявлен нами в фонде «Портфели Г.Ф. Миллера» Архива Российской Академии Наук (РАН). Списки с подлинных документов, хранящиеся в фондах «Портфели Г.Ф. Миллера» РГАДА и РАН, являются зачастую для нас безальтернативным видом источников из-за отсутствия в архивохранилищах оригинальных списков интересующих нас материалов. Поэтому работа с копиями Г.Ф. Миллера требовала особой осторожности в их использовании в качестве источников и скрупулезности сравнительного анализа при их интерпретации.

Большую ценность для разработки нашей проблемы, преимущественно для характеристики положения чуйских двоedanцев во второй половине XVIII — 60-х гг. XIX вв., представляют документы, извлеченные из Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). В фондах «Кольвано-Воскресенское горное начальство», «Алтайское горное правление», «Горная экспедиция Кольванской губернии» содержатся документальные источники, характеризующие ясачную политику России в отношении чуйских двоedanцев, политическую обстановку в Горном Алтае во второй половине XVIII в. В фонде «Кольвано-Воскресенское горное начальство» содержится дневник рудоискателя Петра Шелегина, в котором имеются сведения о положении алтайских двоedanцев в эпоху джунгарского владычества в Горном Алтае. Из фонда «Алтайское горное правление» впервые в научный оборот вводятся материалы о поездке в 1828 г. Бийского земского исправника Корсакова в Чуйские волости и его переговорах с двоedanческими зайсанами. В фонде «С.И. и Н.С. Гуляевы» нами использованы копиянные списки с оригинальных архивных документов, а также неопубликованные в печати заметки известного знатока алтайских архивов и краеведа XIX в. С.И. Гуляева об экономическом положении чуйских двоedanцев и их роли в приграничной торговле России с Цинской империей на Алтае.

Ряд подлинных документов из переписки сибирского военного командования с Коллегией иностранных дел относительно положения чуйских двоеданцев в 60-е гг. XVIII столетия привлечены нами из фонда «Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом» Государственного архива Омской области (ГАОО).

Большое значение для нашей работы имело использование опубликованных источников, многие из которых в подлинниках не сохранились до наших дней. Законодательные акты, указы российских правительственных органов, касающиеся проблем нашей работы, содержатся в многотомном «Полном собрании законов Российской империи»⁵¹. Широкий круг документов, освещающих политическую историю в Южной и Западной Сибири и международные отношения в Центральной Азии, положение сибирских двоеданцев в интересующий нас период был опубликован в XIX в. Причем некоторые издания были приурочены к трехсотлетию начала присоединения Сибири к Русскому государству. Это «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год» Н.Н. Бантыш-Каменского, «Памятники сибирской истории XVIII в.», сборник «Русская историческая библиотека», «Памятная книжка Западной Сибири»⁵². Ряд интересных документов, касающихся двоеданничества и двоеподданства в Южной и Западной Сибири, были собраны Г.Н. Потаниным и Ч.Ч. Валихановым⁵³. Важные материалы, характеризующие политику Русского (Российского) государства в отношении двоеданцев содержатся в таких изданиях XIX в., как «Архив Государственного совета», «Дополнения к Актам историческим», «Алтайская церковная миссия», «Алтай. Историко-статистический сборник»⁵⁴. Дневник Ивана Унковского о его переговорах с ойратским правителем Цэван-Рабданом, на которых стороны обсуждали вопрос о южносибирских двоеданцах, был опубликован Н.И. Веселовским⁵⁵. Многие аспекты цинской политики в отношении чуйских двоеданцев раскрывает публикация С.В. Липовцевым «Уложения Китайской палаты внешних сношений»⁵⁶. Достаточно богатым и отчасти незаменимым источником по политической истории тюркских народов Сибири в XVII в. являются труды Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера⁵⁷. В издании «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера 1937–1941 гг. приведены приложения с публикацией документальных актов,

выявленных автором работы в сибирских архивах. Кроме того, Г.Ф. Миллер и И.Э. Фишер в своих трудах приводят ряд данных, которые косвенно подтверждаются другими источниками, но прямых документальных свидетельств о тех или иных событиях не сохранилось. В этом случае мы были вынуждены использовать работы Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера именно как исторические источники.

Ценная группа источников XIX в., использованных в работе с целью выяснения положения чуйских двоеданцев, — дневники, путевые заметки и отчеты путешественников и исследователей Горного Алтая — современников существования системы двоеподданства на юге этого региона. Прежде всего — это дневниковые записи А.А. Бунге. Известный путешественник и исследователь А.А. Бунге побывал в кочевьях чуйских двоеданцев в 1826 г. и собрал богатый этнографический материал, а также записал некоторые сведения о взаимоотношениях двоеданцев с российскими и китайскими властями. Результаты его исследований были опубликованы на русском языке в журнале «Азиатский вестник» в 1826 г., а также на немецком языке в Берлине в 1829 г. Однако широкий круг российских ученых впервые познакомился с итогами путешествий А.А. Бунге в Горный Алтай только в 1993 г.⁵⁸

Полковник Г.П. Гельмерсен предпринял поездку в Чуйские волости по распоряжению министра финансов графа Канкрин в 1834 г. и также собрал значительное количество материала о быте и положении чуйцев. Результаты исследований Г.П. Гельмерсена были опубликованы в 1840 г. и также являются для нас важным историческим источником⁵⁹.

В качестве источника нами привлекались работы В.В. Радлова. Они ценны прежде всего тем, что написаны крупным специалистом-тюркологом. В дневниках В.В. Радлова имеется значительное количество сообщений о быте, политическом, юридическом и экономическом положении чуйских двоеданцев в 60-е гг. XIX в.⁶⁰ Сведения о положении чуйцев мы обнаружили также в путевых заметках и отчетах П.А. Чихачева, Н.М. Ядринцева и В.В. Сапожникова⁶¹.

Интересные данные о расселении, численности, быте и политическом положении населения юга Горного Алтая содержатся в работе В.И. Вербицкого⁶². Труд В.И. Вербицкого является ак-

туальным в источниковедческом аспекте потому, что он написан ученым, который неоднократно сам бывал в алтайских кочевьях. Работа протоиерея Алтайской духовной миссии носит характер серьезного полевого историко-этнографического исследования.

Фольклорные данные из истории чуйских двоеданцев, подтверждающиеся при перекрестном анализе других источников, собрал во время переписи населения Горного Алтая в 1897 г. С.П. Швецов⁶³.

В числе опубликованных в XIX в. источников нами использовался переизданный в 1993 г. в Сургуте «Хронологический перечень важнейших исторических данных по истории Сибири» И.В. Щеглова⁶⁴. Свой «Хронологический перечень» автор посвятил трехсотлетию начала присоединения Сибири к Русскому государству и при его подготовке к изданию стремился опираться на оригинальные архивные материалы и редкие местные сибирские издания. В труде И.В. Щеглова имеются тексты русско-китайских межправительственных договоров, текст Устава об инородцах 1822 г., записи о важных событиях в русско-китайских отношениях, в том числе относительно решения проблемы разграничения в Центральной Азии и ликвидации двоеподданства чуйских двоеданцев.

Материал, касающийся позиции китайских властей в отношении статуса чуйцев во время русско-китайских переговоров в Чугучаке имеется в отчете о поездке в Кобдо и переговорах с кобдоской администрацией штабс-капитана Принца 1864 г.⁶⁵

В процессе работы мы использовали источники мемуарного жанра: воспоминания непосредственного участника событий, связанных с русско-китайским разграничением в Центральной Азии, решения проблемы подданства приграничного населения, уполномоченного комиссара на переговорах в Чугучаке, обер-квартирмейстера Отдельного Сибирского корпуса, полковника Генерального штаба И.Ф. Бабкова. Мемуары И.Ф. Бабкова явились одним из основных источников для выяснения картины ликвидации двоеподданства на юге Горного Алтая⁶⁶.

Важное значение для реализации задач исследования имело привлечение источников, опубликованных в советское и постсоветское время. Тексты Пекинского и Чугучакского договоров,

решивших проблему русско-китайского разграничения на Алтае и ликвидации двоеподданства населения Чуйских волостей, извлечены нами из сборника «Русско-китайские отношения. 1689–1916 гг.»⁶⁷

Для выяснения картины двоеданничества и двоеподданства в Южной Сибири в XVII — первой половине XIX вв. нами широко использовался ряд сборников документов и материалов, опубликованных в 50-е — 90-е годы. Уникальным по содержанию источником является четырехтомное издание материалов по истории русско-монгольских отношений⁶⁸.

Некоторые данные о противоборстве России и Джунгарского ханства в Южной и Западной в 30-е гг. XVIII в. имеются в сборнике «Казахско-русские отношения» (составители — Ф.Н. Киреев, А.К. Алейникова, Г.И. Семенюк, Т.Ж. Шоинбаев)⁶⁹. Часть сведений о двоеданничестве ряда тувинских племен подчерпнут нами из публикации материалов и документов «Русско-китайские отношения в XVIII веке»⁷⁰.

Не менее важное значение имело для нас привлечение документов и материалов сборника «Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.» (составители — Б.П. Гуревич и В.А. Моисеев)⁷¹. Включенные в сборник русские, китайские и монгольские источники проливают свет на возникновение и развитие новой структуры международных отношений в Центральной Азии в связи с выходом на историческую арену в XVII в. Джунгарского ханства и владения Алтын-ханов, выдвиганием на рубежи Центральной Азии Русского государства и Цинской империи. Многие из опубликованных в сборнике материалов имеют прямое отношение к проблеме двоеданничества и двоеподданства народов Южной и Западной Сибири.

Некоторые документы, касающиеся обстоятельств обложения данью населения Чуйских волостей китайскими властями содержатся в сборнике «Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX века» (авторы-составители — К.Ш. Хафизова и В.А. Моисеев)⁷².

Существенно укрепили базу нашего исследования, особенно в вопросе о выявлении роли и значения енисейских кыргызов и их кыштымов в политической истории Южной Сибири и истории международных отношений в Центральной Азии в XVII в. сборник материалов по истории Хакасии, составленный В.Я. Бутанаевым и А. Абдыкалыковым⁷³.

Кроме того, в процессе исследования нами использовались источники китайского происхождения. Прежде всего — это «Циндин пиндин чжуньгээр фанлюе». Чжэнбянь («Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар». Основные записи)⁷⁴.

Были привлечены нами также материалы раздела «Дай Цин личао шилу» (Хроника правления великой династии Цин) — «Дай Цин Гаоцзун Чунхуанди шилу» («Хроника правления императора Гаоцзуна Чунхуанди великой династии Цин»)⁷⁵. Оба приведенных китайских источника содержат указы и повеления маньчжурского императора Хун Ли (девиз правления — Цяньлун), а также доклады и отчеты военачальников и чиновников, касающиеся политики Цинской империи в Горном Алтае во второй половине XVIII в.

Взятые в совокупности перечисленные источники явились, на наш взгляд, достаточной базой для воссоздания картины двоеданничества и двоеподданства в Южной Сибири в XVII — 60-х гг. XIX вв.

Рассмотрение феномена двоеподданства и двоеданничества с опорой на традиционные исторические и социологические концепции не позволяет выяснить, каким образом регион, будучи ареной непримиримой борьбы за господство, на протяжении более чем полутора веков оставался зоной относительной стабильности. Поэтому методологической основой данного исследования стала концепция динамической стабильности, разработанная отечественными учеными А.Д. Богатуровым и К.В. Плешаковым⁷⁶. Ключевым в данной концепции является тезис о том, что если статическая (иными словами устойчивая, неизменная) стабильность сопрягается с более ясной конфигурацией противоречий, вследствие чего колебания в международных отношениях напрямую связываются с повышением риска возникновения столкновения и крупного конфликта, то динамическая стабильность не только не исключает, но даже предполагает регулярные вспышки трений между сторонами, урегулирование которых на фоне присутствия совпадающих интересов только способствует укреплению механизмов такого колеблющегося, пульсирующего взаимодействия, которое хотя и не является идеальным образцом гармонии международных отношений, но позволяет своевременно сбрасывать перенапряжение и устранять опасность конфликта⁷⁷.

В рамках концепции динамической стабильности определение «стабильность есть состояние» переводится в плоскость иного понимания стабильности — «стабильность есть движение». Согласно данной концепции стабильность следует понимать, как определенный тип движения системы международных отношений; движение относительно плавное, при котором система оказывается в состоянии существовать, воспроизводиться и изменяться, не утрачивая при этом своих базисных характеристик. Стабильность характеризуется способностью системы обеспечивать назревшие, необходимые для ее самосохранения перемены, компенсируя их таким образом, чтобы утрата отдельных элементов или характеристик не создавала угрозы для выживания системы в целом⁷⁸.

Исходным тезисом концепции настоящего исследования стала констатация: в XVII — 60-х гг. XIX вв. взаимоотношения между Россией и сопредельными монгольскими владениями, а затем между Россией и Цинской империей, несмотря на существовавшие между сторонами противоречия по вопросу о подданстве коренного населения юга Сибири, развивались в отсутствие крупного конфликта, а ситуация в регионе Южной и Юго-Западной Сибири была относительно стабильной. Региональные противоречия между Россией и владением Алтын-ханов, Россией и Джунгарией, Россией и Цинской империей, даже оставаясь неурегулированными и периодически прорываясь на поверхность, вместе с тем не вылились в войны, сопоставимые, например, с русско-турецкими войнами XVII — XVIII вв. или с Северной войной. Зона территориального соприкосновения России и Монголии, а в дальнейшем России и Китая, постоянно находилась в XVII — 60-х гг. XIX вв. на пороге большого конфликта, но этот порог так и не был, в сущности, перейден. Столь необычная по европейским критериям ситуация дает основание говорить о складывании в регионе в XVII — 60-х гг. XIX вв. своего рода «стабильной нестабильности», при которой наличие неурегулированных международных проблем не переходит автоматически в обширную региональную войну.

Автор надеется, что данная работа внесет вклад в изучение проблемы сибирского двоеданничества и уточнение ряда аспектов истории международных отношений в Центральной Азии XVII–XIX вв.

Примечания

1. См., например: Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Абакан, 1965; Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI—XIX в. М., 1976; Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974; Быконя Г.Ф. Заселение русскими приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981; Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965; Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991 и др.
2. См., например: Модоров Н.С. Русско-алтайские отношения в XVII—XVIII вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969; Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII—XVIII веках. Новосибирск, 1980; Арзыматов А. Из истории политических отношений енисейских кыргызов с Россией в XVII — первой половине XVIII вв. Фрунзе, 1966 и др.
3. См., например: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635—1758. М., 1983; Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983; Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. М., 1983; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978; Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998 и др.
4. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1—2. М.-Л., 1937—1941; Фишер И.Э. Сибирская история. СПб., 1774.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1... С. 316.
6. См.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1—2. СПб., 1886.
7. См.: Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. М., 1893.
8. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы... С. 6—7.
9. См.: Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989.
10. Радлов В.В. Из Сибири... С. 127 и др.
11. См.: Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Выпуск 1. Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900.
12. Козьмин Н.Н. Заселение русскими Сибири в Московскую эпоху // Сибирская школа. Красноярск, 1916. №№ 8—10. С. 15.
13. См.: Козьмин Н.Н. Хакасы. Иркутск, 1925.
14. Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.-Л., 1936. С. 43—61, 76—82.

15. См: Потапов А.П. Очерки истории Ойротии. М., 1933; Потапов А.П. Этнографический обзор племен Алтая в джунгарский период // Известия всесоюзного географического общества. Т. 58. Выпуск 1–3. М., 1946; Потапов А.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов. (XVIII–XIX вв.) Абакан, 1952; Потапов А.П. Очерки по истории алтайцев. М., 1953; Потапов А.П. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953; Потапов А.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; Потапов А.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969; Потапов А.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. А., 1969.
16. Потапов А. П. Этнический состав и происхождение алтайцев... С. 98, 113.
17. Там же. С. 112–113.
18. Там же. С. 120–122.
19. Там же. С. 125.
20. См.: Владимиров В.Н. К вопросу о социально-экономическом развитии южных алтайцев в XVIII–XIX веках // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982; Владимиров В.Н. Материалы по истории южных алтайцев в XVIII — первой половине XIX веков // Документальные памятники и их использование в коммунистическом воспитании. Ч. 2. Барнаул, 1983; Владимиров В.Н. Ясак и ясачная политика кабинета в Горном Алтае в XVIII — первой половине XIX вв. // Социально-экономическое развитие Алтая в XVIII — первой половине XIX вв. Барнаул, 1984. Вклад В.Н. Владимирова в изучение интересующей нас проблемы рассматривается с выходом за рамки логики хронологического порядка изложения историографии проблемы, т.к. далее мы рассматриваем вклад в изучение двоеподданства со стороны советских ученых-востоковедов. В.Н. Владимирова, как и всех исследователей, о которых шла речь выше, мы относим к ученым-сибироведам.
21. Очерки по истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 85.
22. См.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1964.
23. Там же. С. 187.
24. Там же. С. 122–123.
25. Там же. С. 123.
26. История Сибири. Т. 2. А., 1968. С. 38.
27. См.: Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII веках. М., 1978; Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987.
28. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России... С. 50, 134–138 и др.

29. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1983. С. 31.
30. Там же. С. 125–127.
31. См.: Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. М., 1983; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. (Очерк внешнеполитических отношений.) Барнаул, 1998; Моисеев В.А. Взаимоотношения Джунгарского ханства с Казахстаном, Средней Азией и народами Сибири и политика России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 1991.
32. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая... С. 113–114.
33. Там же. С. 118.
34. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство... С. 14–16, 35–36, 79–95.
35. Моисеев В.А. Взаимоотношения Джунгарского ханства с Казахстаном... С. 41.
36. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991.
37. См.: Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980; Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 1–2. Барнаул, 1995.
38. См.: Модоров Н.С. Из истории русско-алтайских посольских связей в 40-х — 90-х годах XVII века // Ученые записки Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы. Выпуск 8. Барнаул, 1969; Модоров Н.С. Русско-алтайские отношения в XVII–XVIII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969; Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические отношения. (XVII–XIX вв.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1995; Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения. (XVII–XIX вв.) Горно-Алтайск, 1996.
39. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические отношения... С. 18.
40. Тадыев П.Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая // Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956.
41. См.: Абдыкалыков А. Енисейские кыргызы в XVII веке. (Исторический очерк). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1964; Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Абакан,

- 1965; Арзыматов А. Из истории политических отношений енисейских кыргызов с Россией в XVII — первой половине XVIII в. Фрунзе, 1966.
42. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
 43. Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии // Советское востоковедение. 1949. № 6; Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.
 44. См.: Толстова Н.Н. Тувинский народ в исторической науке СССР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Горький, 1971; Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.
 45. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960; Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Томск, 1968.
 46. См.: Бутанаев В.Я. Вопрос о самоназвании хакасов // Этнографическое обозрение. 1992. № 2; Бутанаев В.Я. Проблема угона енисейских кыргызов в Джунгарию и ее значение для этнодемографического развития хакасов // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992; Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996; Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в. Абакан, 1995.
 47. См.: Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII—XIX вв. Томск, 1999; Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири. XVII — начало XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Томск, 1999.
 48. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири. XVII — начало XX вв... С. 23—24.
 49. Характеристику фондов АВПРИ см.: Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Книга 1. М., 1989. Археографическое введение. С. 23—30.
 50. См.: Модоров Н.С. Важный источник для изучения истории населения Алтая в XVII — первой половине XIX вв. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.
 51. Полное собрание Законов Российской империи. Т. 1—38. СПб., 1830.
 52. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882; Памятники сибирской истории XVIII в. Книга 1. 1700—1713 гг. СПб., 1882; Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882; Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884.

53. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга 4. М., 1866; Валиханов Ч.Ч. Архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 3. Алма-Ата, 1964; Валиханов Ч.Ч. Архивные материалы о русско-джунгарских отношениях // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 4. Алма-Ата, 1985.
54. Архив Государственного совета. Т. 2. СПб., 1869; Алтайская церковная миссия. СПб., 1865; Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890; Дополнения к Актам историческим. Т. 3. СПб., 1846.
55. Веселовский Н.И. Посольство к зюнгорскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 гг. СПб., 1887.
56. Липовцев С.В. Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 1–2. СПб., 1828.
57. Миллер Г.Ф. История Сибири...; Фишер И.Э. Сибирская История...
58. См.: Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской киргизской степи. Новосибирск, 1993 и другие работы.
59. Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. Ч. 1. Книга 1. СПб., 1840.
60. Радлов В.В. Из Сибири...; Радлов В.В. Путешествие доктора Радлова через Алтай к телецкому озеру и реке Абакан. Томск, 1881.
61. Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974; Ядринцев Н.М. Отчет о поездке, по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества, в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня члена-сотрудника отдела Н.М. Ядринцева в 1880 году. СПб., 1881; Сапожников В.В. По Алтаю. М., 1949.
62. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы...
63. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Выпуск 1. Кочевники Бийского уезда...
64. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири с IX в. до 1882 г. Сургут, 1993.
65. Поездка в Хобдо штабс-капитана Генерального штаба Принтца // Томские губернские ведомости. 6 июня 1869. № 22.
66. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. СПб., 1912.
67. Русско-китайские отношения 1689–1916 гг. Официальные документы. М., 1958.

68. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1. 1607–1636. М., 1959; Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2. 1636–1654. М., 1974; Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3. М., 1996; Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 4. М., 2000.
69. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Сборник документов и материалов.) Алма-Ата, 1961.
70. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725 гг. М., 1978.
71. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Книга 1–2. М., 1989.
72. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX века. Ч. 1–2. Алма-Ата, 1989.
73. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995.
74. Циндин пиндин чжуньгээр фанлюе. Чжэнбянь. (Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар). Б. м., 1772. (Перевод В.А. Моисеева).
75. Дай Цин Гаоцзун Чунхуанди шилу. (Хроника правления Гаоцзуна Чунхуанди великой династии Цин.) Токио, 1937. (Перевод В.А. Моисеева.) Подробно об источниках типа «шилу» см.: Доронин Б.Г. Китай XVII–XVIII веков: проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988; Воскресенский А.Д. «Да Цин личао шилу» как источник по истории международных отношений в Центральной Азии (XVII–XVIII вв.) // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. М., 1986.
76. Подробно см.: Богатуров А.Д., Плешаков К.В. Динамика международной стабильности // Международная жизнь. 1991. № 2. С. 35–46.
77. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997. С. 10.
78. Там же. С. 34.

Глава I.

Формирование системы двоеданничества и двоеподданства в Сибири в XVII в.

1.1. Тюркские народы Южной и Юго-Западной Сибири на рубеже XVII столетия

Этнический состав населения Южной и Юго-Западной Сибири к XVII в. хотя и был относительно стабильным, однако под влиянием конкретных, преимущественно политических причин он нередко подвергался изменениям. Процессы дробления и смешения различных групп населения, изменения в их политическом положении, административном устройстве и этнической номенклатуре, по словам А.П. Потапова, порой существенно влияли на общий облик этносов¹. Бесспорно, однако, что практически на всей территории Южной и Юго-Западной Сибири преобладал тюркский субстрат².

В междуречье Оби и Иртыша, на обширных степных и лесостепных пространствах Барабинской низменности проживали небольшие тюркоязычные этнические группы татар, получивших в русских источниках наименование барабинских³. Объясняя этимологию слова «Бараба», академик Г.Ф. Миллер писал: «Волость Бараба имела всегда преимущество перед всеми остальными волостями из-за знатности живших там людей, а также из-за числа ее жителей. Поэтому татары называют ее Улу-Бараба, и вся местность между Иртышом и Обью получила у русских название Барабы или Барабинской степи, а все прочие тамошные волости названы по ее имени Барабинскими волостями»⁴.

По преданиям, сохранившимся среди населения Барабы в XVIII в., к концу XVI столетия этнические группы, составившие впоследствии основу татарского населения Барабинской степи,

проживали по реке Сибир, вблизи Кучумовой ставки в городке Кашлык. После разгрома Кучума отрядом Ермака Тимофеевича «в то время претерпели они разорение и для того с того места рекою Иртыш в лодках перешли они на нынешние места»⁵.

По сведениям Д. Мессершмидта, полученным со слов одного барабинского татарина в 1721 г., некоторые барабинцы вели свое происхождение от проживавших здесь ранее остяков, воспринявших затем тюркский язык и название «барабинские татары»⁶. Таким образом, в формировании барабинцев, по всей видимости, участвовали тюркские и угро-самодийские этнические компоненты с явным преобладанием тюркского элемента.

Исторические документы причисляют к барабинцам население семи волостей: Тунусской, Любинской, Турашской, Чоинской, Теренинской, Карагайтинской и собственно Барабинской⁷, в которых в начале XVII в. насчитывалось взрослого мужского трудоспособного населения приблизительно 331 человек⁸. Если считать, что среднестатистическая семья у коренных народов Сибири в этот период состояла из пяти человек, то население Барабы составляло примерно 1600 жителей.

Источники представляют нам картину комплексного хозяйства барабинских татар в следующем виде: основу хозяйственной жизни барабинцев к XVII в. (в большей мере — в южных степных, в меньшей — в северных лесостепных районах Барабинской низменности) составляло полукочевое скотоводство⁹, наиболее важную роль в котором играло разведение крупного рогатого скота¹⁰ и коневодство¹¹. Причем во многих местах Барабинской низменности, за исключением ее самых южных районов, держать скот круглый год на подножном корму не представлялось возможным, поэтому заготовка сена на зиму была здесь обычным явлением. Каждая деревня (аул) имела свои выгоны для выпаса скота, скот находился в семейной собственности¹².

Значительное место среди других занятий барабинцев занимала также охота, прежде всего на пушного зверя, что было обусловлено не только собственными потребностями, но и необходимостью уплаты податей более сильным соседям. Добывали пушнину, присущую для степной и лесостепной зоны, — лису¹³, горностая, колонка, выдру¹⁴. Кроме того, объектом охотничьих промыслов барабинцев были лось, водоплавающая и боровая дичь¹⁵.

Развитая система рек и озер Барабинской низменности обусловила важность роли рыболовства в хозяйстве барабинских татар, где далеко не последнее место занимали коллективные приемы лова. Нередко летом все население аулов переселялось на рыболовные угодья, где строили временные летние жилища¹⁶. Отметим, что значительное место у барабинцев занимал промысел ценных осетровых пород с целью добычи черной икры¹⁷. Знали барабинцы в XVII в. и примитивное мотыжное земледелие, основной культивируемой зерновой культурой являлся ячмень¹⁸.

Развитие ремесла у жителей Барабы было обусловлено прежде всего необходимостью удовлетворения собственных хозяйственно-бытовых потребностей, но в некоторых видах ремесленного производства, связанных со скотоводством, барабинцы достигли достаточно высокого уровня мастерства. Так, например, кочевники-ойраты охотно брали в качестве алмана (дани) телячьи кожи барабинской выделки¹⁹.

В целом хозяйство барабинских татар носило натуральный характер, но некоторый избыток скотоводческой и промысловой продукции поступал в торговый обмен, в том числе с жителями русского Тарского острога, иначе нельзя объяснить возможность уплаты барабинцами уже в XVII в. части ясака в русскую казну деньгами²⁰.

Касаясь уровня социального развития барабинских татар к XVII в., известный омский этнограф Н.А. Томилов отмечает, что они находились «на стадии раннеклассовых отношений (формирующихся феодальных отношений в рамках Сибирского ханства при Кучуме)»²¹.

Мы не склонны модернизировать уровень общественного развития сибирских аборигенов в XVII в., однако отметим, что социальное расслоение у барабинских татар к этому времени зашло уже достаточно далеко. Во главе отдельных групп барабинцев стояли мелкие правители, именуемые в русских источниках князьями²². Эти князцы, как нам представляется, играли роль военных вождей и организаторов производства, а также на основе обычного права выполняли судебные и необходимые административно-управленческие функции, за что имели право на получение части избыточного продукта. Отметим, что в первой половине XVII в. у барабинцев был уже «верховный князец»

(в 20-е — 30-е гг. — Когутей), глава собственно Барабинской волости, который имел определенную власть над всей Барабой²³. Другой привилегированной категорией в социальной структуре барабинского общества были «лучшие люди» из числа наиболее зажиточных и знатных жителей Барабы. Они выполняли роль «дружинников» князцов, осуществляя их военно-административные поручения, например, сбор податей или конвоирование алманного каравана²⁴.

Имело место в барабинском обществе патриархальное рабство и даже работорговля своими сородичами. Так, в начале XVII в. барабинцы говорили представителям русских воевод, что для своевременной уплаты податей они были «принуждены жен своих и детей распродать»²⁵.

Скот, рабы и другое движимое имущество находилось у барабинских татар в семейной собственности, а земли — пастбищные, промысловые и иные угодья — в общинной собственности. Однако князцы и лучшие люди, обладая рычагами административной власти, имели возможность пользоваться лучшими угодьями.

Справедливости ради следует заметить, что власть барабинской знати была непрочной, неоднократно барабинские князцы сообщали русским властям в Сибири о «шатостях» среди «улусных людей»²⁶. Эти факты свидетельствуют о нарастании процесса социального расслоения, что приводило к расширению базы для внутриобщинных противоречий у барабинцев. Но малочисленность населения Барабы и наличие более сильных соседей, стремившихся подчинить барабинцев своей власти, сводили на нет возможность самостоятельного социально-политического развития барабинских татар.

Южными и юго-восточными соседями барабинских татар в начале XVII в. были представители другой тюркоязычной этнической общности — приобские телеуты, которые, будучи заинтересованными в поиске благоприятных пастбищных угодий, а также отступая под натиском миграции воинственных ойратов, откочевали на просторы равнинного Алтая из Алтайских гор на рубеже XVI—XVII вв.²⁷

На основе комплексного использования различных видов исторических источников история телеутского общества в XVII в. достаточно полно освещена в работах крупного специалиста по истории Южной Сибири А.П. Уманского²⁸. В начале XVII в.

главным районом кочевания приобских телеутов (Улуса Абака) являлись Верхнее Приобье и предгорья Алтая²⁹. А.П. Уманский следующим образом ограничивает рубежи «Телеутской земли»: 1. На севере (правый берег Оби) этнической границей расселения телеутов была река Иня (Уень). Крайним северо-западным пунктом расселения телеутов были озера Саргул и Сары-Балык; 2. На юго-западе кочевья телеутов доходили до верхнего течения реки Алей; 3. Южная граница телеутской области обитания проходила в горах северо-западного Алтая, по верхнему и среднему течению Чарыша, Алея и Кана; 4. На востоке и северо-востоке пределами телеутского расселения служили верховья Чумыша, Ини и Уската³⁰. По сведениям Г.Ф. Миллера, в начале XVII в. в телеутском улусе князца Абака насчитывалось до 1000 воинов, т.е. общая численность населения составляла около 5000 человек³¹.

Согласно выводам А.П. Потапова, происхождение приобских телеутов вполне устанавливается от одного из древнетюркских племен теле-доланге, через теленгутов монгольского периода³². Это вполне соответствует данным средневековых монгольских летописей, где теленгуты (телеуты) уже фигурируют среди «лесных народов», завоеванных и подчиненных монголами³³.

В хозяйственном комплексе телеутов к XVII в. главную роль играло экстенсивное кочевое скотоводство, не знавшее систематических заготовок сена на зиму и стойлового содержания скота. Стада телеутов состояли из лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз, иногда — верблюдов. Вполне возможно, что телеуты, прежде всего так называемые «малоскотные», жившие почти всегда на зимниках, занимались экстенсивным земледелием, но масштабы его, по-видимому, были незначительны. Вторым по степени значимости родом занятий телеутов была охота. Важными промысловыми животными в горах Алтая являлись марал и косуля, а на равнинах Верхней Оби — лось. Наибольшее значение имела пушная охота на соболей, белок, лисиц, бобров, горностаев, куниц, колонков, сурков и т.п. Занимались телеуты и рыболовством. Рыба, прежде всего таймень и щука, была важным пищевым продуктом в их рационе питания. В жизни рядовых телеутов большое значение имело собирательство. Они собирали кандык, сарану, дикий чеснок и некоторые другие растения. Известен был телеутам ряд домашних промыс-

лов, главным образом по обработке скотоводческой продукции. Кроме того, они умели обрабатывать дерево и, очевидно, были знакомы с обработкой металла. Несмотря на натуральный характер хозяйства телеутов, некоторый избыток скотоводческой продукции и охотничьего промысла все же поступал в торговый обмен с соседними народами, прежде всего с русскими людьми³⁴.

Характеризуя социальные отношения телеутского общества в XVII в., А.П. Уманский определяет их, как феодально-патриархальные, делая акцент на первый компонент своего определения, тем самым «вкладывая в него все-таки содержание, равнозначное понятию «ранний феодализм»»³⁵. Нам представляется более справедливым мнение авторов, полагающих, что для кочевых обществ характерен особый способ производства и своеобразная линия социальной эволюции³⁶.

Несомненно, что социальная и имущественная дифференциация телеутского общества в XVII в. была значительной — это ярко показал на основании выявленного фактического материала А.П. Уманский³⁷. Верхнюю ступень общественной иерархии занимали представители телеутской знати — князцы и «лучшие люди», которые отличались от представителей иных социальных категорий знатностью своего происхождения (принадлежностью к наиболее авторитетным родам) и имущественным положением. Иными словами, авторитет телеутской знати, их социальное положение основывались не только на родовитости происхождения, но и на богатстве. Князцы, «княжата» и «лучшие люди» стояли во главе телеутских улусов, передавая свою власть военных вождей и организаторов производства преимущественно по наследству. Основную массу телеутского общества составляли «улусные люди», в которых, вслед за А.П. Уманским, мы видим свободных рядовых скотоводов, самостоятельно ведущих свое кочевое хозяйство. «Улусные люди» подвергались эксплуатации со стороны телеутской знати в силу военно-административных возможностей последней. Существовали в телеутском обществе и категории лично несвободного населения — «дворовые люди», «холопы», рабы (кулы), но они были немногочисленны и не играли большой роли в социально-экономической жизни телеутского общества. Тем не менее мы полностью присоединяемся к выводу А.П. Уманского о том, телеутское общество в XVII в. уже было подвержено социальным противоречиям,

которые проявлялись, в частности, в переходе «улусных мужиков» в русское подданство³⁸. В политическом отношении в первой трети XVII в. «Телеутская земля» составляла единую организацию, а именно Улус Абака, от которого затем отделился улус племянника князя Абака — Мачика Койшебурина. Большие Улусы делились на малые улусы, которые, в свою очередь, состояли из мелких улусов-общин. Во главе улусов стояли князцы, выполнявшие военно-административные функции при помощи примитивного аппарата управления, формировавшегося из числа ближайших родственников и «лучших людей», которые возглавляли мелкие улусы-общины, являясь ближайшими советниками князцов. Составляя своеобразные «княжеские дружины», они выполняли, по поручению князцов, различные военные и административно-судебные функции. При решении важнейших вопросов внутренней и внешней политики важную роль в телеутском обществе играли собрания всех свободных мужчин улуса, где ключевые позиции были у князцов и «лучших людей»³⁹. Управлялась «Телеутская земля» на основе обычного права. Телеутский племенной союз, безусловно, играл в XVII в. видную роль в истории Сибири.

Ближайшими соседями телеутов в XVII в. были различные родоплеменные и территориальные группы, населявшие предгорья Алтая, Алтайские горы⁴⁰ и Кузнецкий Алатау. Эти этнические группы являлись предками современных алтайцев и шорцев. Проблема этногенеза населения данного района Южной Сибири относится к числу наиболее дискуссионных в этнографии народов Сибири⁴¹. Основным этническим компонентом для формирования алтайцев и шорцев являлся тюркский субстрат с участием, по всей видимости, финно-угорских элементов. В исторической литературе жителей рассматриваемого района принято подразделять на две этнографические группы: северную и южную, отличающихся друг от друга по происхождению, языку, способу ведения хозяйства и образу жизни.

В северную группу следует включать челканцев, кумандинцев, тубаларов, а также шорцев, которых Л.П. Потапов справедливо, на наш взгляд, относит к северным алтайцам⁴². Современные северные алтайцы, включая шорцев, — потомки родоплеменных групп, обитавших в XVII в. в тех же местах, которые они населяют фактически по сей день⁴³. Так, уже к 1626 г. по побережью

верхней и средней Бии, нижней Катуня и ряду их притоков проживали представители Комляшской, Кузневской, Кергешской и Юсской волостей⁴⁴, названия которых идентифицируются с соответствующими сеоками⁴⁵ тубаларов. В низовьях Бии были расселены кумандинцы, по побережью притока Бии — реки Лебедь — челканцы. Кроме того, названия родов-волостей, живших в бассейне притоков Томи — Кондомы и Мрассу вполне соотносятся с сеоками шорцев⁴⁶.

Согласно сведениям русских архивных источников, в начале XVII в. северные алтайцы, в том числе и шорцы, русскими служилыми именовались общим названием «кузнецкие люди», а их численность оценивалась приблизительно в три тысячи человек⁴⁷. Основным хозяйственным занятием для северных алтайцев являлась охота на мясного и пушного зверя⁴⁸, что было характерно для целого ряда племен, обитавших в горно-таежных районах Алтайско-Саянской горной системы. Охотились северные алтайцы при помощи ловушек-капканов спускного действия, луков-самострелов, а также ловчих ям и деревянных загородей, применявшихся при промысле крупного зверя⁴⁹. Основными объектами пушной охоты у «кузнецов» были соболь, бобр, белка, выдра⁵⁰. Обширные охотничьи угодья северных алтайцев находились в собственности отдельных родов-сеоков. Важным подспорьем для охотников служило также собирательство диких съедобных растений и рыбная ловля. Развитию скотоводства у северных алтайцев препятствовали достаточно глубокий снежный покров зимой и отсутствие навыков стойлового содержания скота, поэтому в их хозяйстве имелось лишь незначительное количество лошадей⁵¹. По всей видимости, уже в XVII в. северные алтайцы знали примитивное мотыжное земледелие⁵². «Кузнецам» были известны такие культуры, как яровой ячмень, рожь, горох, а некоторые их группы сеяли и яровую пшеницу⁵³. Из ремесел у северных алтайцев, в частности, у шорцев, в начале XVII в. необходимо выделить выплавку железа и изготовление железных изделий. Однако ремесленное производство у них не выделилось в самостоятельную отрасль и служило, в основном, удовлетворению потребностей личного хозяйства и выплаты дани. В царском наказе кузнецкому воеводе Е.И. Баскакову от 1622 г. сказано: «А около Кузнецково острогу на Кондоме и Брасе стоят горы каменные великие, и

в тех горах емлют кузнецкие есачные люди камень, да то камень розжигают на дровех и розбевают молотами намелко, а розбив, сеют решетом, а просеев, сыплют понемногу в горн, и в том сливаецца железо, и в том железе делают пансыри, бехтерцы, шеломы, копы, рогатины и сабли, и всякое железное, опричь пищалей»⁵⁴. Из других видов ремесленной продукции, изготовлявшейся северными алтайцами, славились качеством своей выделки «красные кожи»⁵⁵. Нуждаясь в различных предметах скотоводческого хозяйства, «кузнецы» нередко вступали в торговые отношения со своими кочевыми и полукочевыми соседями, предлагая им в обмен на необходимые продукты железные котлы и таганы, мотыги и тесла, и иные предметы кузнечного ремесла⁵⁶. Однако в целом хозяйство жителей северных районов Горного Алтая и Шории носило, конечно же, натуральный характер.

В социальном отношении в начале XVII в. тубалары, челканцы, кумандинцы и шорцы не вышли за рамки первобытного общества и отставали по уровню своего общественного развития от соседей-кочевников. Документы XVII в. не позволяют нам констатировать у северных алтайцев значительный уровень социального расслоения и выделить четко выраженные социальные группы, как, например, у телеутов. В общественной жизни северных алтайцев огромную роль играли патриархальные отношения, не случайно многие их волости, упомянутые в русских источниках начала XVII в., практически совпадают с родами-сеоками. В политическом плане жители северной части Горного Алтая и Кузнецкого Алатау к началу XVII в. не представляли единого целого, но уже в 20-е гг. XVII столетия русские документальные акты фиксируют у них объединения, более крупные, чем традиционные волости-улусы, в которые входило несколько волостей. Во главе улусов стояли представители родовой верхушки. Так, упоминаются 10 волостей улуса Соярана, 10 волостей Ендакова улуса, волости Бочетаева улуса⁵⁷. Тем не менее, раздробленность северных алтайцев обусловила их политическую зависимость от более сильных соседей.

При интерпретации этногенеза южных алтайцев в XVII в. мнения исследователей кардинально разошлись. Так, Л.П. Потапов полагает, что южные алтайцы в XVII в. не представляли этнического единства, в эту группу следует относить, как само-

стоятельные этнические образования, телеутов, телесов, живших в бассейне Чулышмана, теленгитов, населявших долины притоков Катуня рек Чуи и Аргута и собственно алтайцев, проживавших в бассейне средней Катуня⁵⁸. Г.П. Самаев считает, что уже в XVII в. южные алтайцы представляли этническое единство, состоявшее из теленгитов⁵⁹. Мы разделяем точку зрения Л.П. Потапова, полагая, однако, что отсутствие достаточного количества исторических сведений не позволяет пока воссоздать целостную этническую и демографическую картину этого региона в XVII в., за исключением вопросов, касающихся телеутов. Следует также учитывать, что в виду затруднительных условий ведения кочевого хозяйства в высокогорных районах Алтая, население здесь было немногочисленным. Кроме того, надо иметь в виду, что в XVII в. жители Горного Алтая не имели общего самоназвания и этнически идентифицировали себя лишь относительно принадлежности к тому или иному сеоку.

В начале XVII в. ближайшими соседями тубаларов, проживавших в районе Телецкого озера, были телесы, которые имели свои кочевья по побережью Телецкого озера и по реке Чулышман. Русские служилые люди оценивали численность телесов в 200 человек, вероятно, имея в виду взрослых мужчин⁶⁰. Социальная структура телеского общества была, по-видимому, аналогична телеутской — русские документы выделяют у них князцов (например, Мандрак, его сын Айдар) и «лучших людей»⁶¹. Этническая группа телесов имеет древние корни, в частности, она упоминается среди «лесных народов», покоренных в XIII в. монголами⁶². Другой этнической группой, проживавшей во внутренних районах Горного Алтая, были «горные теленгуты»⁶³, которых также называли «тау-телеутами» или «теленгутами»⁶⁴. В частности, в одном из источников указано, что эта этническая группа имела кочевья «вверх по Катуня вполдень»⁶⁵. Как и северные алтайцы, тау-телеуты в своем общественном устройстве делились на волости и улусы⁶⁶. Во главе улусов стояли князцы, под властью которых находились «их ясашные люди захребетники»⁶⁷. Таким образом, и здесь мы наблюдаем наличие социального неравенства.

Время от времени русские источники вполне четко отделяют «белых калмыков»-телеутов от «горных теленгутов»⁶⁸, что свидетельствует о неидентичности этих этнических групп в XVII в.

Мы полагаем, что в широком смысле ареал обитания горных теленгутов располагался южнее условной линии «Телецкое озеро — устье реки Белой (приток Чарыша)».

Отдельно следует сказать о небольших этнических группах неалтайского происхождения, кочевавших в Алтайских горах в XVII в. — орчаках, кучугутах, верхних саянцах, саянах, точах, мингатах и керсагальцах. А.П. Уманский, вслед за Л.П. Потаповым, считает, что эти этнические группы имеют тувинское происхождение⁶⁹. Мы также присоединяемся к этой точке зрения и остановимся коротко на выявлении области расселения этих этнических групп в XVII столетии.

В самом начале XVII в. (ранее 1609 г.) в приобских кочевьях телеутов появились кучугуты⁷⁰, которые позже, откочевав из степных равнинных районов в горные долины Катуня, в русских источниках стали фигурировать наряду с тау-телеутскими волостями⁷¹. Другой тувинской группой, кочевавшей в начале XVII столетия в вершинах Оби, были орчаки, которых насчитывалось до 200 человек⁷². Керсагальцы, как и кучугуты, жили в низовьях Катуня, рядом с тау-телеутами⁷³. Саяны, точи и мингаты в первой половине XVII в., по мнению А.П. Уманского, жили в долине Катуня, а верхние саянцы — на юго-западном берегу Телецкого озера⁷⁴. В социально-экономическом отношении эти небольшие пришлые этнические группы не отличались от южных алтайцев.

Наиболее крупными родоплеменными группами, населявшими к XVII в. территорию современной Республики Тыва, являлись мады, мингаты, точи, сойоты (саяны), тубо и ряд других этнических групп тюркско-монгольского происхождения — предков современных тувинцев. Они были расселены в долинах рек Большого и Малого Енисея и по их притокам, а также по горным хребтам Саянских гор и Танну-Ола⁷⁵.

Основным видом хозяйства предков современных южных алтайцев и тувинцев было экстенсивное кочевое, либо яйлажное скотоводство. Характер местности и климатические условия оказывали заметное влияние на структуру и размеры стад, направление и длительность перекочевков, способы кочевания. Относительно узкие горные долины, достаточно суровый климат сдерживали количественный рост поголовья стад. «Крупного, — писал по этому поводу известный археолог и историк

С.И. Руденко, — такого, как в степях, табунного скотоводства с постоянными перекочевками, на Алтае никогда не было»⁷⁶. Перекочевки совершались небольшими группами семей (айлами) на расстояние в несколько километров. Скот — лошади, овцы, коровы, олени — круглый год находился на подножном корму, сено на зиму заготавливали в минимальных количествах, чтобы поддержать молодняк. Скот был продуктом питания, средством обмена и передвижения, мерилем богатства и знатности. Важным подспорьем в жизнеобеспечении этих горных кочевников была охота на мясного и пушного зверя, а для отдельных групп тувинцев, как и для северных алтайцев — основным хозяйственным занятием⁷⁷. Основным оружием охоты были лук и стрелы. Некоторые группы южных алтайцев и тувинцев знали примитивное земледелие. Сеяли в небольшом количестве близ весенних и осенних пастбищ просо и ячмень. Определенную роль в их жизни играли рыболовство и собирательство. Ремесленное производство носило натуральный, домашний характер и было направлено на обеспечение кочевого быта. Поскольку жители горно-степных районов занимались скотоводством, а население горно-таежных — охотой, между ними существовал натуральный товарообмен⁷⁸.

В социальном отношении у южных алтайцев и тувинцев на смену родовым связям приходили связи территориальные. Так, тувинские роды того времени, считает тувинский историк Н.А. Сердобов, хотя и были действительно связаны преемственностью с древними родами, но на самом деле уже давно утратили существо родовых отношений. Они были продуктом смешения, дробления и разделения на модели былых кровнородственных объединений⁷⁹. Пришедшая на смену родовой аильная община представляла собой объединение семей-собственников скота, лишь номинально считавшихся родственной группой и кочевавших в пределах определенной территории. Несколько аильных общин составляли улус — своеобразное военно-административное образование кочевников.

Имущественное расслоение у южных алтайцев и тувинцев к этому времени зашло уже достаточно далеко. Нарождающаяся аильная и улусная знать, используя родовые обычаи и институты, эксплуатировала своих соплеменников. Однако, несмотря на эти факты, мы присоединяемся к мнению Г.Е. Маркова и В.Н. Вла-

димирова и полагаем, что общество южных алтайцев и тувинцев, как, впрочем, и любое другое кочевое общество, нельзя рассматривать как феодальное и даже феодализирующееся⁸⁰.

Низкий уровень развития производительных сил и незрелость социальных отношений у жителей рассматриваемого региона обусловили и характер их потестарной организации. Как правило, каждый улус представлял собой независимую военно-административную единицу (если конечно он не попадал в условия внешней зависимости), во главе которого стоял князец. Последний, опираясь на имеющийся в его распоряжении вооруженный отряд, примитивную администрацию из числа ближайших родственников и «лучших людей», ведал распределением кочевий, вершил суд, принимал военные решения и выполнял некоторые иные военно-административные функции. Следует заметить, что на всем протяжении истории ни Алтай, ни Тува не являлись крупными политическими центрами, а малочисленность и разбросанность населения сделали алтайцев и тувинцев, как и жителей соседних районов Сибири, добычей их более сильных соседей.

Население северных соседей тувинцев — енисейских кыргызов было представлено в XVII в. четырьмя улусами смешанного тюркского и угро-самодийского происхождения⁸¹: Алтырского, население которого проживало в бассейне реки Абакан; Алтызарского, имевшего свои кочевья по берегам Черного и Белого Июсов; на правом берегу Енисея по реке Тубе кочевали тувинцы; наконец, Езерский (Керетский, Десарский) улус простирал свои кочевья по левому берегу Енисея вверх от впадения в него реки Абакан. В основе экономики енисейских кыргызов лежало кочевое скотоводство, дополняемое охотой и домашним ремеслом, отчасти — земледелием. Л.П. Потапов характеризовал общественные отношения у кыргызов, как патриархально-феодальные⁸². По мнению Б.О. Долгих, для кыргызского общества XVII в. был характерен патриархально-родовой строй на высшей ступени развития⁸³. Мы уже высказали свою точку зрения по поводу уровня развития и особенностей общественных отношений у кочевников. Так или иначе, но общество енисейских кыргызов XVII в. было уже определенно стратифицировано и по своей структуре, образу жизни и быту было аналогичным обществу приобских телеутов. Во главе кыргызских

улусов стояли князцы, среди которых источники выделяют «начального князца», передававшие свою власть по наследству и имевшие в своем распоряжении примитивный военно-административный аппарат из числа родственников и «лучших людей». Нижнюю ступень кыргызского общества занимали «улусные люди», «улусные мужики», «черные людишки». По некоторым сведениям, общее число взрослого мужского населения кыргызских улусов составляло к XVII в. порядка 300 человек⁸⁴, т.е. по приблизительным подсчетам численность кыргызов была около 1500 человек.

Отметим еще один важный момент — тубинцы, в политической жизни Верхнего Енисея в XVII в. фигурирующие фактически всегда согласно схеме «кыргызы и тубинцы», проводившие единую с кыргызами политику, тем не менее, всегда рассматривались, как этнополитический элемент, несколько самостоятельный от алтырцев, езерцев и алтызарцев, а Тубинская земля фигурирует в источниках наряду с наименованием «Кыргызская земля».

Хакасский историк В.Я. Бутанаев, вслед за Н.Н. Козьминым, полагает, что объединение кыргызов в XVII в. было государством, находившимся в упадке⁸⁵. Мы, в свою очередь, считаем, что общество кыргызов, как и социум приобских телеутов, оформилось лишь в межплеменной союз. Однако не вызывает сомнения, что кыргызы, как и телеуты, сыграли видную роль в политической жизни Сибири.

Соседями енисейских кыргызов были различные небольшие и разрозненные этнические группы тюркского, угро-самодийского и кетского происхождения. Так, по реке Каче жили аринцы, качинцы и кизильцы. Верховья рек Абакан и Томь были местом обитания сагайцев. Моторы и байкотовцы проживали на побережье Енисея по соседству с тубинцами⁸⁶. Все эти группы в своем развитии не вышли за рамки первобытного общества. Качинцы были скотоводами-кочевниками, которые занимались понемногу и земледелием, сея ячмень и курлак (дикую гречиху). Большую роль в их хозяйстве играли охота на пушного таежного зверя и заготовка корней сараны. Подобное хозяйство существовало у аринцев, кизильцев и сагайцев. Основным занятием моторов и их соседей была охота и разведение оленей⁸⁷. Все эти группы не имели «политической» самостоятельности.

Как справедливо отметил в одной из своих работ В.А. Моисеев, с древности жизнь саяно-алтайских народов (как, впрочем, и всех народов Южной Сибири с прилегающими районами — О.Б.) в целом определялась ходом исторических событий в Центральной Азии⁸⁸. Поэтому южные соседи, прежде всего монгольские владетели, долгое время оказывали огромное влияние на политическую обстановку в Сибири. Среди них особо следует выделить хотогойтских и ойратских правителей.

Владение хотогойтских Алтын-ханов, возникшее в период междоусобиц среди халхаских владетелей, располагавшееся в северо-западной части Халхи, образовалось в конце XVI в. Основателем его был один из внуков знаменитого монгольского князя Гэрэсэндзэ — Шолой Убаши-хунтайджи. Большинство населения княжества составляли хотогойты, которые в конце XVI в. кочевали в районе озера Убсу-нур. Первый Алтын-хан находился сначала в подчинении халхаского Дзасактухана, а на рубеже XVI—XVII вв. стал проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику⁸⁹. Границами владений Алтын-ханов были на севере — Саянские горы, на юге — предгорья Монгольского Алтая, на западе — озеро Убсу-нур, на востоке — озера Косогол и Сангин-далай⁹⁰. На протяжении длительного времени хотогойты представляли серьезную угрозу для населения юга Сибири.

Другой мощной силой, в течение полутора столетий определявшей ход исторического процесса на юге Сибири, были ойраты⁹¹. Ойраты появились на территории Юго-Западной Сибири в конце XVI в.⁹² Группы ойратов (джунгар), появившиеся в конце XVI — начале XVII в. в междуречье Оби и Иртыша, возглавлялись дэрбэтским тайшей Далаем и торгоутским тайшей Дзорикту. От этой группы в 1604 г. отделился улус брата последнего Хо-Урлюка, который впоследствии начал постепенную перекочевку в Поволжье⁹³. Причины этого переселения надо искать, по словам А.П. Уманского, в социально-экономической и политической жизни монголов. Вся внутренняя жизнь Монголии в эту пору характеризуется борьбой западномонгольских и восточномонгольских объединений за гегемонию в Центральной Азии. Рост стад и дробление улусов были главными причинами монгольской экспансии, в ходе которой ойраты начали распространяться по степям Юго-Западной Сибири и Восточного

Казахстана. Монголы стремились захватом пастбищ обеспечить базу для дальнейшего развития скотоводства, а контролем над торговыми путями выйти на рынки Средней Азии, Китая и Русского государства. Поскольку возможности внешней экспансии имели свои пределы, это неизбежно приводило к междоусобной борьбе восточных и западных монголов за пастбища, за скот, за право эксплуатации захваченных областей и завоеванных народов⁹⁴. Восточномонгольские владетели стремились оттеснить ойратов как можно дальше на запад. С конца XVI в. борьба между ойратами и восточными монголами превратилась в большую войну, в которую постепенно были втянуты все ойратские владения. Это ускорило процесс консолидации ойратского общества под эгидой влиятельного чоросского тайши Хара-Хулы. Главными врагами ойратов на востоке были хотогойтские Алтын-ханы. Ареной этой борьбы нередко становилась территория Южной Сибири. Этот фактор содействовал росту постоянной военно-политической напряженности в этом регионе в рассматриваемый период.

Вообще, политическое положение на юге Сибири к началу XVII в. определялось прежде всего тем, что в данном регионе господствующее положение занимали кочевые общества. Одним из важнейших способов адаптации номадизма к окружающему внешнему миру было насильственное изъятие необходимых для них продуктов производства из соседних некочевых обществ. Разнообразные формы внешней эксплуатации (периодические набеги, регулярный грабеж, война и взимание контрибуции, навязываемый вассалитет, данничество, непосредственное завоевание с последующим установлением суперстратификации) были широко распространены у кочевников⁹⁵. Одним из своеобразных выражений суперстратификации в Сибири к XVII в. был существовавший здесь институт кыштымства. Кыштымами в Сибири именовались племена и роды, бывшие в подчинении более сильных соседей. Кыштымы по отношению к их своеобразным сюзеренам выполняли две основные формы повинности: уплату дани и, в случае необходимости, выставление ополчений, из которых первая играла основную роль. Чем ближе жили кыштымы к своим господам, тем прочнее была их зависимость и регулярнее сбор дани. Для отдаленных групп спорадические посещения воинственных дружин, рассматривавших их как кыш-

тым, приближались по своему характеру к военным набегам. Причем не всегда обращение мелких племен и родов в кыштымов происходило путем завоевания, имел место и добровольный характер принятия статуса кыштымов. Обязательства, возникавшие между кыштымами и их повелителями, были взаимными: первые платили дань и выставляли вспомогательное войско, вторые обеспечивали охрану своих кыштымов и заботились о поддержании мира на их территории. Это обстоятельство открывало возможность мирного признания кыштымами своей зависимости и обуславливало заинтересованность в подчинении более сильному в данный период времени соседу, способному лучше ограждать их земли от вторжений врагов⁹⁶. Отношения господства и подчинения прочно укрепились между этническими группами Сибири. Ни одно из местных племен не могло вести изолированного существования, обеспечить в одиночку свою безопасность от вражеских набегов, избежать подчинения. Наиболее сильным кочевым объединением на юге Сибири на рубеже XVI–XVII вв. были енисейские кыргызы, имевшие в качестве кыштымов множество мелких родов и этнических групп. Так, кыштымами Алтызарского улуса являлись все жители долин рек Чулыма, Ки, а также северных отрогов Кузнецкого Алатау. Кыштымские урочища Езерского улуса располагались вниз по течению Енисея, захватывая долины рек Убея, Сисима, Маны, Качи и даже Кана. Кыштымской землей Алтырского улуса считались таежные долины Кузнецкого Алатау по рекам Томи, Мрассу и Кондоме, а также Северный Алтай до Телецкого озера. Тубинские кыштымы занимали таежные урочища Восточных и Западных Саян⁹⁷. Но еще в конце XVI в. в Саяны начали проникать военные отряды Алтын-хана. Это привело, во-первых, к тому, что значительная часть тувинских этнических групп превратилась в кыштымов Шолоя Убаши-хунтайджи⁹⁸, а во-вторых, енисейские кыргызы оказались перед угрозой не только потери своих саянских кыштымов, но и собственной независимости.

Угроза ликвидации монополии енисейских кыргызов на эксплуатацию южносибирских кыштымов в самом начале XVII в. исходила не только от хотогойтов, но и от ойратов и телеутов, также имевших сильные военно-кочевые объединения. С первых лет XVII столетия проникавшие в Горный Алтай со стороны

Верхнего Иртыша ойратские военные отряды начали превращать в своих кыштымов «горных теленгутов»⁹⁹, которые имели место жительства в районе, находившемся в сфере влияния телеутского князца Абака и являлись, по всей видимости, кыштымами последнего. В нашем распоряжении нет прямых свидетельств о том, что «горные теленгуты» уже с начала XVII в. были кыштымами телеутов, но мы склонны полагать, что в числе причин войны между телеутами и ойратами 1608–1609 гг.¹⁰⁰ была не только и даже не столько борьба телеутов за собственную независимость, сколько их борьба за право монопольной эксплуатации «горных теленгутов». Телеуты, в свою очередь, располагая достаточно сильными военными ресурсами, откочевав на равнины Алтая, представляли угрозу кыштымной монополии енисейских кыргызов над северными алтайцами.

Такова, в общих чертах, была этническая, социально-экономическая и политическая обстановка в Южной и Юго-Западной Сибири накануне начала русской колонизации этого региона.

1.2. Возникновение двоеданничества в Сибири (первая половина XVII в.)

Разгром сибирского хана Кучума Ермаком¹⁰¹ открыл путь для русской колонизации Западной Сибири, в том числе на южном направлении. С целью дальнейшего продвижения в Сибирь русское правительство решило построить на Иртыше у впадения в него реки Тара новый опорный пункт. Русская крепость на Иртыше получила название Тарского города (Тары). Строительные работы по сооружению крепости закончились летом 1594 г. В составе постоянного тарского гарнизона было оставлено 320 человек. Основное назначение Тарского города заключалось в организации обороны русских владений в Прииртышье от притязаний степных кочевников и взимании ясака в царскую казну с местного населения. Служилые люди Тары выполняли сторожевую службу в пограничном со степью районе и расширяли подвластную русскому царю территорию, увеличивая при этом количество ясачного населения¹⁰².

На южном направлении первыми были объясачены барабинские татары. Со слов самих барабинцев, после основания города Тара «стали их призывать в российскую протекцию... и они, барабинцы, тогда российскую протекцию и принимали и обещали платить ясаку с человека по две лисицы или деньгами за каждую по полтине»¹⁰³. Б.О. Долгих установил, что в 1595 г. из числа Барабинских волостей была объясачена лишь Тунусская волость, в которой насчитывалось 40 ясачных. По остальным волостям Барабы имеются достоверные сведения только с 1624 г. Во всех Барабинских волостях в 1624 г. насчитывалось 120 ясачных татар¹⁰⁴. Таким образом, татары Барабинских волостей были объясачены и приведены в русское подданство с 1594 по 1624 гг. Как явствует из цитированного выше сообщения самих барабинцев, принятие ими русского подданства носило добровольный характер.

Уже в самом начале XVII в. русское продвижение на юг Западной Сибири натолкнулось на встречный поток ойратской экспансии. В 1606 г., как сообщил в Тобольск тарский воевода Сила Гагарин, ойраты, которые «за несколько лет до того появились в приобских степях», впервые оказались в ясачных волостях Тарского уезда¹⁰⁵. В 1607 г. было положено начало официальным русско-ойратским отношениям: по распоряжению из Москвы тарский воевода обменялся посольствами с ойратскими тайшами, предложив им принять русское подданство¹⁰⁶. Как стало известно в начале 1608 г. в Приказе Казанского дворца, ведавшего делами Сибири¹⁰⁷, ойратские тайши «били челом» разрешить им кочевать по реке Омь, и «князь Сила Гагарин велел им кочевать по Оми». Разрозненные группировки ойратских князей оттеснялись на северо-запад от своих прежних кочевий войсками Шолоя Убаши-хунтайджи, с запада ойратам угрожали казахи. В условиях нависшей опасности некоторые ойратские тайши стали обращаться к русским властям с просьбой о подданстве. Посол ойратского Баатыра-тайши (дэрбэтского тайши Далая — О.Б.) Арлай просил русские власти построить на Оми острог для обороны от войск Алтын-хана и передал пожелание своего тайши платить в русскую казну ясак скотом, т.к. пушнину, которая была основным предметом ясачных сборов, ойраты, по его словам, не промышляли. Получив эти сведения, московские власти с одобрением отнеслись к желанию части ойратов принять русское

подданство, однако, проявляя осторожность, дали распоряжение сибирским воеводам, в случае, если ойраты не примут русское подданство, их «не воевать». Однако наметившийся перелом в противоборстве хотогойтов и ойратов в пользу последних изменил отношение ойратских князей к Русскому государству и его подданным. Вскоре выяснилось, что ойраты не помышляют о мирном сожительстве с русскими и ясачными татарами: кочевавшие близ Тары ойраты ведомства Хо-Урлюка «у ясашных татар рыбную ловлю и зверовую добычу отняли»¹⁰⁸. Весной 1608 г. ойраты, совместно с пытавшимися восстановить свое политическое влияние в Западной Сибири Кучумовичами, совершили набег на ясачные волости, погромив при этом «татарские городки». В ответ служилые люди совершили военный поход против ойратов. По всей видимости, ойратские набеги на западносибирские ясачные волости стали постоянными, т.к. в 1611 и 1613 гг. сибирскими воеводами были организованы новые походы против ойратов с целью оградить ясачное население от притязаний со стороны «черных калмыков»¹⁰⁹. Перечисленные факты подтверждают сомнению утверждение И.Я. Златкина, что в это время ойраты ставили перед собой задачу наладить добрососедские отношения с Русским государством¹¹⁰. Предпринятые русскими походы не остановили ойратов от попыток грабежей, сбора дани и установления сюзеренитета над ясачными Тарского уезда. Очередная неудачная война с хотогойтами вновь вынудила ойратские группировки искать спасение на рубежах Тарского уезда. В январе 1623 г. русским властям стало известно, что «черные калмыки» ведомства Уруслана-тайши требовали от ясачных татар, находившихся на зверовых промыслах, уплаты дани, угрожая, в случае отказа, войной. Татары от уплаты дани ойратам отказались¹¹¹. Летом 1625 г. ойраты, совершив набег на Тарский уезд, отогнали у ясачных татар лошадей, а у самих ясачных, которых удалось застать врасплох на зверовых промыслах, «ругаючись, груди вспарывали»¹¹². В 1626 г. вооруженный отряд ойратов осадил Барабинский острог, построенный по указу русских властей специально для защиты ясачного населения Барабы. От гибели осажденных спасла лишь присланная вовремя помощь¹¹³.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в Барабе, тарский воевода Степан Исленьев в январе 1627 г. сообщал в Москву, что «пришли колмацкие люди войною на верхние волости в Тунус,

в Любу, в Тураши, в Барабу, в Чой, в Тереню, а иные колмацкие люди пришли близко Тарского города в ясашные волостные места... и ясашным людям в промыслах учинили тесноту»¹¹⁴. Высылаемые на помощь барабинцам немногочисленные отряды служилых людей не могли оградить их от ойратских нападений. Весной 1627 г. барабинские татары, несмотря на отказ русских властей оказать им помощь, сами организовали военные походы против ойратов¹¹⁵. Барабинский острог, гарнизон которого в 1628 г. насчитывал всего 40 человек, был не в состоянии оградить Барабинские волости от ойратских вторжений¹¹⁶.

И.Я. Златкин полагал, что ойратская группировка Аблай-Кошевчая уже во второе десятилетие XVII в. подчинила барабинских татар и взимала с них алман (подать)¹¹⁷. К этому мнению присоединился Ф.А. Сатлаев¹¹⁸. Ш.Б. Чимитдоржиев также считает, что барабинские татары были данниками ойратов (торгоутов и дэрбэтов) еще до объясачивания их русскими¹¹⁹. Однако факты говорят о другом — в первой четверти XVII в. ойратским тайшам не удалось обложить регулярной данью ясачное население Тарского уезда. Несмотря на постоянные домогательства со стороны различных ойратских группировок, русские власти сохранили монополию на ясачные сборы с барабинских татар.

По имеющимся данным, в составе шести волостей Тарского уезда, которые мы причисляем к Барабинским, к концу 20-х гг. XVII в. было 253 плательщика ясака, в том числе в составе Теренинской волости числилось 28, в Барабинской — 116, в Чоинской — 17, Турашской — 38, Любинской — 28, в Тунуской — 31 ясачный татарин¹²⁰.

В 20-е гг. XVII в. политическая обстановка в Юго-Западной Сибири резко обострилась: используя недовольство местного населения ясачной политикой русских властей, их неспособность обеспечить неприкосновенность жизни и имущества ясачных, Кучумовичам удалось создать временную военную коалицию, направленную против Русского государства. В нее вошли часть тарских, барабинских, чатских татар, телеуты, орчаки, а также отдельные ойратские тайши со своими улусами и некоторые другие этнические группы, проживавшие на территории Западной Сибири¹²¹.

Причинами того, что в антирусской коалиции оказались барабинские татары, причем в одном лагере с ойратами, было то, что, во-первых, барабинцы неоднократно сталкивались с самоуправ-

ством и злоупотреблениями сибирской администрации. По словам барабинских татар, тарские власти, установив первоначально для них ясак в размере двух шкурки лисы, вскоре потребовали по пять лисиц с человека, а тех, кто отказывался платить такой размер ясака, служилые били «железною палкою». Для того, чтобы выплатить вновь установленную подать, барабинцы, якобы были «принуждены жен своих и детей распродать»¹²². Второй причиной, подтолкнувшей барабинцев начать борьбу против русских властей, было бессилие сибирской администрации оградить барабинцев от набегов воинственных соседей: в лице сильных участников коалиции барабинцы видели более надежных, чем русские, сюзеренов-покровителей.

Восстание барабинских татар, которое возглавили местные князья Когутэй, Кушлудук и Енбай, вспыхнуло в июле 1628 г. Восставшие перебили отряд служилых людей во главе с сыном боярским Еремеем Пружилиным и, опасаясь мести тарских воевод, бежали на границу с кочевьями телеутов, в верховья Оби. Посланный к барабинцам из Тары сын боярский Богдан Байкач, для того, чтобы выяснить причины «измены» и уговорить князцов «отстать от воровства», вынужден был возвратиться обратно, не сумев убедить восставших вернуться на прежнее место жительства¹²³.

Весной 1629 г. восстание вспыхнуло с новой силой. К барабинцам присоединились тарские татары, но и они были разгромлены отрядом служилых людей около озера Чаны¹²⁴. В это время в Барабе появился Кучумович Аблайгерим с отрядом из 60 ойратов. Здесь Аблайгериму удалось увеличить численность своего отряда до 300 человек, и он стал вынашивать планы совершить летом 1630 г. поход на Тару. Однако из-за противоречий между членами антирусской коалиции этот поход не состоялся¹²⁵.

В 1630 г. Аблайгерим стал собирать с барабинских татар, которых он, как Кучумович, считал своими кыштымами, алман не только в свою пользу, но и в пользу ойратской знати, в частности, в пользу Кулы-тайши, кочевавшего со своим улусом в районе Ямышевского озера. Убедившись, что алман несколько не легче ясака в русскую казну, некоторые барабинцы стали возвращаться в Тарский уезд¹²⁶, но многие из них «ушли к зенгорскому владельцу Хара-Хуле... и приняли его протекцию»¹²⁷.

По некоторым сведениям, к ойратам ушло до 700 человек барабинских татар, включая женщин и детей¹²⁸. Таким образом, 1630 г., а не второе десятилетие XVII в., следует считать временем, с которого многие барабинцы стали данниками ойратов. Как отмечалось выше, главными причинами «измены» барабинцев и последовавшего за ней бегства части населения Барабы к ойратским князьям были злоупотребления русских властей при сборах податей и неспособность тарских воевод обеспечить безопасность жизни и имущества барабинских татар.

С переходом значительной части населения Барабы в кыштымную зависимость от ойратов набеги последних на Тарский уезд отнюдь не прекратились, — осенью 1631 г. «черные калмыки» вновь погомили волости татар, оставшихся в русском подданстве¹²⁹.

Сибирских воевод не могла не беспокоить политика ойратских князей в Западной Сибири. В 1633 г. тарский воевода отправил к ойратскому тайше Иркыл Элдэню посольных с требованием не кочевать без позволения русских властей на территории Тарского уезда и вернуть на прежнее место жительства «перебежчиков барабинского князька с товарищи и других». Однако ойраты не согласились ни вернуть барабинцев, ни содействовать их возвращению¹³⁰. К 1634 г. в Барабе осталось 162 плательщика ясака, т.е. их количество, по сравнению с 1627 г., сократилось на 91 человек. Из них в Турашской волости осталось 18 человек, в Любинской — 16, в Тунусской — 21, в Барабинской — 84, в Чоинской — 15, а в Теренинской — 8 плательщиков ясака¹³¹.

В начале XVII в. эуштинский князец Тоян приехал в Москву и обратился с просьбой к правительству Бориса Годунова взять под защиту Русского государства селения томских татар в Нижнем Притомье и поставить в их земле русскую крепость. С началом навигации 1604 г. русский отряд отправился из Сургута на судах вверх по Оби до устья реки Томи и далее вверх по Томи до земель томских татар-эуштинцев. Уже к концу сентября 1604 г. строительные работы по сооружению Томского острога в основном были закончены¹³². Тем самым русскими был сделан не только шаг на восток Сибири, но и открылись новые возможности колонизации ее южных районов. Обложив ясаком местное население, жившее в непосредственной близости к Томску, отряды служилых людей начали предпринимать военные экспедиции на юг и юго-восток с целью приведения в русское подданство

аборигенов Южной Сибири, где казакам пришлось столкнуться с сопротивлением военно-кочевой знати енисейских кыргызов. Опыт первых контактов кыргызской племенной верхушки с томскими служилыми людьми показал, что в лице русских они получили новых, еще более сильных соперников, чем хотогойты, за право эксплуатации кыштымов.

Как справедливо отмечает А.П. Уманский, в работах отечественных историков в той или иной степени освещены вопросы истории енисейских кыргызов, их взаимоотношения с русскими властями¹³³, однако только Н.Н. Козьмин и А.П. Потапов¹³⁴ акцентировали внимание на том, что кыргызские князцы в первой половине XVII в. выступали против русской администрации под эгидой ойратских правителей¹³⁵. Нам следует к этому добавить, что на монгольский фактор в русско-кыргызских отношениях обращал внимание Ш.Б. Чимитдоржиев, а одним из первых на это указал В.В. Бартольд¹³⁶.

После того, как русскими служилыми были объяснены жители Чулымских волостей, являвшиеся кыштымами кыргызов Алтызарского улуса, в январе 1609 г. отряд томских казаков во главе с Бурнашем Никоновым был послан для приведения «под государеву руку» самих кыргызов. Среди кыргызских князцов произошел раскол. Алтызарский князец Номча, по всей видимости, испугавшись русского отряда, заплатил ясак со своих людей и дал в качестве аманата (заложника) в Томск свою жену. Другие же князцы — алтызарский Ноян и езерский Кочебай ясак платить отказались, а казаков «били плетьюми и голодом морили». Вскоре после этого кыргызы во главе с Кочебаем погромили Чулымские волости и собрали с них подати, как со своих кыштымов. С этого момента между русскими и кыргызами началась открытая борьба за право эксплуатации населения Южной Сибири. В июле 1609 г. томские казаки совершили военную экспедицию против кыргызов, после чего князцы Номча и Кочебай вынуждены были дать обязательство регулярно платить ясак¹³⁷. По указу воеводы В.В. Волынского из Томска в Кыргызскую землю для принятия шерти (присяги) и ясачного сбора были отправлены служилые люди. Кочебаю было приказано привести в русское подданство алтызарского князца Номчу и алтырского Абрая, чтобы они «к зиме ясак готовили»¹³⁸. Объяснить поведение Кочебая можно двояко: либо это был

хитрый маневр кыргызского князца с целью получить военную передышку и перегруппировать силы для продолжения борьбы за кыштымов, либо кыргызская верхушка решила обезопасить свой тыл в условиях, когда началась война Шолоя Убаши с ойратами¹³⁹ — военные действия могли перекинуться в «Кыргызскую землю» или земли кыргызских кыштымов.

В войне с Алтын-ханом ойратам сопутствовал успех, они «отогнали» последнего «от зимнего его кочевания далече, где он преж сего кочевал»¹⁴⁰. Поражение хотогойтов привело к потере ими контроля над своими тувинскими кыштымами, которые не только вышли из подчинения Алтын-хана, но и начали против него боевые действия. Правильно оценив обстановку, В.В. Волинский, заручившись лояльностью кыргызских князцов, послал отряд ясатчиков приводить в русское подданство тувинцев-мадов, которые жили «от кыргыз ходу два дня». Служилым удалось привести к присяге «князей матцких» Четея, Омана и Тумея, которых Шолой Убаши считал своими кыштымами. Мадские князцы, опасаясь мести со стороны Алтын-хана, заявили о своем желании «кочевать с кыргызскими людьми ближе к Томскому городу»¹⁴¹.

Однако вскоре положение на Верхнем Енисее резко изменилось не в пользу русского государства. В 1610 г. ни один из кыргызских улусов не уплатил ясак. Мады, а также некоторые Чулымские волости, «изменя», откочевали в Кыргызскую землю. Сгруппировав свои военные силы, кыргызы начали совершать опустошительные набеги на оставшиеся верными русским властям Чулымские волости, принуждая чулымцев, как своих кыштымов, платить дань. Началась настоящая война между Томском и кыргызами, которых поддерживали не желавшие подчиниться русским властям их данники¹⁴². Как видим, причиной русско-кыргызских противоречий было нежелание кыргызской знати уступать русским властям право на эксплуатацию своих кыштымов, а дача шерти некоторыми кыргызскими князцами носила формальный характер и, вероятно, была их тактическим ходом в попытках противодействия русской политике в бассейне Верхнего Енисея: таким образом кыргызы надеялись приостановить продвижение казаков в улусы их кыштымов. Данную шерть кыргызы воспринимали, как заключение союза с русскими (воеводы полагали, что шертование являлось принятием русского

подданства), надеясь, что казаки не будут облагать ясаком кыштымов своих союзников. Эти надежды кыргызских князцов не оправдались, тогда они стали использовать военные методы противодействия русским.

Томские воеводы, не имея достаточных военных сил для борьбы с кыргызами, предприняли попытку склонить к военному союзу телеутского князца Абака, располагавшего значительным количеством «боевых людей». Абак также был заинтересован в союзе с русскими: во-первых, в лице русских он видел военную поддержку в борьбе с ойратами, а во-вторых, телеутский князец надеялся при помощи томских служилых людей подорвать кыргызское господство в Южной Сибири, отобрав у кыргызов их кыштымов, прежде всего северных алтайцев, с которыми, как известно, телеуты жили по соседству. К слову, Г.П. Самаев, не ссылаясь на источники, ошибочно считает, что северные алтайцы были кыштымами телеутов с самого начала XVII в.¹⁴³

В 1609 г. военный союз между русскими властями и Улусом Абака был успешно заключен¹⁴⁴. Осенью 1615 г. русские служилые люди из Томска совместно с телеутами Абака, а также чатами и зуштинцами организовали большую военную экспедицию в кыргызские кочевья. Поход был успешным — союзники «повоевали» три кыргызских городка, взяли полон, заполучили от князцов-кыргызов аманатов¹⁴⁵.

Однако русские власти стремились закрепить в Южной Сибири не только при помощи военной силы, но предпринимали с этой целью и дипломатические шаги. В 1616 г. к Алтын-хану Шолою Убаши было направлено посольство во главе с Василием Тюменцем с задачей склонить его в русское подданство или, по крайней мере, потребовать, чтобы хотогойты не чинили препятствий русской политике на Верхнем Енисее. Во время пребывания В. Тюменца у Алтын-хана выяснилось, что енисейские кыргызы стали его кыштымами (это произошло между 1610 и 1616 годом, т.к. еще в 1609 г. кыргызские князцы подчеркивали свою независимость от Шолоя Убаши)¹⁴⁶. Отсутствие каких-либо сведений о военных походах хотогойтов в улусы кыргызов говорит о том, что последние признали кыштымную зависимость от Алтын-хана добровольно. Таким образом, кыргызская знать хотела приобрести в лице хотогойтов сильных союзников-покровителей в борьбе против русских. Обратим внимание на ошибочность мнения

И.Я. Златкина о том, что кыргызы стали данниками Алтын-хана еще в конце XVI в.¹⁴⁷ Алтын-хан, желая заполучить русских служилых в союзники для дальнейшей борьбы с ойратами, подчеркнув права своего сюзеренитета над кыргызами, заверил В. Тюменца, что принудит их князцов платить ясак в русскую казну¹⁴⁸. В отечественной историографии утвердилась точка зрения, что идея двоеданничества, т.е. сбора податей с той или иной группы населения одновременно двумя сторонами, впервые была высказана в октябре 1640 г. ойратским ханом Батуром-хунтайджи представителю тобольского воеводы Меньшому-Ремезову¹⁴⁹. Однако, как видим, хотогойтский владетель еще в 1616 г. впервые фактически предложил русским властям официально признать за населением Верхнего Енисея статус двоеданцев. Таким образом, Алтын-хан своими действиями не оправдал надежды кыргызских князцов на его помощь и поддержку в борьбе против Русского государства. Учитывая, что, по словам В. Тюменца, Алтын-хан желал принять русское подданство, власти не стали особо возражать против предложения хотогойтского правителя установить двоеданничество в кыргызских улусах. Военные действия 1615 г. и лояльность Алтын-хана оказали влияние на позицию кыргызской верхушки, и уже в марте 1617 г. в Москве стало известно, что кыргызские князцы вновь «со своими людьми под государевою высокою рукою и по своей вере шертовали, а ясак государю в Томский город соболи и бобры, и лисицы, и куницы... послали»¹⁵⁰. На короткий срок обстановка на Верхнем Енисее стабилизировалась, однако, признавая власть Москвы, кыргызские князцы по-прежнему враждебно относились к представителям томских воевод¹⁵¹.

Заклучив военный союз и надеясь на лояльность телеутского князца Абака, томские власти начали активные действия по приведению в русское подданство «кузнецких татар»-шорцев. С 1608 по 1615 год томские казаки обложили ясаком несколько шорских родов в верховьях Томи, но закрепить власть русской администрации им здесь не удалось. Так, в 1615 г. за своих кыштымов вступились енисейские кыргызы, которые «со всех сторон окружили» отряд ясатчиков во главе с Иваном Пуциным. С большим трудом казакам удалось вырваться из окружения и вернуться в Томск¹⁵². В следующем году томским властям все же удалось вновь привести к присяге и собрать ясак с части

«кузнецов»¹⁵³, однако это теперь не входило в планы телеутской знати, которая после похода на кыргызов стремилась сама привести «кузнецких татар» в кыштымную зависимость. С этого времени Абак со своими людьми начал облагать данью северных алтайцев и шорцев и предпринимать акции по уводу обьясаченных шорцев в Телеутскую землицу¹⁵⁴. Это, в конце концов, стало одной из главных причин разрыва русско-телеутского союза¹⁵⁵. В 1618 г. с целью укрепления русских позиций в Кузнецкой землице власти Томска заложили в верховьях Томи новое укрепление – Кузнецкий острог¹⁵⁶, а назначенный в Кузнецк воевода Остафий Харламов получил указание всеми силами препятствовать сбору дани с «кузнецов» кому бы то ни было, будь то телеуты, ойраты или енисейские кыргызы¹⁵⁷.

Между тем, вновь обострилась обстановка на Верхнем Енисее. Алтын-хан, готовясь к очередной войне с ойратами, превратил сбор податей с енисейских кыргызов и их присаянских кыштымов в настоящий грабеж. В 1619 г. в Тобольск прибыли посланцы князцов Алтызарского улуса Немека, Номчи и Кары, которые передали челобитную на имя царя Михаила Федоровича от «все Кыргызские земли князцы да черные люди» с просьбой оказать воздействие на Алтын-хана, чтобы тот не собирал с них подати¹⁵⁸. Неумеренные даннические поборы хотогойтов в улусах кыргызов и их кыштымов привели к тому, что наиболее сильные кыргызские князцы, не желая терять своих собственных пушных доходов, начали не только по несколько раз в год собирать дань с кыштымов, но и грабить более слабые кыргызские улусы. Не имея достаточных сил, русские не смогли упорядочить отношения в Кыргызской землице. Тогда большая часть кыргызских князцов решила освободиться от ясачной повинности и полностью перейти под власть Алтын-хана. В марте 1620 г. в Томск прибыл посланец от князца Кары, который сообщил, что среди кыргызской знати произошел раскол, и все кыргызские улусы, кроме Алтызарского, не только не желают подчиняться русским властям, не только дань с них и с Чулымских волостей «по трижды емлют на год», но и разоряют их земли, грабят и захватывают пленников. Посланец просил томских воевод для обороны от кыргызов построить на Чулыме острог. Томские власти, идя навстречу алтызарцам и чулымцам, командировали отряд служилых людей во главе с Молчаном Лавровым для строительства Мелесского острога¹⁵⁹.

Кроме того, в мае 1620 г. Алтын-хану была послана царская грамота с требованием прекратить сбор дани с енисейских кыргызов. В грамоте подчеркивалось, что енисейские кыргызы «ис прежних лет холопы... наши, и ясак давали воеводам в Томск пушниной. А ныне ты, Алтын-хан, поневолил их дань себе давать. Знаем, что ты это чинишь неведомо, что кыргызы в русском подданстве. Велю, чтобы на себя нелюбья не возвышал, не брать дань с кыргыз»¹⁶⁰. Но положение в Западной Монголии к этому времени резко изменилось. Летом-осенью 1619 г. разразилась очередная война между хотогойтами и ойратами. К 1620 г. Алтын-хану удалось одержать целый ряд побед и, как следствие, это привело к укреплению его позиций и усилению хотогойтского влияния в Южной Сибири¹⁶¹. Алтын-хан больше не нуждался в политической поддержке Русского государства и, вопреки требованиям царя Михаила Федоровича, еще более усилил даннические поборы с кыргызов. В августе 1620 г. через своего посланника он потребовал от русской стороны отпустить из Тобольска кыргызских аманатов, пообещав, правда, обеспечить исправную уплату кыргызами «государева ясака»¹⁶². Сами кыргызские князцы, опираясь на поддержку Алтын-хана, сумели к этому времени вернуть свое влияние на многих кыштымов и вновь заняли резко враждебную позицию по отношению к русским властям. В декабре 1620 г. один из немногих представителей кыргызской знати, оставшихся лояльными к томским воеводам, князец Курчей, сообщил, что кыргызы вместе со своими кыштымами — басагарцами, кизильцами, кучугутами, мадами, саянцами, аринцами и другими собираются предпринять военный поход на Томск¹⁶³. В ответ на эти настораживающие известия томские воеводы решили нанести упреждающий удар по кыргызам и их кыштымам. После того, как весной 1621 г. был восстановлен русско-телеутский союз (князец Абак на время поступился своими притязаниями на «кузнецов» из-за вновь возникшей ойратской угрозы — в Кулундинской степи, а затем и на правобережье Оби снова появились ойраты Хара-Хулы, терпевшие поражения от Алтын-хана и казахов и решившие в поисках спасения кочевать в междуречье Оби и Томи)¹⁶⁴, томский посланник Б. Карташев предложил Абаку идти по царскому указу «на государевых изменников и непослушников на тубинских да на моторских людей» для возвращения их в русское подданство. «На послуш-

ников на тубинцев и на моторцев и на качинцев Абак князь пошел сам, а с ним 200 человек». Осенью 1622 г. томские служилые вновь совместно с телеутами совершили поход в кыргызские земли, но достигнуть основной цели — подчинить кыргызов в результате этой акции не удалось¹⁶⁵.

Летом 1624 г. кыргызы вновь совершили опустошительный набег на Томский уезд. Тем не менее, осенью в Кыргызскую землю из Томска были отправлены служилые с целью потребовать от князцов выплаты ясака и дачи аманатов в Томск, но получили жесткий отказ — ясак и аманатов взять не удалось. Тогда для урегулирования отношений с кыргызами в 1625 г. из Тобольска отправилось посольство во главе с Петром Сабанским. На предъявленные во время переговоров русской стороной претензии кыргызские князцы отвечали, что ясак они отказываются платить из-за его тяжести и злоупотреблений во время ясачных сборов со стороны служилых. Это, по их словам, явилось главной причиной набегов на Томский уезд. Кыргызы жаловались, что вынуждены давать дань Алтын-хану, что значительно снижает их платежеспособность в русскую казну, но все же выразили, после «выговора своих обид», согласие служить русскому царю и платить ясак. Вместе с П. Сабанским в Тобольск приехали послы князца алтызарцев Ишея, которые и здесь подтвердили готовность платить «государев ясак»¹⁶⁶. Однако возобновившиеся сборы ясака с кыргызов и их кыштымов на Верхнем Енисее не могли удовлетворить сибирских воевод даже после постройки в 1628 г. у самой границы с кыргызскими улусами Красноярского острога, в ведомство которого было передано большинство ясачного населения бассейна Верхнего Енисея¹⁶⁷. Енисейские кыргызы заявляли русским властям, что они не могут заплатить ясак в русскую казну в полном объеме из-за того, что «весь зверь вышел в иные орды» — к Алтын-хану и ойратским тайшам¹⁶⁸. Таким образом, к концу 20-х гг. XVII в. енисейские кыргызы фактически оказались на положении троеданцев, т.е. были вынуждены платить подати русским, хотогойтам и ойратам. Еще сложнее было положение их кыштымов, т.к. последним приходилось самим платить подати и покрывать даннические выплаты кыргызских князцов. По нашему мнению, авторы сборника «Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в.» несколько упрощенно оценивают обстановку в Кыргызской земле, указывая, что

в первой половине XVII в. кыргызы «попали в вассальную зависимость от монгольских Алтын-ханов», а после того, как ойратский Сэнгэ-тайша разгромил Алтын-хана Лубсана, «кыргызские князья перешли на службу к джунгарским хозяевам»¹⁶⁹. На самом деле, как видим, политическая ситуация на Верхнем Енисее в первой половине XVII в. была гораздо сложнее. Как справедливо писал И.Я. Златкин, «вопрос о подданстве и ясаке был в Сибири в описываемое время довольно сложным и запутанным. В течение столетий отношения между обитавшими там племенами и народами регулировались исключительно правом сильного. Поражение на поле боя ставило побежденного в зависимость от победителя, превращало его в так называемого кыштыма»¹⁷⁰. В свою очередь, определенное равновесие сил между соперничавшими за право эксплуатации более слабых в военном отношении этнических групп приводило к своеобразному статус-кво, когда соперники эксплуатировали эти этнические группы одновременно. Так фактически и устанавливалась система двоеданничества, троеданничества и даже многоданничества, которая могла быть краткосрочной, но могла и просуществовать длительное время в зависимости от конкретных военно-политических условий. Подобная ситуация сложилась на Верхнем Енисее в конце 20-х гг. XVII в. — это и привело к тому, что кыргызы были вынуждены одновременно подчиниться русским, ойратам и хотогойтам. В то же время представители кыргызской знати, оказавшись в непростых внешнеполитических условиях, достаточно успешно лавировали между русскими властями, Алтын-ханом и ойратскими князьями, сохраняя при этом возможность эксплуатировать своих кыштымов. Ни русские, ни монголы не решались пресечь сбор податей кыргызами с их кыштымов, опасаясь «ожесточить» кыргызских князцов, и, тем самым, полностью потерять контроль над их улусами.

В 20-е гг. XVII в. значительно активизировался процесс приведения в русское подданство населения верхнеобских областей. В 1622 г. кузнецкий воевода Е.И. Баскаков получил повеление из Москвы ускорить подчинение «кузнецких татар», частично обьясаченных ранее, но в основной своей массе плативших подати телеутам, время от времени — появлявшимся на Верхней Оби ойратским тайшам (кыргызы на этот момент фактически утратили свою власть над «кузнецами») соболями и

железными изделиями. Воеводе было велено не допускать сбора алмана с «кузнецов» телеутскими и ойратскими князцами, а самим кузнецким служилым брать ясак «с кого сколько можно, чтобы их не ожесточить». Не желающих присягать русскому царю было приказано «промышлять»¹⁷¹.

В 1622–1623 гг. кузнецким ясатчикам удалось собрать ясак с окраинных телеутских родов Азкыштым, Тагап, Тогул, Керет, с кумандинцев и тубаларов, с телесов, а также с части таутелеутов¹⁷², что обострило отношения между русскими и телеутами Абака. В июне 1624 г. телеуты, в ответ на объясачивание их окраинных родов, собрали дань с шорцев «железом и мягкой рухлядью». Шорцы, считавшие себя русскими подданными, попытались оказать сопротивление, за что телеуты попросту ограбили их айлы и «полонили» их семьи. В этом же году с шорцев собрали дань ойратские тайши¹⁷³. После того, как в шорские волости прибыли русские ясатчики, шорцы отказались дать ясак и собрались, по сообщению служилых, «в скоп», чтобы «с государевыми людьми биться», т.к. русские, собирая ясак, не смогли им дать «обережи» от калмыков¹⁷⁴. Тогда же в кочевья Абака бежали азкыштымцы и тогульцы, их удалось вернуть на прежние места лишь три года спустя, для чего специально «в белые калмыки» ездили «с уговором С. Васильев и татарин Ахмячка»¹⁷⁵. Как видим, причины бегства ясачных от кузнецких властей были аналогичными причинам откочевки к ойратам части барабинцев — воеводы не могли обеспечить безопасность ясачных волостей.

Однако русские власти продолжали политику приведения «под государеву руку» северных алтайцев и шорцев: удалось закрепить в русском подданстве кумандинцев, челканцев, а также Комляшскую, Кергешскую, Кузневскую, Юскую тубаларские волости, телесов и часть «горных теленгутов» и кучугутов¹⁷⁶. Были объясачены также шорцы верхнего течения Мрассу. Всех их телеуты считали своими кыштымами¹⁷⁷. Таким образом, в 20-е гг. XVII в. в русское подданство были приведены фактически все северные алтайцы, шорцы, телесы, а также окраинные телеутские и тау-телеутские роды. До 1625 г. кузнецкие власти собирали ясак по принципу «кто сколько даст», а с 1625 г. для волостей Кузнецкого уезда был установлен ясачный оклад в соответствии со сбором 1624 г. Размер оклада колебался по различным ясачным волостям от 5 до 10 шукурок соболя со взрослого трудоспособного мужчины год¹⁷⁸.

Как уже указывалось, в 1628 г. вспыхнуло восстание коренного населения Юго-Западной Сибири против русских властей. Одним из наиболее значительных действующих лиц в стане восставших был телеутский князец Абак, которому удалось привлечь на свою сторону большую часть ясачного населения Кузнецкого уезда¹⁷⁹. Мотивы участия телеутов Абака в восстании вполне понятны — телеуты считали ясачных Кузнецкого уезда своими кыштымами и вели борьбу против ясной политики русских властей. Ясачных же привело на сторону Абака и его союзников, во-первых, то, что русские ясатчики нередко допускали злоупотребления при сборе ясака, а во-вторых, недовольство русскими властями в том, что они не могли оградить ясачных от даннических поборов и грабежей не только со стороны телеутов, но и со стороны ойратов. Именно во второй половине 20-х гг. XVII в. спонтанные грабительские набеги ойратов в Горный Алтай и Кузнецкий Алатау начали перерастать в систематические алманские поборы¹⁸⁰, что превратило население Кузнецкого уезда фактически в троеданцев. Это было непосильной ношей для ясачных. Отметим, что Г.П. Самаев несколько недооценивает активность ойратов по приведению алтайцев в кыштымную зависимость, указывая, что вероятно, одним из первых отоков, попавших в кыштымскую зависимость от Джунгарии, был Керсагальский», который, по его словам, около 1643 г. достоверно был подчинен ойратами¹⁸¹. Как свидетельствуют приведенные нами источники, этот процесс начался гораздо раньше.

С 1628 г. телеуты значительно усилили размах даннических поборов, они начали собирать подати в свою пользу не только с северных алтайцев и других «кузнецов», но даже с некоторых этнических групп Верхнего Енисея¹⁸². В свою очередь, в 1629 г. кузнецкий воевода Н.М. Волконский дважды безуспешно посылал в ясачные волости служилых людей — население отказывалось от уплаты ясака¹⁸³. Жители некоторых ясачных волостей прямо заявляли, что ясак им «не велят давать белые калмыки». С некоторых волостей после применения силы все же удалось получить ясак, после чего телеуты предприняли попытку отбить ясачный сбор у служилых по дороге в Кузнецк, но эта попытка окончилась безуспешно¹⁸⁴. В 1630 г. «отказали в ясаке» русским властям телесы¹⁸⁵, а многие другие ясачные волости, приписанные к Кузнецкому острогу, бежали «в белые калмыки»¹⁸⁶. Положение

в Кузнецком уезде удалось стабилизировать лишь в 1631 г., когда русскими служилыми людьми были разгромлены основные силы антирусской коалиции, и она распалась. С этого времени возобновилась регулярная сдача ясака податным населением уезда¹⁸⁷.

Отметим, что среди участников антирусской коалиции не было енисейских кыргызов. Это объяснялось тем, что фактическим лидером коалиции был Абак, а между кыргызами и телеутами существовали серьезные противоречия по поводу эксплуатации кыштымов. Однако независимо от неучастия кыргызов в коалиции, положение для русских на Верхнем Енисее оставалось сложным. Новый правитель владения Алтын-ханов Омбо-Эрдени не только активизировал политику сбора податей с кыргызов, но и подстрекал последних к противодействию русским властям. На рубеже 20-х — 30-х гг. XVII в. участились русско-кыргызские военные столкновения, в которых на стороне кыргызов выступали хотогойты. Кыргызы бежали из аманатов, сократились ясачные сборы с населения Верхнего Енисея. Эти обстоятельства подталкивали русскую администрацию действовать более решительно. В 1631 г. красноярские служилые предприняли крупный поход в Кыргызскую землицу¹⁸⁸. Однако эта политика «огня и меча» не принесла ожидаемого результата, напротив подтолкнув кыргызов к более тесному сближению с хотогойтами. Кыргызы вообще перестали платить ясак в русскую казну.

Весной 1633 г. по указу царя Михаила Федоровича к Алтынхану было отправлено посольство во главе с Я. Тухачевским и Д. Агарковым. Главной целью послов было склонить Омбо-Эрдени к принятию шерти, т.е. либо к прямому русскому подданству, либо, по крайней мере, заручиться его лояльностью по отношению к русской политике в Южной Сибири. Послы должны были потребовать «не чинить обид» кыргызам и их кыштымам, и «ясак с них на себя или на кого-либо еще не иметь», а также, в случае откочевки кыргызов в их земли, выдать тех русским властям. Но эти задачи посольству выполнить не удалось. В условиях консолидации ойратских улусов и повышения вероятности новой войны ойратов против своих извечных врагов-хотогойтов Алтын-хан предпочел не портить отношений со своими кыштымами и союзниками — енисейскими кыргызами. В ином случае существовала опасность перехода кыргызов под

ойратское покровительство. Алтын-хан потребовал от русских властей отказаться от сбора ясака с населения Верхнего Енисея, заявив, что все население этого региона — их кыштымы. После такого заявления Я. Тухачевский и Д. Агарков в виду отсутствия взаимопонимания сторон прекратили обсуждение ясачного вопроса¹⁸⁹. Однако не все представители кыргызской знати искали покровительства у Алтын-хана, часть князцов по-прежнему делала ставку на русское подданство. Еще в 1632 г. в Томск приезжали представители Алтызарского улуса во главе князем Коченбаем, шертовали, обещали платить ясак и сразу же его заплатили за текущий год. Коченбай заявил томским воеводам, что «кыргызы люди служилые, на лыжах ходить и ясак промышлять не умеют» и просил освободить их в дальнейшем от уплаты ясака. Летом 1633 г. в земли Коченбая из Томска были отправлены служилые Андрей Губа и Ананий Ядринец с царским указом — кыргызов владения Коченбая от уплаты ясака освободить, но им вменялось в обязанность помогать содержать «в государевом холопстве» тубинцев, мадов, саянцев, буклинцев, т.е. быть проводниками русской ясачной политики на Верхнем Енисее. Воеводы полагали, что пример Коченбая привлечет других кыргызских князцов на сторону Русского государства, но эти надежды не оправдались. Кыргызы продолжали совершать опустошительные набеги на Томский, Кузнецкий и Красноярский уезды¹⁹⁰. В ответ на эти действия из Томска «на тех государевых изменников кыргыз» был послан большой отряд служилых людей. Противники «съехались» на реке Черный Июс, сражение продолжалось четыре дня. На помощь кыргызам пришло 400 человек «мунгальцев» — Алтын-хан, таким образом, открыто выступил против русских. Томские служилые оказались в окружении. Ценой больших потерь и в силу военного-технического превосходства им все же удалось пробиться сквозь кольцо окружения и вернуться в Томск¹⁹¹.

С осени 1634 г., по сообщениям ясачных, кыргызские отряды буквально «хозяйничали» в ясачных волостях Кузнецкого ведомства. Ясачные говорили русским, что «мы даже по траву от кыргыз выезжать не смеем»¹⁹². Власть и влияние сибирских воевод значительно пошатнулись. Несколько выправить ситуацию русским властям помогло изменение политической обстановки в Центральной Азии. К 1635 г. фактически завершилось объеди-

нение ойратов под властью сына Хара-Хулы — Батура-хунтайджи¹⁹³. Образование Джунгарского ханства представляло прямую угрозу для хотогойтов, поэтому Омбо-Эрдени пошел на значительное смягчение своей позиции по отношению к политике Русского государства в Южной Сибири, пытаясь таким образом приобрести в лице Москвы союзника против Джунгарии.

Уже в январе 1635 г. Омбо-Эрдени, стремясь улучшить отношения с Москвой, в грамоте царю Михаилу Федоровичу просил в обмен на свою лояльность к сибирским властям пожаловать ему «что отец мой ясак имал и владел», т.е. вновь, как в свое время его предшественник, предлагал узаконить в Южной Сибири режим двоеданничества¹⁹⁴. Не получив от Москвы положительного ответа, хотогойтская верхушка решила на хитрый дипломатический прием. Один из влиятельных приближенных Омбо-Эрдени — лама Даин-Мерген-ланцзы подал челобитную русскому царю, в которой писал, что, якобы, Алтын-хан приказал кыргызам шертовать на верность русской короне, но они не только не подчинились, но и хотели убить «государевых людей». Однако он, лама, этого не допустил. Демонстрируя свою верность царю, Даин-Мерген просил «пожаловать Алтын-хана смирить кыргызов, воров к себе взять, а в улусы посадить своих табунов», если же царь не хочет «пожаловать» Омбо-Эрдени, то лама просил «пожаловать» его и обещал привести кыргызов «под государеву руку»¹⁹⁵.

Не дождавшись ответа из Москвы, Омбо-Эрдени весной 1635 г. отправил посольство в Томск. Послы сообщили воеводам, что Алтын-хан послал к кыргызам тангутского ламу Даин-Мерген-ланцзы и приказал ему привести кыргызов к шерти на верность Русскому государству. Для этого лама намеревался отправить в Томск четырех наиболее знатных кыргызских князцов. Но, по сообщению послов, кыргызская знать шертовать отказалась. Вскоре томский воевода Н.И. Егупов-Черкасский сообщил в Москву, что кыргызы все же дали согласие шертовать, но просили для принятия шерти из Томска прислать «знатного сына боярского». С этой целью в кыргызские улусы был послан казачий атаман Дмитрий Копылов. Кыргызы по настоянию находившегося у них Даин-Мергена дали шерть¹⁹⁶. Вскоре, опасаясь нашествия ойратов, кыргызы начали перекочевку вниз по Абакану ближе к русским острогам¹⁹⁷. Но уже к осени 1635 г.

русским властям стало ясно, что никакого реального контроля над кыргызами они не получили. Кыргызская знать в очередной раз успешно использовала принцип лавирования между русскими и хотогойтами для возобновления сбора дани со своих кыштымов, принявших русское подданство. Прикочевавшие под Красноярск кыргызы уговорили «подгородных ясачных татар» бежать в Кыргызскую землю. Ясачные «отъехали» вместе со своим скотом, властям пришлось снаряжать погоню. Как явствует из челобитной томского подьячного Д. Агаркова, Даин-Мерген подарки у Д. Копылова взял, в Томск ехать отказался, собрал с кыргызов подати в пользу Алтын-хана и уехал. Д. Агарков подчеркивал, что, уплатив дань Алтын-хану, кыргызы, фактически, не дали ясак русским. Автор челобитной пытался убедить Москву, что «кыргызские люди Алтына-царя кыштымы» и «верно служить не будут»¹⁹⁸.

Опасения Д. Агаркова вскоре подтвердились. Несмотря на то, что «кыргызы разных земель», а именно тубинцы, езерцы и алтызарцы, а также тувинцы-мады подтвердили данную шерть¹⁹⁹, ясачный сбор с них оказался незначительным. Более того, в 1636 г. на Красноярский уезд совершил набег тубинский князец Суетко²⁰⁰.

Постоянно декларируя тезис о русском подданстве енисейских кыргызов, воеводы, тем не менее, фактически признавали, что хотогойты имеют гораздо большее, чем русские, влияние на кыргызскую знать. В ответ на возобновившиеся со стороны кыргызов враждебные действия из Томска в ставку Алтын-хана были посланы С. Греченин и А. Самсонов, которые заявили о действиях «изменников-кыргызов» под русскими городами. Алтын-хан ответил, что он кыргызских людей ходит войной на русские города «не научал и сам того не ведал», но обещал отправить в поход для «усмирения» кыргызов 1000 своих воинов и сам возглавить его. Слухи о намерениях хотогойтского владельца дошли до кыргызских улусов. Кыргызы в спешке откочевали и даже, якобы, намеревались бежать к ойратам, но Алтын-хан в поход не выступил, оправдав себя перед сибирскими воеводами тем, что «у него умерли родная сестра и тесть, и мать при смерти»²⁰¹. Можно предположить, что кыргызские князцы действительно проводили в данное время самостоятельную, независимую от хотогойтов антирусскую политику. В условиях обра-

зования Джунгарского ханства и усиления ойратов Алтын-хан вряд ли решился бы на обострение отношений с сибирскими воеводами. Это подтверждает наш тезис об эффективном использовании енисейскими кыргызами в своих интересах сложной внешнеполитической ситуации.

Заметим, что еще в августе 1636 г., по свидетельству посланного с посольством к Алтын-хану томского сына боярского Б. Карташева, енисейские кыргызы были вполне лояльны к русским властям или, по крайней мере, демонстрировали видимость лояльности. В частности, кыргызы, поприветствовав послов, справились о здоровье русского царя и заявили: «А теперь мы сами видим, что великий государь Алтына-царя пожаловал, и ныне Алтын-царь учинился... в холопстве, а мы, кыргыза, стали теперь государевы яшашные людишки и кыштымы», потому что нам, кыргызам, «от государские высокие руки стало деться некуда, а с другой стороны Алтын-царь»²⁰².

Взаимоотношения между кыргызами и русскими вновь ухудшились после того, как красноярскими служилыми был схвачен ходивший во главе кыргызского отряда на Красноярск тубинский князец Суетко. Не выступив в обещанный поход против кыргызов, Алтын-хан тем не менее отправил в марте 1637 г. вместе с С. Гречениным и А. Самсоновым в кыргызские кочевья своего брата Дурал-табуна, которому было поручено «усмирить» кыргызов. Прибыв вместе с русскими послами в Алтырский улус, Дурал обнаружил, что кыргызам уже известно об обещанном Алтын-ханом походе против них и о захвате Суетка. Алтырцы были все «в сборе в куюках» и заявили Дурал-табуну, что «Алтын-царь хочет их, алтырцев, для русских людей воевать, а русские люди засадили в Красноярске тубинского князца Суетка, а мы, алтырцы, русское посольство разобьем и засадим до тех пор, пока Суетка не отдадут». Дурал-табун выразил крайнее возмущение по поводу такого заявления алтырцев и пригрозил им гневом Алтын-хана. По поводу же захвата Суетка Дурал заявил алтырцам, что он «вор», «ходил на Красноярск», за что и был схвачен, «ибо его по делу поймали и на Красный Яр засадили». Табун также встал на защиту русского посольства, предупредив кыргызов о том, что «вы преж меня да мунгальцов моих разделите», тогда «государевых послов у меня возьмете». Посланец Алтын-хана дал понять князцам, что ему известно

о предполагаемом их бегстве к ойратам: «Нечто вам бежать в черные калмыки... и те вам будет не оборона». От алтырцев Дурал с русским посольством отправился на Белый Июс к алтызарцам. Алтызарцы, боясь гнева Омбо-Эрдени, были «в бегах», но усилиями «мунгальцев» Дурала их удалось собрать. Дурал поставил в вину местным князьям набег на Красноярск, потребовал вернуть пленных ясачных, угнанный скот, «отстать от воровства» и послать в Томск аманатов. Алтызарские князья негативно восприняли эти требования и, фактически, не подчинились табуну²⁰³.

Таким образом, в 30-е гг. XVII в. кыргызы, отстаивая право улусной знати собирать дань с кыштымов, лавировали между русской администрацией и Алтын-ханом, признавая периодически свою зависимость от той и другой стороны, но в случае серьезной угрозы своим интересам проявляли агрессивность как по отношению к русским, так и по отношению к хотогойтам. Кыргызская знать прекрасно понимала, что, оказавшись в сфере столкновения интересов более сильных соседей, для сохранения власти над кыштымами и относительной самостоятельности необходимо либо продолжение лавирования между русскими и Алтын-ханом и игры на противоречиях между ними, либо союз с какой-то третьей силой, способной противостоять русской администрации и хотогойтам. Этой третьей силой стали ойраты. Если раньше они приезжали «в кыргызы» только за алманом, то теперь, с 1638 г., стали, по сути, хозяйничать в «Кыргызской землице». «Под защиту» ойратов «в кыргызы» бежали некоторые ясачные Чулымские волости, население которых, как и коренные жители Кузнецкого и Тарского уездов, было недовольно неспособностью русских обеспечить их безопасность²⁰⁴.

Новое обострение русско-кыргызских отношений привело к очередному понижению ясачных сборов в русскую казну. В 1638 г. со всей Кыргызской землицы ясак дали лишь тубинцы, а в 1639 г. не дали ясак уже все кыргызские улусы²⁰⁵.

В 1638–1639 гг. в ставке Омбо-Эрдени побывало очередное русское посольство во главе с томским сыном боярским Василием Старковым. Одним из наиболее важных вопросов, поднятых на переговорах, была проблема нестабильности на Верхнем Енисее из-за агрессивности енисейских кыргызов.

Алтын-хан встретил русских недружелюбно, особенно раздраженно он реагировал на проблему кыргызов. Хотогойтский правитель не мог простить себе дипломатический промах, когда, пообещав русским помощь в усмирении кыргызов, он испортил с последними свои отношения и подтолкнул их на сближение с ойратами. Отвечая на заявление В. Старкова о кыргызах («не повинились и пленных подгородных ясашных не вернули»), Омбо-Эрдени сказал: «Про ваш задор государь ведает, а про кыргызский задор я знаю». При отъезде русские послы снова подняли вопрос о кыргызских набегах на сибирские остроги, и Алтын-хан заявил, что «очной ставки с вами (т.е. кыргызов с русским — О.Б.) не было и кто виноват — мне не ведомо». Омбо-Эрдени категорически отказался идти войной на кыргызов и заставить их дать аманатов в русские города²⁰⁶.

На самом деле Алтын-хан не мог в 1639 г. оказать какое-либо давление на кыргызов без столкновения с Джунгарским ханством. Между прочим, кыргызы заявляли русским представителям, что, якобы, они хотели «служить государю», а воеводы подговаривают Алтын-хана на войну с ними, «но мы теперь его (Алтын-хана — О.Б.) не блюдемся, а живем заодно с черными калмыками»²⁰⁷. В том же, 1639 г., алманчики Батура-хунтайджи в течение трех месяцев беспрепятственно собирали в «Кыргызской землице» подати в пользу ойратского правителя²⁰⁸. Признание кыргызами кыштымной зависимости от ойратов носило, как видим, добровольный характер. Кыргызские князцы, признавая себя кыштымами ойратов, преследовали цель таким образом сохранить относительную независимость и возможность продолжать эксплуатацию кыштымов при поддержке своих новых сюзеренов.

Вернувшись в Томск, В. Старков в своей отписке в Москву, в Сибирский приказ, высказал соображения по поводу дальнейшей русской политики на Верхнем Енисее. Посол сообщал, что Омбо-Эрдени не может больше «унять» кыргызов, т.к. ими теперь не владеет. Он также убеждал Москву, что привести кыргызов в подчинение возможно только в результате решительных военных действий. В частности, он писал: «А только де государь укажет кыргыз разорить и кыргызских кыштымов маторцев и тубинцев, и точи, и саяны, и иных» под государеву

руку привести, то «прибыль будет большая», потому что кыргызские кыштымы — мады и тубинцы, кроме «государева ясака», платят дань кыргызам и Алтын-хану. «И при них де к Алтыну те государевы ясачные люди лутчей человек Корик с товарищи приезжали, бояся от него разорения. А привезли де к нему ясаку соболей на вьюках на три и четыре, и лошадыми с них и с кыргыз Алтын взял с 200 лошадей. А Алтын тех красноярских ясачных называет своими». В. Старков предлагал построить русский острог на реке Абакан: тогда алтыновым людям к их кыштымам прохода не будет. «А ныне тех кыштымов, опрично иных, больше пятисот человек», — сообщал В. Старков²⁰⁹.

Как видно из сказанного, к 1640 г. влияние хотогойтов в бассейне Верхнего Енисея несколько упало, наметилось усиление ойратского присутствия в данном регионе. Уже во время переговоров тобольского сына боярского Меньшого-Ремезова в джунгарской ставке с Эрдени Батуром-хунтайджи (июнь 1640 — февраль 1641 гг.) на повестку дня встала проблема подданства енисейских кыргызов. Батур-хунтайджи заявил тобольскому посланнику, что русские ратники хотят «воевать кыргызы», а кыргызы — «его контайшины ясачные люди». На это заявление Меньшой-Ремезов ответил, что ничего об этом не знает, как не знает и то, его ли, контайшины, ясачные люди кыргызы, «де он, Меньшой, ведает подлинно, что те кыргызы были государевы ясачные люди и государю ясак платили в Томский город и в иные острожки». Контайша предложил русскому послу: «Будет де государь изволит с кыргыз и ныне имать ясак, и государь б де с них ясак имать велел, а он де, контайша, емлет с них свой ясак». Батур-хунтайджи обещал, что укажет своим послам заявить об этом в Тобольске воеводе П.И. Пронскому²¹⁰. Таким образом, ойратский хан, как ранее хотогойтские правители, предложил узаконить на Верхнем Енисее режим двоеданничества.

Еще до переговоров Меньшого-Ремезова с ойратами, весной 1640 г., между русскими и джунгарами произошел первый конфликт из-за кыргызов. Последние везли в ставку хунтайджи алман, когда на них напали томские казаки. Это стало известно ойратскому хану, и он, спустя год, через своих послов просил русскую администрацию впредь такие инциденты не допускать²¹¹.

Чувствуя поддержку ойратов, кыргызские князцы к этому времени вновь стали принуждать к уплате дани и повиновению своих кыштымов из русских уездов. В 1640 г. алтызарский князец Изен разбил ясачные волости под Томском. В погоню за кыргызами были посланы служилые, Изен был схвачен и доставлен в Томск²¹².

Русские воеводы, в свою очередь, желая вновь иметь ясачные сборы в улусах кыргызов и их ближайших кыштымов, в 1641 г. отправили в Кыргызскую землю отряд ратников, которые разгромили кыргызов «Чокурова ведомства», захватив в плен 150 человек. Кыргызы надеялись на военную помощь ойратов, но те никакой помощи не оказали²¹³. После этого кыргызы вновь пошли на сближение с Алтын-ханом. В январе 1642 г. в Томск прибыло совместное посольство от Омбо-Эрдени и кыргызов, которое было задержано русскими «до присылки в Томск аманатов», о чем воевода С.В. Клубков-Мосальский доложил в Сибирский приказ. На отписку воеводы была наложена царская резолюция: тех послов держать, пока не признают свою вину и не пришлют аманатов²¹⁴.

Летом 1642 г. ойратский тайша Кула во время вручения русскими властями подарков для Батура-хунтайджи через новокрещенного Якова Буголакова передал в Тобольск просьбу джунгарского владетеля: отпустить из Томска «весь кыргызский полон», какой там имеется и не крестить кыргызов в православную веру. Одновременно сам хунтайджи писал в грамоте Михаилу Федоровичу, что «ныне наши ясачные люди кыргызы ваши служилые люди погромили, а ясак прошали с ведома государского или не с ведома? Будет только без царского ведома, вели, государь, назад отдать. А буде только по государьскому велению, и меж нами уж неправда». Хан просил также отпустить из томского плена его племянника²¹⁵. Как видно из послания контайши, если в 1640 г. ойраты были согласны на двоеданничество кыргызов, то теперь они стали претендовать на монопольную их эксплуатацию. «Племянником» же контайши оказался, как выяснилось, известный князец алтызарского улуса Изен, приходивший набегом на Томский уезд в 1640 г. По этому поводу из Сибирского приказа в Тобольск поступило указание, в котором говорилось, что «отдать ему контайше Изена не доведетца, потому что он природный киргишенин, а не его контайшин улусный человек»²¹⁶.

В 1642 г. воеводы возобновили ясачные сборы с кыргызских людей²¹⁷, однако вскоре в Томск прибыл посланник от кыргызских князцов, который сообщил, что контайша прислал в их улусы алманщиков «и велел просить на себя с кыргызов алман и лошадей... а преж сего контайша» уже собрал положенный алман. Некоторые князцы отказались повторно платить алман, заявив, что они «под высокою государевою рукою». После этого в кыргызскую землю пришел двухтысячный ойратский военный отряд, чтобы кыргызов «за непослушание воевать». Взбунтовавшиеся князцы, «убоявся колмыцких людей, им повинились». Ойраты остались собирать алман, а на князцов-«бунтарей» были посланы войска. Посланцы обратились к русским властям с просьбой «оборонить их от черных калмыков»²¹⁸. Вскоре кыргызские князцы, заявив русским воеводам, что они теперь ни Алтын-хану, ни ойратам «не рады», «учинились под царскою высокою рукою по-прежнему и аманатов в Томск и в иные города дали». Кыштымы же кыргызов, «которые преж сего ясак платили, а после того... изменили, а, надеясь на кыргызцов, ясаку с себя давать не учили и со служилыми людьми билися. И тех непослушников и изменников, разных землиц князцов и их ясачных людей захребетников... ратные люди войною под государеву руку привели и ясак с них взяли»²¹⁹.

Однако ойратский хан вовсе не желал уступать свои права на сбор алмана на Верхнем Енисее. В 1645 г. он заявил тобольскому представителю В. Клепикову, что «преж сего кыргызы... были его контайшины люди», а «государевы люди» их «повоевали». Хунтайджи потребовал прекратить сбор ясака в кыргызских улусах, угрожая в ином случае разорить ясачных Тарского уезда. Вскоре последовали ойратские набеги на ясачные волости Тары²²⁰.

Эволюция позиции ойратского хана относительно статуса енисейских кыргызов (от предложения в 1640 г. признать кыргызов двоеданцами к претензии на монопольную их эксплуатацию) связана с усилением Джунгарского ханства в целом, а также адекватной оценкой джунгарским правителем военных возможностей сибирских воевод — за прошедшие годы хунтаджи выяснил относительную слабость русского влияния в районе кыргызских кочевий. Вследствие русско-джунгарских противоречий обстановка в Южной Сибири вновь осложнилась. Для

разрешения русско-ойратских споров, прежде всего по ясачному вопросу, тобольскому воеводе Г.С. Куракину пришло указание из Сибирского приказа направить в джунгарскую ургу новое посольство. В феврале 1646 г. сибирские власти приняли решение назначить главой посольства тобольского сына боярского Данилу Аршинского. По поводу ясачного вопроса на Верхнем Енисее послу были даны следующие инструкции: «А будет контайша учнет говорить, что кыргызские люди давали ему ясак напред сего, и вы б ему, контайше, отвечали, что будет кыргызские люди ясак ему контайше и давали, и то в ту пору, как они нам изменяли. А ныне они... учинились под нашею царскою высокою рукою в прямом холопстве и аманаты дали». В случае, если хан не удовлетворит требование не собирать алман с кыргызов, Д. Аршинскому следовало заявить в резкой форме, чтоб «он, контайша, царского величества гневу и на улус свой войны и разорения не навел», т.е. перейти к прямым угрозам²²¹. Во время переговоров летом 1647 г., отвечая на претензии Д. Аршинского по поводу сбора алмана с енисейских кыргызов, хунтайджи заявил: «А что кыргызские люди учинились под царского величества высокою рукою в прямом холопстве и царскому величеству ясак платят, и тех кыргызских людей будет столько, что им ясак платить царскому величеству и ему, контайше»²²², т.е. вновь предложил русской стороне признать факт двоеданничества кыргызов. Вскоре ойратские алманщики появляются в «Кыргызской земле»²²³. Кроме того, по свидетельству источников, с 1648 г. восстановил сбор податей на Верхнем Енисее Алтын-хан Омбо-Эрдени²²⁴.

С 1648 г. красноярским воеводам удалось увеличить ясачные сборы в кыргызских улусах. Воевода М.В. Дурново сообщил в Сибирский приказ, что ему удалось уговорить князцов «государев ясак платить прежде Алтына-царя». Это, по словам воеводы, позволило не только увеличить сбор до шести соболей с человека в некоторых волостях, но и добиться уплаты ясака качественной пушниной. Воевода, кроме того, подчеркивал, что постепенно кыргызов удастся «привести в полный ясак», указывая, что «вдруг никакими обычи привести невозможно, чтобы полный ясак вдруг взять сполна»²²⁵. В ответ пришло указание «ясак собирать ласкою и приветом, а не жесточью, чтоб собирать полный ясак, и тем бы воевода государю послужил»²²⁶.

Таким образом, к середине XVII столетия енисейские кыргызы оказались на положении троеданцев, уплачивая подати Русскому государству, Джунгарии и Алтын-хану хотогойтскому. Каждая из сторон считала кыргызов своими подданными. Еще в более сложном положении оказались кыштымы кыргызов — кизильцы, басагарцы и многие другие этнические группы Верхнего Енисея, которые, уплачивая ясак русским, платили дань кыргызам из расчета, чтобы кыргызы могли заплатить подати монголам и оставить часть дани себе. Так с кизильцев и басагарцев в 1647 г. собирали дань пушниной одиннадцать кыргызских князцов²²⁷.

С образованием единого ойратского государства вопрос о подданстве и сбора ясака (алмана) не только с енисейских кыргызов, но и с барабинских татар, в русско-джунгарских отношениях становится одним из наиболее важных. Уже в 1635 г. русским властям удалось добиться выдачи бежавших во время восстания 1628–1631 гг. к ойратам барабинцев, но с этого времени та часть барабинских татар, которая в 1630 г. признала власть ойратских тайшей, стала русско-ойратскими двоеданцами. Сразу после возвращения беглых в свои волости в Барабинской и Чоинской волостях собрали алман брат Кулы-тайши Чулюнга и племянник Кулы Тарлак. Привел алманщиков в Барабу князец Когутей, возглавлявший барабинцев во время восстания. Алман был собран, по словам барабинцев, на самого Кулу-тайшу и «на контайшу». Ойраты при этом заявили, что весной 1636 г. они вновь придут в Барабу для сбора податей²²⁸.

В сентябре 1636 г. русский посланец Томила Петров на переговорах с Батуром-хунтайджи потребовал не собирать алман с барабинских татар, на что хан ответил: «государевых изменников барабинских татар князьца Когутэйка с товарищи, которые к нему в улусы приходили своей волею, а не полоном взяты, и которых полоном взял без его ведома Кула-тайша», он отдал, а барабинский князец Когутэй, якобы, говорил ему, что барабинцам было повеление из Тобольска «государю платить ясак мягкой рухлядью», а ойратам — сукнами, «а ныне он, контайша, тем ясаком, что было ему имать с барабинских татар, бьет челом государю и впредь с барабинских татар ясаку на себя брать не велит»²²⁹. Вскоре, однако, выяснилось, что это был лишь дружеский жест русской стороне. Ойратские сборщики алмана стали ежегодно появляться в Барабинской степи. Тем не менее,

во время поездки в джунгарскую ургу Меньшого-Ремезова в 1640–1641 гг., хан, подчеркнув выдачу беглых барабинцев, как свою службу царю и предлагая признать двоеданцами кыргызов, по-прежнему не высказывал никаких претензий на сбор алмана в Барабе. Но проезжая на обратном пути в Тобольск через Барабинские волости, русский посол застал здесь ойратских алманщиков и решительно пресек сбор податей, выпроводив алманных сборщиков из Барабы. Тогда же стало известно, что в 1640 г. в Барабу приезжал Кула-тайша «и ясак силой имал лисицы и рыбу, и икру грабежом». Барабинцы сказали Меньшому-Ремезову, что «Кула и впредь с них ясак имать хочет»²³⁰.

В ответ на эти действия ойратской стороны осенью 1641 г. в Джунгарию из Тобольска было отправлено новое посольство под руководством Семена Неустроева. Посол заявил резкий протест хану по поводу того, что он берет на себя алман с барабинских татар, «да и Кула посылает в Барабу по ясак», после чего хунтайджи ответил, что «барабинские де татаровя были государевы ясачные люди и государю изменили и к нему приехали. А он де, контайша, государю тех барабинских татар отдал, а ему те татаровя хотели ясак платить орловым перьем. И он де, контайша, для того с них ясак и емлет орловым перьем, и в том де его государская воля впредь». Во время пребывания в урге русского посольства сюда прибыли барабинские татары «Кичкилдейко со товарищи», которые жаловались хану на алманщика Кутенка, якобы он зависил алманный сбор, «да у него же, Кичкилдейка, имал дочь, девку, сильно и держал у себя на постели»²³¹.

Обосновывая свои алманные притязания в Барабе, в сентябре 1642 г. ойраты «сказывали» русским представителям, что они приехали «собирать ясак для того, что в Томском городе государевы люди с его, контайшиных, людей (с кыргызов — О.Б.) на государя ясак берут»²³².

В 1643 г. по джунгарским кочевьям прокатилась волна эпизоотий, и произошел массовый падеж скота, начался голод. Часть ойратов начала перекочевку в ясачные волости, в том числе в Барабу. Только в Теренинской волости тарские служилые насчитали девять ойратских юрт. По сообщениям русских служилых людей, ойраты «живут с нашими ясачными вместе,

а прислал их контайша кормиться, потому что у него, контайши, голод, да и иные контайшины люди кочуют от Теренинской и Барабинской волостей неподалеку, во многих разных местах юрт по 60 и больше». Ойраты не только собирали с Барабинских волостей алман, но и отобрали у ясачных татар зверовые промыслы. По этой причине в 1643–1644 гг. случился значительный недобор ясака²³³. Воеводы, однако, опасались выслать ойратов из Барабы и «войной пока решили не ходить», «чтоб с контайшею задору не учинить»²³⁴. По сообщению барабинского князца Кулибердея Бичигеева, ойратские тайши, прикочевавшие в их волости, «чинят ясачным обиды и насильства», угнали в ургу несколько «лучших людей» для сопровождения собранного алмана. По словам князца, в Барабе начались «в ясачных людях шатоты», часть из них решила отложиться от русского подданства²³⁵.

На переговорах с джунгарским ханом в 1647 г. Д. Аршинский потребовал вывести из Барабы ойратов и прекратить сбор алмана. В ответ на это хан заявил, что своих людей из Барабы он отзовет и «царского величества с барабинских татар и иных волостей ясачные люди царского величества дают ему в почесть по полукоже телятеной и орловым перьем, а он, контайша, за то их оберегает от иных калмыцких тайшей»²³⁶. Таким образом, между ойратами и барабинцами установились типичные для Сибири сюзеренно-кыштымные отношения по принципу «дань в обмен на военную помощь». Действительно, по словам самих барабинцев, платят они алман Куле-тайше, «чтоб их Кула берег и не дал бы их никому воевать, а напред сего (речь идет о 1645 г. — О.Б.) хотели их воевать орчаки... и белые калмыки князец Кока»²³⁷.

Как видно, в Барабинских волостях к середине XVII в. оформилась система двоеданничества, причем ойраты, считая барабинцев своими кыштымами, официально признавали как право Русского государства на сбор ясака с барабинских татар, так и юрисдикцию Москвы над территорией расселения барабинцев.

В Кузнецком уезде в 30-е гг. XVII в. русским властям удалось не только восстановить, но и расширить ясачные сборы. Так, были обьясачены керсагалы, обложены окладным ясаком телесы²³⁸. Однако и здесь обстановка оставалась для русской

администрации крайне сложной. Неоднократно с оружием в руках против ясатчиков выступали жители Телесской волости, не прекращая борьбу, фактически, до самой середины XVII в., время от времени изменяли русским властям и керсагальцы²³⁹. Кроме того, и в этом районе Сибири складывались двоеданнические отношения. Совершая набеги на Кузнецкий уезд, пытались восстановить власть над своими бывшими кыштымами енисейские кыргызы²⁴⁰. Неоднократно угрожали войной в случае невыплаты податей ясачным Тюлиберской и некоторых других волостей телеуты из улуса Коки Абакова²⁴¹. Осенью 1639 г. русским властям стало известно, что телесский князец Айдар «с товарищи 12 человек... приезжали» к брату Алтын-хана Тайчин-ноену, «а привезли с себя ясаку по 11 соболей с человека»²⁴². Однако закрепить свою власть над телесами хотогойты из-за противодействия со стороны русских властей, а также ойратов и телеутов не смогли.

Главное препятствие русской администрации в сборе ясака в Кузнецком уезде чинили телеуты, считавшие северных алтайцев и шорцев своими кыштымами. Как сообщил в 1646 г. кузнецкому воеводе Афанасию Сытину ясачный сборщик Петр Дорофеев, телеутский князец Кока Абаков приказал северным алтайцам и шорцам платить ясак в русскую казну не по 10, а по 5 соболей с человека. «Кузнецы», боясь кокиного гнева, заплатили, по словам П. Дорофеева, лишь по 5 соболей и просили ясатчиков впредь установить именно такой размер ясака²⁴³.

Джунгары также по-прежнему собирали алман с населения Кузнецкого уезда. Так, в 1643 г. они собирали алман в Кондомских и Мрасских волостях²⁴⁴, а в 1647 г. зять контайши тувинский князец Самарган Ирга собирал алман даже в Тагапской «подгородной», т.е. расположенной относительно близко к Кузнецку, волости²⁴⁵. Однако, до середины XVII в. положение ойратов на Алтае и в Кузнецком Алатау было еще не прочным. Поэтому вопрос о статусе жителей этого региона на официальном русско-ойратском уровне, вопреки утверждению Г.П. Самаева²⁴⁶, еще не поднимался, хотя претензии джунгар на сбор алмана в этом районе Южной Сибири становились все более настойчивыми.

Таким образом, на сбор податей с различных небольших этнических групп Южной и Юго-Западной Сибири в первой половине XVII в. претендовали одновременно от двух до пяти сторон: Русское государство, Алтын-ханы хотогойтские, джунгар-

ские правители, а также телеутские и кыргызские князцы. Улусы енисейских кыргызов, в свою очередь, подвергались эксплуатации со стороны русских, ойратов и хотогойтов. Относительное равновесие региональных военных сил сторон-участников эксплуатации коренного населения Южной Сибири и Барабинской низменности объясняет причины формирования в данном регионе в первой половине XVII в. системы двоеданничества, троеданничества и даже многоданничества, т.е. эксплуатации небольших этнических образований одновременно двумя, тремя или еще большим числом более сильных соседей. В то же время к середине XVII в. наиболее острая борьба за право эксплуатировать местное население Южной и Юго-Западной Сибири развернулась между русской сибирской администрацией и джунгарским правителем Батуром-хунтайджи, которые претендовали на доминирующую роль в этом регионе. Причем по отношению к жителям разных районов, оказавшихся на положении русско-ойратских двоеданцев (а часто плативших дань и иным владельцам), на официальном уровне складывались различные оценки их статуса со стороны ойратского правительства. Так, население Барабинской низменности признавалось ойратами в качестве исключительно русских подданных, но хунтайджи претендовал на сбор алмана с барабинских татар, как со своих кыштымов, которым он гарантировал военную защиту от «иных калмыцких тайшей». Статус енисейских кыргызов представлялся джунгарскому хану иначе — он неоднократно предлагал русским властям установить в кыргызских улусах своеобразное двойное управление и совместно эксплуатировать кыргызов на паритетных условиях, т.е. именно в Кыргызской землице, по видению хана, должно было быть установлено двоеподданство в наиболее чистом виде. Северные алтайцы и шорцы к середине XVII в. также платили подати и русским, и ойратам, но позиции ойратов в районах их обитания из-за противодействия русских властей и телеутских князцов были еще не вполне прочными, поэтому на официальном уровне в русско-джунгарских отношениях вопрос о статусе коренного населения Горного и Предгорного Алтая, а также Кузнецкого Алатау в этот период еще не затрагивался. К тому же ни центральные, ни сибирские русские власти, вопреки сложившимся реалиям, и слышать не хотели о возможности узаконить на уровне двусторонних русско-ойратских отношений двоеданческий статус тех или

иных этнических групп Южной и Юго-Западной Сибири, стремясь к прочному и окончательному присоединению этого обширного региона к Русскому государству. Впрочем, цели ойратов были аналогичными — в конце концов они также стремились превратить юг Сибири в зону своего монопольного владения.

1.3. Обострение борьбы Русского государства с джунгарскими и хотогойтскими правителями за гегемонию на юге Сибири во второй половине XVII в.

Изменение политической ситуации в Южной и Юго-Западной Сибири в начале 50-х гг. XVII в. связано с начавшимися после смерти зимой 1653 г. ойратского правителя Батура-хунтайджи междоусобицами и последовавшей децентрализацией власти в Джунгарском ханстве²⁴⁷. Это привело к ослаблению кыштымной зависимости многих этнических групп юга Сибири от Джунгарии, однако вскоре различные ойратские группировки возобновили поборы и грабежи кыштымов. В частности, обострилось положение в Барабинской степи. В 1661 г. в Барабу вторгся дэрбэтский Ишкэп-тайша. Дэрбэты сеяли смерть в барабинских аулах, захватывали пленных, отбирали у ясачных лошадей. Однако на этот раз вовремя подоспела подмога из Тары: Ишкэп-тайша был настигнут и разбит в прииртышских степях соединенным отрядом барабинских татар и тарских служилых людей²⁴⁸. К этому времени наследник умершего хана Сэнгэ сумел восстановить относительное единство Джунгарии и начал вновь подчинять своих кыштымов, пресекая набеги на них со стороны отдельных ойратских князей. Так, в 1661 г. брат Сэнгэ, Чэчэн-тайша, по поручению нового правителя Джунгарии, «Улузана-тайшу с женой и детьми убил и разорил» за то, что тот совершил набег на Барабинские волости²⁴⁹.

Отметим, что Сэнгэ, возобновив сбор алмана с барабинцев, четко отличал понятие кыштымной зависимости от прямого подданства: как и его отец, он не отрицал, что жители Барабы являются русскими подданными. Требуя от русских выдачи «выезжих телеутов»²⁵⁰, Сэнгэ неоднократно высказывал «обиду»,

что, в отличие от русской стороны, ойраты в свое время выдали беглых барабинских татар. Так, в 1666 г., Сэнгэ, выражая свое негодование по поводу невыдачи «выезжих телеутов», говорил русскому послу, что «барабинцев беглых контайша Батур вернул 700 человек»²⁵¹. Во время переговоров с томским сыном боярским Матвеем Ржицким (август 1669 — май 1670 гг.) Сэнгэ вновь просил выдать «выезжих телеутов», обижаясь, что воеводы «забыли» о выдаче им ойратами беглых барабинцев²⁵².

Во второй половине XVII в. алманские сборы джунгарского хана в Барабинских волостях окончательно становятся регулярными. Порядок сбора алмана ойратами с барабинцев был, в общих чертах, таков: один раз в два года алманщики, перейдя через Иртыш на Алтае, шли по его правому берегу, чтобы избежать нападения со стороны казахов. В течение нескольких месяцев алманщики собирали в Барабе дань и таким же путем возвращались обратно²⁵³. Из-за недостатка сил у русских властей и опасения крупных военных столкновений с Джунгарией воеводы не решались препятствовать алманским сборам в Барабинской степи. Сами барабинцы неоднократно говорили представителям русской администрации, что «ежели б их остерегали российские войски, то б оные (барабинцы — О.Б.) могли им (джунгарам — О.Б.) и противиться, и от алмана отбить, а инако отбить за своим бессилием не могут»²⁵⁴. Таким образом, во второй половине XVII столетия система русско-джунгарского двоеданнычества в Барабинских волостях получила свое окончательное оформление.

Княжеские усобицы в Джунгарии в начале второй половины XVII столетия сказались и на обстановке в бассейне Верхнего Енисея. Ослаблением ойратского влияния в этом регионе вновь воспользовались хотогойты, которые стремились восстановить здесь свое господство. Вернувшись из кыргызских улусов осенью 1652 г., кузнецкие ясатчики сообщили властям, что незадолго до них в землю кыргызов вторглось большое войско Алтын-хана. «Мунгальцы» отбирали у кыргызов скот, пленные «лучших людей», а кыргызские кыштымы — сагайцы, белгирцы и другие «от той войны разбежались». Из-за этого набега хотогойтов «перед прошлым годом с кыргызов и их кыштымов учинился в государевом ясаке недобор»²⁵⁵. В октябре 1652 г. кыргызский князец Иженей Мерген сообщил красноярским воеводам, что

в Тубинскую землю, «убегаючи от Алтына-царя», пришло войско во главе с племянником Омбо-Эрдени Мэргэном. По словам князца, Мэргэн-тайша «почал ясашных грабить», многих из них «поимел к себе сильно, а иных разогнал врознь». С требованием прекратить грабежи ясачных к Мэргэну-тайше из Красноярска был послан Степан Коловский, который выяснил, что в погону за своим племянником в Кыргызскую землю прибыл сам Омбо-Эрдени с сыном Лоджаном. Хан «взял к себе» 70 человек из числа князцов и «лучших людей», ограбил кыргызские кочевья, «и кыргызы, и тубинцы, и алтырцы, и керетцы прибежали под Красноярский острог на Кизильскую землю на речку Еник и обсеклись в городке». Вернувшись в Красноярск, С. Коловский сообщил, что с Мэргэном Омбо-Эрдени «помирился», теперь стоит у устья речки Ербы и, если кыргызы ему не подчинятся, хочет «воевать Кыргызскую землю». По словам Коловского, представители Алтын-хана заявили ему, что «ныне Алтын-царь сажает на свое место сына своего Лоджана, потому что он, Алтын-царь, устарел», и все его кыштымы должны были теперь подчиниться Лоджану и ясак ему платить «по-прежнему». Выяснилось также, что «и кыргызы, и тубинцы, и все государевы иноземцы советовали меж собой, и Алтына-царя сына Лоджана во всем слушать хотят, как слушали и Алтына-царя, и ясак ему хотят давать по-прежнему». Кроме того, в Красноярске стало известно, что Омбо-Эрдени приказал кыргызам послать своих людей во все ясачные волости Красноярского, Томского и Кузнецкого уездов для сбора податей. По словам русского представителя, кыргызские князцы обещали сохранить верность шерти, данной русским властям, но реальная обстановка говорила о том, что «впредь от кыргыз... добра чаять не почему, потому что они Алтына-царя боятся и слушают и повеление его совершают»²⁵⁶.

Таким образом, в результате событий 1652 г. хотогойтам удалось укрепить свою власть в Кыргызской земле, в русскую же казну ясачные поступления с кыргызов и их кыштымов значительно уменьшились.

В марте 1657 г. красноярские воеводы отправили к Лоджану посольство во главе с Родионом Кольцовым. Русский посланец заявил Лоджану, что тот незаконно собирает с кыргызов, которые являются государевыми ясачными людьми, «на себя соболи

и бобры и мягкую всякую рухлядь» и «тем государев ясашный сбор остановил и ясашных людей разогнал». Р. Кольцов передал Лоджану требование воевод: «Ты с них (с кыргызов — О.Б.) большие запросы оставь, а что они давали отцу твоему, и государев воевода за то ничего не говорит, за то не стоит», а незаконный сбор «верни». Иными словами, русская сибирская администрация на этот раз давала фактическое согласие на двоеданничество кыргызов, только бы восстановить прежние ясачные сборы в Кыргызской земле. Лоджан на заявление Р. Кольцова ответил, что Кыргызская земля «извеку наша», а «кыргызы... с кыштымами вечные наши кыштымы, а не вашего государя... и по мне вольно у своих кыштымов хотя все взять, хотя их пощадить..., а которые кыштымы государю дают ясак, и мы их, тех кыштымов, не унимаем государю вашему давать». Как видно, Лоджан также был не против двоеданничества кыргызов, но свои права на их эксплуатацию, естественно, считал более древними и преобладающими. На претензии Р. Кольцова о том, что хотогойтские сборщики податей грабят кыргызов, и после их поборов русские ясатчики не могут собрать «государев ясак» Лоджан ответил, что он знает об отказе кыргызов платить ясак в русскую казну, и это произошло от того, что «год не соболистый». По словам Лоджана, он послал к кыргызам сборщиков дани раньше — «ему дали», а русские ясатчики пришли к кыргызам позже — пушнины уже не было, и кыргызам ясак платить было нечем. Испугавшись русских, они и сказали, что его, Лоджана, люди «взяли (дань — О.Б.) сильно, авось де и взяли». Лоджан обещал, что велит «поставить кыштымов, кои сказывали, что соболи государевы сильно взяли», а «воевода бы прислал служилых людей ясашных сборщиков, авось и впрямь взяли, я того не ведаю, и я их поставлю на очную ставку вместе, и будет взяли, я ту казну отдам»²⁵⁷. Таким образом, обе стороны, участвовавшие в переговорах, фактически согласились на двоеданческий статус «Кыргызской земли». Однако переговоры между русскими и Лоджаном не стабилизировали политическую обстановку на Верхнем Енисее. Вскоре Лоджан, не удовлетворяясь сбором податей, вновь разграбил кыргызские улусы. Кыргызы пытались бежать под защиту русских острогов, но были настигнуты. Лоджан, взяв с кыргызских князцов клятву, что они «ни к кому не пристанут и ни в чем

никому помогать не учнут», намеревался напасть на Томский уезд²⁵⁸. Хотогойтские сборщики податей, собрав с кыргызов 460 соболей, приказали готовить еще 1000 соболей, участились случаи нападений «мунгалцев» на русских ясатчиков. Ясачные сборы в очередной раз резко понизились²⁵⁹. В сентябре 1659 г. сибирские власти отправили в ставку Лоджана новое посольство во главе со Степаном Гречениным. По инструкции Греченин должен был заявить хотогойтскому правителю претензии о разорении кочевий кыргызов и других верхнеенисейских ясачных волостей. Во время следования русского посольства через кыргызскую землю местные князцы не дали русским ни подвод, ни лошадей, высказав обиды, что «когда их грабил Лоджан, государь их не оборонил». В условиях острой нехватки продовольствия и лошадей посольство прибыло в ургу лишь весной 1660 г. Во время переговоров Лоджан заявил: «Вы говорите, будто я сам ведаю, что кыргызские люди великого государя, а я ведаю, что кыргызы многие лета преж сего с государевыми людьми воевались... Вы говорите, что я, как был в Кыргызской земле, приказал имать с государевых ясашных людей на себя ясак кыргызскому Сеитену сыну Соозону, что ясак с ясашных людей Кумытской волости... взял, и ныне де те ясашные люди от его Соозоновой и от моей изгони разорены до конца, и на великого государя ясаку взять с них немочно. А я, Лоджан, будучи в Кыргызской земле, государевых ясашных людей не граблывал, ясаку на себя имать... Соозона не посыловал... меж нами смущают кыргызы, и великая всякая смута чинитца от них за то, что я их смирил за многое их ко мне непослушание»²⁶⁰. Нам представляется, что утверждение Лоджана о том, что он не собирал подати с ясачных — явная ложь, направленная на то, чтобы улучшить отношения с русскими властями. К 1660 г. Лоджан, будучи участником многих внутримонгольских усобиц, потерпел ряд поражений и предпринял попытку найти в лице Русского государства военного союзника, заявив Греченину о готовности дать русским властям «любую шерть»²⁶¹. В условиях ослабления Алтын-хана воеводам к 1662 г. вновь удалось увеличить сбор ясачной казны в Кыргызской земле²⁶².

В 1663 г. Лоджан, теснимый своими халхаскими противниками, был вынужден прикочевать на реки Тубу и Абакан — земли кыргызов. К этому времени джунгарский правитель Сэнгэ

сумел укрепить свои позиции внутри ханства и начал проводить активную политику восстановления господства над кыштымами Джунгарии. Ойраты вторглись в кыргызские улусы, вытеснив оттуда Лоджана на территорию «подгородных» волостей Красноярска. Однако подчинить кыргызов, которые к этому времени перестали платить алман «на контайшу», ойратам не удалось²⁶³. После ухода джунгар Лоджан вновь ограбил кыргызские улусы, после чего в Красноярск прибыл князец Арып-кай. Он сообщил, что кыргызские князцы с улусными людьми в две тысячи человек «стали на Кыргызской степи» и просят у воевод «государевых ратных людей с ружьем» для обороны от хотогойтов, а они, кыргызы, «служить готовы». Воевода Герасим Никитин предложил князцу, чтобы кыргызы «ехали под Красноярск на вечное жительство и великому государю давали б себя ясак и аманатов», отправив при этом письмо томскому воеводе Ивану Бутурлину с просьбой о присылке под Красноярск томских казаков для защиты Кыргызской земли. Однако И. Бутурлин «против того к нему ничего не писал и служилых людей не присылывал». Не получив помощи из Томска, красноярские власти решили отправить в Кыргызскую землю, где в это время находился Лоджан, «с выговором» пятидесятника Трифона Еремеева с казаками. На ультиматум русских служилых, потребовавших прекращения грабежей енисейских кыргызов, Лоджан ответил, что «как Красноярский острог был не поставлен, и до тех мест кыргызские, тубинские и алтырские князцы и кыштымы, и качинцы все были отца и деда его Лоджанова люди». Лоджан заявил казакам, что он потерпел военное поражение, войско его разбито и «на своей земле ему стало жить нельзя, и, надеясь на государеву милость, он, Лоджан, пришел к своим людям... кормиться». Лоджан просил разрешения у красноярских воевод после сбора «государева ясака... что останется и с которых людей дед его и отец имывали, и он с тех людей собирать себе велит же». Более того, Лоджан заявил Т. Еремееву, что у него, якобы, уже имеется «государева грамота за красной печатью», в которой «велено ему с кыргызы управиться»²⁶⁴.

Таким образом, поражения Алтын-хана заставили его полностью изменить политику на Верхнем Енисее. Если раньше он настаивал на верховенстве своих прав в Кыргызской земле,

то теперь готов был от них отказаться, лишь бы сохранить возможность собирать дань в кыргызских улусах. Воеводы, как нам представляется, имели в начале 60-х гг. XVII в. реальную возможность предпринять активные военные действия против ослабленного в междоусобицах Алтын-хана и, тем самым, навсегда покончить с хотогойтскими притязаниями на енисейских кыргызов и их кыштымов, а также укрепить свой авторитет сюзеренов в глазах кыргызов, оказав им военную помощь и продемонстрировав военную силу. К сожалению, несогласованные действия сибирских властей, их нерешительность, упование на дипломатические средства давления на Лоджана в совокупности свели на нет эту вполне осуществимую возможность.

Вскоре после возвращения Т. Еремеева под стены Красноярского острога прикочевала группа енисейских кыргызов ведомства князцов Шанды Сенчикеева и Итлалея Медечина. Князцы заявили, что несмотря на уплату Лоджану дани в размере 300 коров и 1000 овец, тот разорил их кочевья, «многих взял в полон», и теперь они, «помня прежнюю свою шерть, пришли на вечное житье проситься под высокую государеву руку», обещали «быть в вечном холопстве» и платить в Красноярск ясак «по все годы» наравне со всеми другими ясачными Красноярского уезда. Ш. Сенчикеев и И. Медечин просили воеводу, чтобы в 1664 г. с них взяли ясак по одному соболу с человека, а в последующие четыре года они бы довели размер ясака до пяти соболей с человека. Красноярские власти согласились на эти условия, и в 1664 г. с этой группы кыргызов был взят ясак в количестве 139 соболей на сумму 102 рубля 31 алтын 4 деньги²⁶⁵.

В Кыргызской земле после лоджановых набегов начался голод: «от того грабежу половина ясашных людей с голоду померли, а иных многих ясашных людей наезжали на дороге мертвых, помирали с голоду, а иных ясашных людей роздал Лоджан людям своим в холопство, а иные разбежались в Камень, а про иных и вести нет». По подсчетам красноярских властей, голодной смертью в результате этих событий умерло не менее 300 взрослых мужчин, не считая стариков, женщин и детей²⁶⁶.

Желая воспользоваться подходящим моментом для полного присоединения кыргызских улусов к Русскому государству, красноярские воеводы запросили у Москвы разрешение на строительство острога у южных границ кыргызских кочевий, чтобы при-

крыть кыргызов от набегов «мунгальцов и калмыков». К тому же выяснилось, что прикочевавшие под Красноярск кыргызы не могут там находиться со стадами в зимнее время из-за большой глубины снежного покрова²⁶⁷.

В июне 1664 г. в Красноярск от Лоджана прибыли посланцы, которые сообщили, что привезли «великого государя грамоту за красною большою печатью», о существовании которой Лоджан говорил Т. Еремееву. Хотогойтский правитель, оттесненный врагами со своих кочевий, оказавшись в сложной внешнеполитической ситуации, любыми средствами хотел получить возможность кочевать на Верхнем Енисее: путь к отступлению на запад был закрыт ойратами. По словам посланца Далахая, в грамоте содержалось повеление русского царя Алтын-хану Лоджану «жить на государевой Тубинской земле по Абакану-реке со всеми мунгальскими людьми и велено им владеть кыргызами». Однако, по прочтении, в грамоте ничего подобного не оказалось, и красноярские власти потребовали, чтобы монголы уходили в свои земли. Вновь разорив кыргызские улусы, захватив полон, Лоджан, действительно, вскоре ушел в свои родовые кочевья. Кыргызы же, оставшиеся под Красноярском, стали просить разрешения властей перекочевать обратно в свои земли из-за того, что «под Красноярском им негде промышлять», однако воеводы им в этом отказали²⁶⁸.

Спустя некоторое время в Красноярске стало известно, что в кыргызских улусах осталось не более 300 взрослых мужчин – остальные ушли «в дальние места». Оставшееся кыргызское население в 1665 г. полностью уплатило ясак в русскую казну²⁶⁹. По имеющимся сведениям, количество собранного в русскую казну ясака в улусах кыргызов и их верхнеенисейских кыштымов в 1665 г. составило порядка 1400 соболей²⁷⁰.

Ушедших со своих земель кыргызов возглавил князец Ереняк Ишеев, который начал проявлять враждебность как к русским властям, так и к Алтын-хану. В августе 1665 г. Ереняк «наехал» на русское посольство, направлявшееся к Лоджану, отнял подводы, а монгольских послов, ехавших с русскими, ереняковы люди «били ослопьем насмерть»²⁷¹. Воевода Г.П. Никитин сообщил в Москву, что Ереняк «бранил казаков матерны по-кыргызски... всеми кыргызы мутит и ясашных людей грабит и грозит войной»²⁷².

После того, как Лоджан утратил свое влияние в кыргызских улусах, о своем праве собирать с кыргызов алман заявил ойратский правитель Сэнгэ. Как стало известно красноярскому воеводе, в 1665 г. джунгары собрали алман не только с людей Ереняка, но и с кыргызов, живущих под Красноярском²⁷³. Ради продолжения борьбы за право эксплуатировать кыштымов Ереняк принял решение вновь признать сюзеренитет джунгарского хана и уступить ойратам значительную часть собираемой с кыштымов дани. Летом 1666 г. Ереняк, подстрекаемый ойратами, разорил кыргызов, оставшихся верными русскому подданству, а также разграбил Удинский острог. В погоню за Ереняком из Красноярска был послан атаман Елисей Тюменцев с казачьей сотней. Казакам удалось отбить награбленное, но сам Ереняк бежал²⁷⁴.

Осенью 1666 г. в Кыргызскую землю вновь прикочевал теснимый теперь уже ойратами хотогойтский правитель Лоджан. Для разгрома Лоджана на Верхний Енисей вскоре вторглось войско Сэнгэ. По сообщениям источников, в 1667 г. «пришли калмыцкие многие воинские люди Сенга-тайши на Кыргызскую землю для мунгальского алтынова сына Лоджана-сайн-контайши»²⁷⁵. В ожесточенном сражении хотогойты потерпели поражение, сам Лоджан был взят в плен и увезен в ставку Сэнгэ. После поражения Алтын-хана кыргызы Ереняка «остались на Кыргызской земле... увидя его (Сэнгэ — О.Б.) победу, поддались калмыцкому владельцу, а в Красноярск ясак платить перестали». Лишь часть кыргызских кыштымов сохранила лояльность красноярским властям и продолжала платить ясак²⁷⁶. Таким образом, шансом, который упустили русские воеводы, успешно воспользовался ойратский хан. Во время боевых действий ойратов против хотогойтов пострадало и ясачное население. Джунгары «повоевали» многие ясачные волости Томского, Красноярского и Кузнецкого уездов, отнимали у ясачных скот, алман «от них збирали»²⁷⁷.

Сразу же после победы над Лоджаном Сэнгэ послал в Красноярск своих послов, которые уведомили об этой победе воеводу Алексея Суморокова и потребовали выдать кыргызов, кочующих под Красноярском, а также выплатить алман с качинцев и аринцев. Ойраты объясняли свои требования тем, что они «преж отцу его (Батуру-хунтайджи — О.Б.)... алман давали».

Воевода отказался выполнить эти требования, а послов посадил в тюрьму в наказание за ойратские набеги на русские уезды. Получив известие о захвате воеводами послов, Сэнгэ отдал приказ силой собрать алман с «подгородных» красноярских ясачных. Во время этой акции за ясачных вступились служилые, произошло военное столкновение между русскими и ойратами²⁷⁸. В мае 1667 г. ойраты совместно с кыргызами Ереняка осадили Красноярск, требуя от воевод отпуска кыргызских аманатов. Кроме того, кыргызы заявили, что ранее они «били челом», чтобы не платить ясак, т.к. они кочуют в степи, где нет соболинных промыслов. «Государь» их «пожаловал» тем, что «велел брать ясак» только с их кыштымов, но воеводы брали ясак и с самих кыргызов «для своей бездельной корысти насильством»²⁷⁹. Только заручившись обещанием отпустить из аманатов знатных кыргызов, кочевники сняли осаду²⁸⁰.

В том же 1667 г. Сэнгэ заявил о своих притязаниях на власть над енисейскими кыргызами томскому посланцу Павлу Кульвинскому и вновь потребовал выдачи кыргызов, кочевавших под Красноярском. В противном случае он грозил взять приступом Томск. Русский посол ответил ойратскому правителю категорическим отказом²⁸¹.

Таким образом, с 1667 г. большая часть енисейских кыргызов стала платить алман и подчиняться исключительно ойратам²⁸². Однако, т.н. «подгородные» кыргызы «к измене не пристали» и в последующие годы продолжали платить ясак в Красноярск²⁸³. С разгромом ойратами Алтын-хана вопрос о подданстве населения Верхнего Енисея перешел в сферу двусторонних русско-джунгарских отношений.

Активизация ойратов на Верхнем Енисее и подчинение ими большей части кыргызов побудили русские власти действовать более решительно и энергично. Было принято решение отправить в Джунгарию посольство с требованием прекратить ойратскую экспансию на верхнеенисейские земли. С этой целью томскими властями в ставку хана был послан сын боярский Василий Былин. Ему было поручено, в случае, если ойраты не откажутся собирать алман с ясачных, заявить, что воеводы будут вынуждены «писать в Москву об указе» при помощи военной силы пресечь действия джунгар²⁸⁴. Находясь в джунгарской урге осенью 1667 — летом 1668 гг., Василий Былин выразил протест джунгарскому

правителю по поводу совместной ойрато-кыргызской осады Красноярска и сбора алмана с ясачных качинцев и аринцев. В ответ Сэнгэ заявил послу, что его отряд ходил под Красноярск, т.к. там были задержаны его послы, требовавшие алман с «подгородных» ясачных. Красноярские власти, по словам Сэнгэ, не позволили собирать алман с ясачного населения, поэтому его собрали силой, а осада, якобы, случилась из-за провокации воевод²⁸⁵. Не получив обещаний от ойратского хана о том, что джунгары прекратят домогаться сбора алмана с ясачных, в том числе с кыргызов, В. Былин предупредил о возможных отписках воевод в Москву «о указе» начать военные действия против Джунгарии²⁸⁶. Во время пребывания в ханской урге В. Былин узнал, что Сэнгэ хотел привлечь к борьбе с Русским государством волжских калмыков, однако те заявили хану, что Джунгария не сможет одержать победу в войне с русскими, а только спровоцирует строительство новых русских опорных пунктов по Оби и Иртышу, «а самому де тебе (т.е. Сэнгэ — О.Б.) где будет деватца»²⁸⁷.

В 1669 г. русские власти потребовали выплаты ясака, включая накопившийся за последние годы ясачный долг, с тубинских князцов и, по словам ясатчиков, «тубинцы в ясаке отказали и аманата на перемену прислали только одного... а дают они алман калмыцкому Сенге-тайше да кыргызскому князцу Ереняку»²⁸⁸. Бывший в ставке Сэнгэ в августе 1669 — мае 1670 гг. очередной томский посланец Матвей Ржицкий объявил джунгарскому правителю, что русским властям известно о том, что именно по указу Сэнгэ кыргызский князец Ереняк постоянно угрожает ясачному населению Верхнего Енисея войной и собирает с них алман в пользу ойратского владельца, хотя ранее эти ясачные алман джунгарам никогда не платили. Достаточно жесткая позиция предыдущего русского посла В. Былина, предупреждения волжских калмыков о силе Русского государства, а также осведомленность воевод о происках ойратов на Верхнем Енисее побудили Сэнгэ быть сдержаннее. Он начал заверять М. Ржицкого, что никогда и ни с кого Ереняка собирать алман не заставлял²⁸⁹. Тем самым Сэнгэ хотел переложить вину за набеги на русские уезды на кыргызов. В том же 1670 г. по приказу Сэнгэ кыргызами Ереняка были уведены со своих мест обитания мады и байкотовцы²⁹⁰.

В 1670 г. вновь не уплатили ясак тубинцы «сами и с кыштымов своих не платят». По словам казаков-ясатчиков, тубинцы надеялись, в случае похода против них служилых, на помощь со стороны Ереняка и ойратов. Многие представители ясачного населения бассейна Верхнего Енисея говорили русским, что «ныне им кыргызы и тубинцы ясаку великому государю платить не велят»²⁹¹.

Таким образом, во второй половине 60-х гг. XVII в. ойратам удалось подчинить большую часть енисейских кыргызов, во главе которых стоял князец Ереняк Ишеев. Это стало возможным в условиях, когда ойраты разгромили хотогойтов, а русские власти не смогли оградить население кыргызских улусов от вторжений монголов и потеряли в глазах большей части кыргызской знати авторитет сюзерена. Ереняк Ишеев становится в 60-е гг. XVII в. главным проводником ойратской политики на Верхнем Енисее, предпринимает попытки обложить алманом различные группы ясачного населения региона, грабит русские уезды, присваивая часть собираемых податей и награбленного себе. Часть енисейских кыргызов, прикочевав под стены Красноярского острога, продолжала оставаться подданными русских властей, постоянно подвергаясь угрозам и грабежам со стороны Ереняка и ойратов. Однако не следует преувеличивать степень зависимости Ереняка и его улуса от ойратского правителя Сэнгэ. Сюзеренно-кыштымные отношения, сложившиеся между Сэнгэ и Ереняком, скорее являлись военно-политическим союзом, в котором ойраты играли роль старшего, а кыргызы — младшего партнера. За поддержку, оказываемую Ереняку ойратами в антирусской борьбе, кыргызы, как кыштымы, выплачивали им подати и отстаивали ойратские интересы на Верхнем Енисее. В целом же, как нам представляется, внутренняя политика Ереняка в своем Улусе и внешне-политические действия с учетом интересов старшего союзника-сюзерена были вполне самостоятельными.

В конце 1670 г. в результате переворота был убит джунгарский правитель Сэнгэ. Новым ханом Джунгарии после непродолжительной борьбы стал младший сын Батура-хунтайджи Галдан²⁹². Принимая во внимание отвлечение ойратских сил на междоусобицы, воеводы решили пресечь алманские сборы на Верхнем Енисее: в 1671 г. казаки неоднократно выпроваживали джунгарских алманчиков из ясачных волостей, приказывая ясачным алман ойратам не платить²⁹³.

Сразу после прихода к власти Галдан продолжил политику своего предшественника по укреплению ойратских позиций на Верхнем Енисее. Если Сэнгэ довольствовался тем, что кыргызы признавали себя его кыштымами, и кыргызские князцы, уплачивая алман и выступая проводниками ойратской политики, имели широкую самостоятельность во внутренних делах своих улусов, то Галдан в 1672 г. прислал в кыргызскую землю своего ейзана Байту «для всякой розправы», т.е. с этого времени верховную власть в кыргызских улусах, исключая «подгородных» кыргызов, стали осуществлять ойратские наместники²⁹⁴. Можно предположить, что в планы Галдана не входила внешнеполитическая и внутренняя самостоятельность кыргызской знати. Возможно, обдумывая перспективы своей будущей активной политики в отношении Халхи, Восточного Туркестана и Кукунора, новый джунгарский хан не хотел обострять отношения с русскими властями, обеспечивая тем самым надежный тыл. Этому мешала жесткая антирусская политика Ереняка. Стремление поставить внешнюю политику кыргызов под полный контроль, видимо, и подтолкнуло Галдана к решению направить в «Кыргызскую землю» своего наместника.

Политика Галдана на Верхнем Енисее была более гибкой, чем политика его предшественника. Не отказываясь от притязаний на эксплуатацию коренного населения юга Сибири, для достижения этой цели он использовал не только военные угрозы и провокации по отношению к Русскому государству, но и методы дипломатического урегулирования спорных вопросов. Так, сразу после прибытия в Кыргызскую землю, ойратский наместник Байту, по указанию Галдана, отправил послов в Красноярск, которые, требуя предоставления возможности собрать алман в Камасинской и Канской землях, одновременно просили воевод прислать к наместнику русского посланца «для подлинного договору» по вопросу подданства и сбора дани с местного населения. Не имея на этот счет указаний из Москвы, воеводы все же отправили в Кыргызскую землю для переговоров с ойратским наместником и князцами Ивана Айкина. Посланник не был уполномочен заключать договор с наместником и лишь потребовал от Ереняка Ишеева уплаты ясака в русскую казну с его кыштымов. Ереняк, в свою очередь, заявил, что если ясачные качинцы и аринцы дадут алман джунгарам, «тогда будет мир», в ином случае он вновь

грозил разорить русские селения²⁹⁵. Переговоры, таким образом, не внесли ничего нового в существовавшее положение дел в вопросе подданства верхнеенисейского коренного населения. Как видим, русский посланец со своими претензиями к кыргызам напрямую обращался к Ереняку, минуя ойратского наместника. Это свидетельствует, что воеводы рассматривали Ереняка, как вполне самостоятельного владельца и еще раз подчеркивает, что кыштымную зависимость кыргызов от ойратского правителя нельзя в этот период рассматривать, как полное их подчинение Джунгарскому ханству.

Добываясь права собирать дань на Верхнем Енисее, Галдан писал сибирским воеводам и в Москву: «Великому государю платят ясашные люди Канские и Камасинские земли соболи рослые, а ему бы с тех же ясашных людей иметь соболи голые». Достаточно компромиссное, на первый взгляд, послание хана заканчивалось очередными военными угрозами в случае отказа пропускать алманщиков в ясачные волости. Воеводы, отказываясь выполнять требования хунтайджи, заявляли, что прежде эти ясачные алман не платили, и Галдану «не пристойит» с них алман «имать». Сообщая в Москву о положении на Верхнем Енисее, красноярские воеводы писали, что «кыргызы и тубинцы... ясаку с себя не платят, а платят они... с себя и с кыштымов своих калмацкому кутухте (т.е. Галдану, который до прихода к власти имел духовный сан — О.Б.), и во всем они радеют кутухте»²⁹⁶. Вскоре, в подтверждение этого, Ереняк Ишеев потребовал от воевод допустить его собирать алман с ясачных в пользу Галдана, вновь угрожая набегами и разорениями уездов²⁹⁷.

В октябре 1673 г. ойратским послам, находившимся в Москве, было официально заявлено о недопустимости сбора алмана с ясачных Красноярского уезда. Им также было указано, что царю известно о намерениях ойратов совместно с кыргызами совершить набеги на русские остроги. Ойраты были предупреждены об обязательном возмездии за такие действия²⁹⁸. Однако они продолжали настаивать на своем праве сбора податей с насельников Верхнего Енисея²⁹⁹. В частности, в 1674 г. Галдан вновь писал русским властям, «чтоб ясачные люди ясак платили великому государю, его царскому величеству, также и ему, тайше», как это было при Сэнгэ. На свое послание хан получил очередной негативный ответ русской администрации³⁰⁰.

В последующие годы Галдан неоднократно демонстрировал готовность уладить вопрос о статусе жителей бассейна Верхнего Енисея, прежде всего кыргызов, мирным путем, посредством установления в этом регионе режима двоеданничества. Под нажимом джунгарского правителя в 1678 г. «кыргызский князец Ереняк и все лучшие алтырские, езерские, тубинские и моторские князцы и улусные люди в винах и в измене били челом», шертовали, что им, в подтверждение прежней шерти отца Ереняка, быть в вечном подданстве у Русского царя и «ясак со всех их землиц и улусов с кыштымов платить и аманатов давать, о чем договор дали на письме и потому прислали тогда в Красноярск и аманатов»³⁰¹. В этом же году Галдан-Бошоктухан направил в Москву посольство во главе с Себевди-ходжой и Шара-Мэргэном. Последние, прибыв в Тобольск, вручили воеводам ханское послание с выражением пожелания «пограничный соседственный союз держать», и чтоб «задоров на границе не было». Принятый в июле 1679 г. в Москве в Посольском приказе Себевди-ходжа заявил, что «Галдан-тайша с людьми царского величества ссор никаких не желает, для того и его, посланца, к великому государю послал бити челом, чтоб про то разыскать, кому от кого обиды чинят»³⁰². Зимой 1679 г. Галдан направил в Алтырский улус нового наместника Келегея Дарур Буян-кашку-ейзана, которому было поручено решить вопрос о верхнеенисейских двоеданцах на месте. По указанию ойратского ейзана в Красноярск выехал тубинский князец Сарык Бурин, который передал воеводам предложения ойратов: позволить им собрать алман с «подгородных» ясачных качинцев, аринцев, камасинцев и канцев; в обмен на это ойраты позволили бы русским беспрепятственно собирать ясак с кыргызов. В случае несогласия воевод ойраты требовали не посылать ясатчиков в кыргызские улусы, а что уже там собрано — «назад отослать». Красноярские воеводы отвергли ойратские предложения, после чего русские сборщики ясак были выдворены из «Кыргызской земли»³⁰³. Кыргызы при поддержке ойратов стали препятствовать ясачным сборам со своих кыштымов и заявляли, что если им не дадут собрать алман для Галдана с качинцев, аринцев, канцев и камасинцев, «тогда отдайте ясак, что взяли с наших верховых кыштымов, а то будет ссора»³⁰⁴.

Угрозы кыргызов, поддерживаемых ойратами, вскоре переросли в конкретные действия. В июле 1679 г., когда ойратские послы высказывали мирные предложения Галдана в Москве, Ереняк, несмотря на данную недавно шерть, со «старыми изменниками кыргызами, алтырцами и езерцами», «да новые изменники кызыльские татаровя» осадили Красноярск, сожгли две русские деревни, взяли большой полон, сожгли Канский острог и угнали из-под Красноярска, по указу Галдана, практически всех ясачных людей. Одновременно кыргызы разорили Кузнецкий уезд³⁰⁵. Чтобы окончательно не испортить отношения с русской администрацией и отстраниться от происшедших событий, в июне 1680 г. ойратский правитель направил в Кузнецк своего представителя с заданием «выяснить», кто повинен в инцидентах с Русским государством. В беседе с воеводой посланец заявил, что Галдан хочет выявить виновных и наказать их. В результате расследования удалось установить, что виновником набегов был ни кто иной, как Ереняк Ишеев³⁰⁶. Вопреки обещаниям, хан никаких санкций по отношению к Ереняку не применил. Кыргызы продолжали захватывать и избивать русских ясачников, не пропускать ясачных на охотничьи промыслы, грабить их, отгонять у них скот³⁰⁷. Кроме того, в 1680 г. сами джунгары не позволили собрать «недоборный ясак» с кыргызских кыштымов³⁰⁸.

Как видим, взаимоотношения Галдана и Ереняка Ишеева складывались далеко не просто. Направляя на рубеже 70-х — 80-х гг. XVII в. свою активную внешнюю политику в Восточный Туркестан и Кукунор, ойратский хан не хотел иметь враждебный тыл в лице русских и пытался урегулировать спорные вопросы с Русским государством, прежде всего вопрос о сборе податей с коренного населения юга Сибири. Урегулированию препятствовали агрессивные антирусские действия Ереняка, который не желал утратить своих верхнеенисейских кыштымов и старался действовать, отстаивая интересы кыргызской знати, независимо от позиции Галдана. В то же время хан не мог волевым решением пресечь набеги Ереняка на русские уезды — это привело бы к кыргызско-ойратскому конфликту. Таким образом, Галдану пришлось лавировать: с одной стороны демонстрировать русским стремление урегулировать спорные вопросы, а с другой стороны — не отказывать в поддержке и покровительстве Ереняку Ишееву. Даже присылка в «Кыргызскую землицу» нового наме-

стника не смогла изменить сложную для ойратов ситуацию на Верхнем Енисее — Ереняк не поступился своими антирусскими принципами и продолжал действовать самостоятельно. Опасаясь испортить отношения с кыргызами, Галдан был вынужден в той или иной форме поддерживать действия Ереняка против Русского государства.

Таким образом, нам представляется неверной позиция И.Я. Златкина, который утверждал, что ради добрососедских отношений с Русским государством «Галдан был готов пожертвовать и кыштымами, и ясаком»³⁰⁹. Как видим, политика Галдана в вопросе статуса коренного населения юга Сибири была более гибкой, являясь в то же время логическим продолжением политики его брата Сэнгэ. Вряд ли можно согласиться и с утверждением этого известного монголоведа о том, что в первые десять лет правления Галдана между русскими и ойратами не было военных столкновений³¹⁰. Источники свидетельствуют, что в 70-е гг. XVII в. ясачным бассейном Верхнего Енисея Галдан запретил платить ясак в русскую казну и подчиняться русским властям. Люди Галдана постоянно совершали нападения на русских сборщиков ясака, грабили их, отнимая пушнину. О всех нападениях ойратских кыштымов-кыргызов на русские уезды Галдан был вполне осведомлен³¹¹.

В 80-е гг. XVII столетия кыргызы не только стали проводить ойратскую политику на Верхнем Енисее, но и использоваться джунгарами в качестве военной силы на других направлениях. До двух тысяч кыргызских воинов принимали участие в ойрато-халхасской войне 1688—1689 гг.³¹² В 1688 г., воспользовавшись тем, что основные силы джунгар были задействованы в Халхе, на ойратские кочевья напали казахи. В сражениях с казахами на стороне ойратов воевали и кыргызы, причем в этих боях погибли многие представители кыргызской знати. По некоторым сведениям, в походах против казахов, якобы, погиб князец Ереняк. Вообще, сведения источников о гибели этого известного кыргызского предводителя весьма противоречивы. Есть свидетельства о том, что Ереняк погиб, участвуя в сражениях с халхасским князем Эрдэни в 1688 г., который, между прочим, в ходе поражений халхасцев от ойратов принимал русское подданство; смерть настигла Ереняка в бою недалеко от русского Селенгинского острога³¹³. Авторы сборника материалов

по истории Хакасии полагают, что Ереняк погиб в бою с халхасцами на территории Чуйской долины в Горном Алтае³¹⁴. По другим данным Ереняк был вдохновителем двух походов на Красноярский уезд в 1692 г. О значительности этого набега говорит тот факт, что в ходе него было убито 350 служилых и ясачных людей. Второй кыргызский поход на Красноярск возглавил сын Ереняка Корчин. По сведениям источника, эти набеги были организованы по прямому указанию Галдана-Бошоку-хана³¹⁵, что лишний раз подчеркивает двойственный характер политики этого ойратского правителя по отношению к России. К 1692 г. Галдан потерпел серьезное поражение от цинских войск³¹⁶ и неоднократно обращался к России с предложением о военном союзе против Цинов и просьбами о военной помощи³¹⁷.

90-е гг. XVII в. отличаются еще большей, чем прежде, агрессивностью кыргызских князцов по отношению к России. Нам представляется, что это связано скорее не с поддержкой их со стороны Джунгарии, а с очередным ослаблением центральной власти в ханстве. В 1690-е гг. власть Галдана распространялась лишь на район Кобдо, где он расположил свою ставку в ходе войны с Цинами, а в Джунгарии к этому времени уже фактически правил его племянник, сын Сэнгэ — Цэван-Рабдан, который лишил Галдана возможности к отступлению в родовые кочевья³¹⁸. Эти факторы привели к ослаблению ойратского контроля над их кыштымами. В таких условиях кыргызская знать получила возможность, проводя самостоятельную политику, восстановить бесконтрольный грабеж кыштымов. В конце XVII в. кыргызские набеги на русские уезды стали ежегодными. Так, с 1694 по 1697 гг. кыргызы разоряли ясачные волости Томского уезда по несколько раз в год³¹⁹.

В 90-е гг. XVII столетия сыном Ереняка Корчином был восстановлен сбор алмана с населения бассейна Верхнего Енисея, якобы, «на контайшу», что, по известным причинам, вряд ли соответствует действительности. «В пользу хана» Корчин собирал дань по пять соболей с человека в год, а «у которых соболей в улове не явится, брали лошадьми и платьем, котлами и топорами, и всякими иноземческими припасы»³²⁰. В 1699 г. Корчин захватил и разграбил Ачинский острог, его добыча составила 2000 соболинных, 1000 лисьих, 5000 горностаевых

и 2000 беличьих щукорок — годовой ясачный сбор с населения Причулымья³²¹. В 1700 г. Корчин Ереняков совершил грабительские набеги на Томский и Кузнецкий уезды³²². По подсчетам русских властей, с 1682 по 1700 гг. набегами кыргызов только на Томский и Кузнецкий уезды был нанесен материальный ущерб на сумму около 25 тысяч рублей³²³.

Таким образом, во второй половине XVII в. большая часть енисейских кыргызов полностью вышла из-под контроля русских властей. Кыргызы окончательно стали кыштымами ойратов и проводниками джунгарской, прежде всего алманной, политики на юге Сибири, в первую очередь, на Верхнем Енисее. Влияние ойратов на кыргызов было неоднозначным. Кыргызская знать, часто не считаясь с позицией джунгарских правителей, проводила вполне самостоятельную агрессивную антирусскую политику. В 90-е гг. XVII в., когда Галдан был изолирован в районе Кобдо и потерпел поражение от Цинов, кыргызы фактически полностью вышли из-под контроля своих джунгарских сюзеренов. В Джунгарии власть захватил Цэван-Рабдан, который к 1700 г. установил контроль над кыштымами, в том числе над кыргызами. С помощью кыргызских князцов ойратам к началу XVIII столетия удавалось удерживать на положении двоеданцев население Качинских, Камасинских, Канских, Сагайских, Байкотовских и Мелесских волостей Томского и Красноярского уездов³²⁴. Терпение Москвы кончилось, и в 1700 г. воеводы получили указ Петра I: «Томским, кузнецким и красноярским ходить в Кыргызскую землицу и смирить их кыргыз за их воровство войною»³²⁵.

Изменение обстановки в Кузнецком уезде к началу второй половины XVII в. было обусловлено тем, что к этому времени телеутские князцы, считавшие ясачное население уезда своими кыштымами и собиравшие с ясачных подати, сами превратились в кыштымов джунгарского хана. На первых порах это событие существенно не затронуло интересов телеутской верхушки в вопросе сбора дани с кыштымов³²⁶. В 50-е — 60-е гг. XVII столетия телеутские князцы продолжали собирать подати с многих волостей Кузнецкого уезда «на себя»³²⁷. Ойраты же, укрепляя свое господство во внутренних районах Горного Алтая³²⁸, ограничивались нерегулярными поборам с кузнецких ясачных³²⁹. Положение стало меняться с приходом к власти в Джунгарии Галдана-

Бошокту. В 1671 г. послы Галдана прибыли в Кузнецк и просили «со всех российских подданных ясачных людей ясак на контайшу, а в Россию давать заказывали»³³⁰. С этого времени алманские сборы в Кузнецком уезде стали регулярными. К 1679 г. значительно усилилась кыштымная зависимость от ойратов телеутских князцов³³¹. В том году в Кузнецких Забийских, Кумандинских и Кондомских волостях алман, по шесть соболей с человека, собирал «на контайшу» Матур-тайша, такое же количество податей собрал здесь телеутский князец Табун Кокин³³². Впоследствии ойраты лишили права своих кыштымов-телеутов собирать в Кузнецком уезде подати, равноценные алману, сделав их, подобно кыргызам на Верхнем Енисее, проводниками своей алманской политики на Алтае и в Кузнецком Алатау.

Неоднократно ойратские алманщики собирали подати с двоеданцев раньше кузнецких властей, из-за чего у двоеданцев рос ясачный долг в царскую казну. Так, в 1679 г. большой недобор ясака был в Мрасских и Сагайских волостях³³³. Собирая алман с ясачных Кузнецкого уезда, ойраты пытались воспрепятствовать сбору ясака в русскую казну. Так, в 1680 г. ойраты не позволили казакам собирать ясак в Кондомских и Мрасских волостях, запрещали ясачным платить подати в Россию под предлогом того, русские не позволяют джунгарам брать алман с «выезжих телеутов», абинцев и кыштымов енисейских кыргызов³³⁴. С 1680 г. ойраты и их кыштымы-телеуты периодически стали ловить и убивать русских казаков-ясатчиков в волостях Кузнецкого уезда³³⁵. Время от времени алман «на контайшу» с северных алтайцев стали собирать не только телеуты, но и кыргызы³³⁶. Таким образом, во второй половине XVII в. многие ясачные волости Кузнецкого уезда также оказались на положении русско-ойратских двоеданцев.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы: система двоеданничества в Южной Сибири и Барабе формировалась на протяжении всего XVII столетия. Наиболее активно — после образования Джунгарского ханства, когда на юге Сибири столкнулись два встречных колонизационно-завоевательных потока: с запада — русских, с востока — ойратов. Оказавшиеся между ними территории, населенными различными, в основном тюркскими этническими группами, превратились в своеобразную буферную зону. Коренное население попало в зависимость и от

русских, и от ойратов; и те, и другие облагали местные этнические группы данью. Россия и Джунгария военными и дипломатическими средствами старались изменить ситуацию в этом обширном регионе в свою пользу. Определенное равновесие сил двух противоборствующих государств на юге Сибири привело в результате к возникновению и достаточно длительному существованию двоеданничества, как своеобразной системы совместного господства России и Джунгарии над коренными народами Южной и Юго-Западной Сибири.

Примечания

1. Потапов А.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969. С. 80.
2. Географически исследование охватывает районы, входящие в состав Южной Сибири; исключение составляет Барабинская низменность. Применительно к этому району Сибири мы используем географические термин «Юго-Западная Сибирь». Аборигенным населением региона исследования были к XVII в. преимущественно тюркские этнические группы. Среди коренного населения бассейна Верхнего Енисея присутствовал угро-самодийский и кетский элемент, однако он не определял этническую картину региона.
3. О барабинских татарах см.: Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960; Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Томск, 1968; Титова З.Д. Барабинские татары // Из истории Сибири. Вып. 19. Томск, 1976; Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура // Культура народов России. Т. 2. Новосибирск, 1996.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л., 1937. С. 297.
5. Архив внешней политики Российской империи. (Далее — АВПРИ.) Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731–1732 гг. Д. 12. Л. 52–52 об.
6. Messerschmidt D.G. Forschungreise durch Sibirien. 1720–1727. Bd. 1. Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. Berlin, 1962. P. 68.
7. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 32.
8. Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. С. 430.
9. Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. С. 171.

10. Российский государственный архив древних актов. (Далее — РГАДА.) Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 24–25; АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 32.
11. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 2 об.—3.
12. Томилов Н.А. Проблемы этнической истории. (По материалам Западной Сибири). Томск, 1993. С. 65.
13. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731–1732 гг. Д. 12. Л. 52–52 об.
14. Там же. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 32.
15. Степанов П. Зоологический очерк лесисто-болотистой полосы, лежащей между р. Омью, Тарой и Иртышом // Записки Западно-Сибирского отделения Российского географического общества. Омск, 1886. Кн. 8. Вып. 1. С. 26–34.
16. Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // Записки Западно-Сибирского отдела Российского географического общества. Омск, 1893. Кн. 16. Вып. 1. С. 27–39.
17. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2. 1636–1654. М., 1974. С. 203–209.
18. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 32.
19. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 24–25.
20. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731–1732 гг. Д. 12. Л. 52–52 об.
21. Томилов Н.А. Проблемы этнической истории... С. 59.
22. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 1 об; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.-Л., 1941. С. 97.
23. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 64–65.
24. Там же. С. 253–255.
25. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731–1732 гг. Д. 12. Л. 152 об.
26. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 253–255.
27. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 7; РГАДА. Ф. Мунгальские дела. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 29.
28. См.: Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980; Уманский А.П. Телеуты и их соседи...
29. Уманский А.П. «Телеутская земля» в XVII в. // Ученые записки Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы. Вып. 8. Барнаул, 1969. С. 41–62.

30. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 1... С. 46—47.
31. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1... С. 411—412.
32. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев... С. 162.
33. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. М., 1973. С. 184.
34. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 1... С. 63—68.
35. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 1... С. 71—95.
36. См. об этом: Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976; Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы—М., 1995.
37. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 1... С. 62—109.
38. Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 204—225.
39. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 1... С. 96—101.
40. Здесь и далее под географическим районом, обозначаемым «Алтайские горы», мы подразумеваем территорию современной Республики Алтай (Горный Алтай), горную часть Алтайского края и территорию Рудного Алтая, которая в настоящее время находится в пределах Республики Казахстан. В работе мы также используем географические термины «Монгольский Алтай» и «Гобийский Алтай».
41. См., например: Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев...; Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в...
42. Потапов Л.П. Этнографический обзор племен Алтая в джунгарский период // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 58. Вып. 1—3. 1946. С. 223—225.
43. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев... С. 146.
44. Здесь и далее названия инородческих волостей даны в написании, в котором они чаще всего встречаются в подлинных русских (российских) документально-архивных материалах.
45. Термин «сеок» в прямом переводе с алтайского языка означает «кость» (сравни: у казахов аналогичное понятие «сук»). Этим понятием алтайцы обозначают свою родовую принадлежность, т.е. сеок тождественен понятию «род».
46. РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 5. 1626 г. Д. 8. Л. 2—10.
47. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1. 1607—1636. М., 1959. С. 115.
48. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746—1754 гг. Д. 1. Л. 5.
49. Потапов Л.П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 56—57.

50. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 32–36 об.
51. Там же. Л. 4 об.–11.
52. Государственный архив Омской области. (Далее — ГАОО). Ф. Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
53. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 5–11.
54. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 115.
55. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 32–36.
56. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в... С. 42.
57. РГАДА. Ф. Сибирские дела. Оп. 5. 1626 г. Д. 8. Л. 2–10.
58. Потапов А.П. Этнический состав и происхождение алтайцев... С. 21.
59. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в... С. 50.
60. РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 3. Д. 10. Л. 1.
61. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 187.
62. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи... С. 184.
63. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 49.
64. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 504.
65. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 10 об.
66. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 509.
67. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 242.
68. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 49.
В русских документах начала XVII в. часто все население бассейна Верхней Оби, Верхнего и Среднего Иртыша фигурирует под названием «калмыки» вне зависимости от тюркского или монгольского происхождения той или иной этнической группы. Позже «белыми калмыками» русские стали именовать телеутов (иногда — и тау-телеутов), т.е. группы тюркского происхождения, а «черными калмыками» — прежде всего ойратов, т.е. группы монгольского происхождения.
69. Потапов А.П. Этнический состав и происхождение алтайцев... С. 88; Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 2.... С. 46–47.
70. Уманский А.П. Телеуты и тувинцы в XVII столетии // Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 39.
71. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 504 об.
72. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 10 об.

73. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 242.
74. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 2... С. 57.
75. См.: Потапов А.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
76. Руденко С.И. Скифская проблема и алтайские находки // Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии. 1944. Вып. 6. С. 267.
77. См.: Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961.
78. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1868. Т. 2. С. 102.
79. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971. С. 78.
80. См.: Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976; Владимиров В.Н. К вопросу о социально-экономическом развитии южных алтайцев в XVIII—XIX веках // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982.
81. См.: Козьмин Н.Н. Хакасы. Иркутск, 1925; Бахрушин С.В. Енисейские кыргызы в XVII веке // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955; Копкоев К.Г. Присоединение Хакассии к России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Абакан, 1965 и др.
82. См.: Потапов А.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов. Абакан, 1952.
83. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
84. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 59.
85. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии. XVII — начало XVIII вв. Абакан, 1995. С. 11.
86. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII веке. Этюды по истории Сибири. Минусинск, 1913. С. 1—6.
87. См.: Потапов А.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
88. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. М., 1983. С. 23.
89. См.: Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии // Советское востоковедение. 1949. № 6.
90. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 5.
91. См.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635—1758. М., 1983.

92. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 1 об.
93. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 79.
94. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — начале XVIII века. Ч. 2... С. 112–113.
95. Крадин Н.Н. Кочевые общества в контексте стадияльной эволюции // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 65.
96. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России // Памяти Е.М. Залкинда. Сборник научных статей. Барнаул, 1998. С. 161.
97. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 11–12.
98. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. С. 1... С. 31.
99. Там же. С. 38–39.
100. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — начале XVIII века. Ч. 2... С. 134.
101. См.: Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955; Сергеев В.И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории. 1959. № 1; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.
102. История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 35. Ясак — подать коренного населения Сибири в пользу русской (российской) казны, которая уплачивалась в знак подданства. Существовали две формы ясака — окладной и неокладной. Окладной ясак — это подать, размер которой был постоянным, зафиксированным в окладных книгах. Неокладной ясак — неопределенный, «сколько возьмется», который обычно брали с населения, непрочно закрепленного в подданстве России. Ясачный взнос обычно состоял из ясака — обязательного платежа и «поминков» — добровольного взноса («поминки» государевы, воеводские, дьячьи). Ясак платили преимущественно пушнинаой, но были и иные виды уплаты ясака, в том числе денежная. См.: Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII веке // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 3; Шунков В.И. Ясачные люди Западной Сибири. XVII в. // Советская Азия. Кн. 3–4. М., 1930.
103. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731–1732 гг. Д. 12. Л. 52–52 об.
104. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 50–51.
105. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2... С. 29–39.
106. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 79–80; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России. XVII–XVIII вв. М., 1978. С. 20.

107. См.: Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII вв. // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1865. № 9. Серия общественных наук. Вып. 3. С. 80–88.
108. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 25–27.
109. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2... С. 30–35.
110. Златкин И.Я. История джунгарского ханства... С. 87.
111. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 117.
112. Там же. С. 138.
113. Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. С. 405–406.
114. Там же. С. 438–440.
115. Там же. С. 458–460.
116. Там же. С. 523–525.
117. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 86.
118. Сатлаев Ф.А. Этническая история алтайцев в средневековье // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993. С. 139.
119. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России... С. 17.
120. Русская историческая библиотека. Т. 8... С. 430–432.
121. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — начале XVIII века. Ч. 2... С. 13–15.
122. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731–1732 гг. Д. 12. Л. 152 об.
123. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2... С. 97.
124. Там же. С. 98. Тарскими татарами мы называем жителей волостей ясачных татар Тарского уезда, исключая население Барабинских волостей.
125. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — начале XVIII века. Ч. 2... С. 22–24.
126. Русская историческая библиотека. Т. 8... С. 617–619.
127. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731–1732 гг. Д. 12. Л. 152 об.
128. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3. 1656–1684. М., 1996. С. 140.
129. Там же. Т. 1... С. 167.
130. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 1 об.
131. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 50.
132. История Сибири. Т. 2... С. 50; см. также Очерки истории города Томска (1604–1954 гг.) Томск, 1954.
133. Козьмин Н.Н. Хакасы...; Бахрушин С.В. Енисейские кыргызы в XVII веке...; Абдыкалыков А. Енисейские кыргызы в XVII веке. (Исторический очерк). Автореферат диссертации на соискание

- ученой степени кандидата исторических наук. М., 1964; Копков К.Г. Присоединение Хакассии к России...; Арзыматов А. Из истории политических отношений енисейских кыргызов с Россией в XVII — первой половине XVIII века. Фрунзе, 1966.
134. Козьмин Н.Н. Хакасы...; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности...
 135. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 2... С. 69.
 136. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России...; Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
 137. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 28—32.
 138. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 31.
 139. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 81.
 140. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 30.
 141. Там же. С. 30.
 142. Там же. С. 30—32; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2... С. 566.
 143. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в... С. 58.
 144. Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 36.
 145. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — начале XVIII века. Ч. 2... С. 71—72.
 146. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 64—66.
 147. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 123.
 148. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 64—66.
 149. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 122—123.
 150. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 59.
 151. Там же. С. 60.
 152. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595—1736 гг. Д. 1. Л. 137—139.
 153. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1... С. 445—446.
 154. Архив Российской Академии Наук. (Далее — АРАН). Ф. Портфели Г.Ф. Миллера. Оп. 4. Кн. 17. Ед. хр. 54. Л. 69.
 155. Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 39—40.
 156. История Сибири. Т. 2... С. 36.
 157. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 34—35.

158. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 96.
159. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 37.
160. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 97.
161. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 92.
162. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 100.
163. Там же. С. 109.
164. Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 41.
165. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — начале XVIII века. Ч. 2... С. 72–73.
166. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 39–69.
167. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 107, 264.
168. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 75.
169. Там же. С. 18.
170. Златкин И.Я. История джунгарского ханства... С. 123.
171. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 114–117.
172. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 504; Русская историческая библиотека... С. 473–474.
173. РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 5. 1626 г. Д. 6. Л. 54 об.–55.
174. Там же. Ф. Портфели Г.Ф. Миллера. Портфель 477. Ч. 2. Д. 4. Л. 18–18 об.
175. Русская историческая библиотека... С. 473–474.
176. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 504–509; РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 5. 1626 г. Д. 8. Л. 1–4; Там же. Оп. 3. 1625 г. Д. 10. Л. 1.
177. Русская историческая библиотека... С. 474.
178. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 506–509.
179. Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 45–49.
180. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2... С. 96.
181. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в... С. 73.
182. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2... С. 347–351.
183. Русская историческая библиотека... С. 596–598.
184. Там же. С. 599–601.

185. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 107.
186. РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 5. 1630 г. Ст. 10. Л. 49–52.
187. Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 49.
188. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2... С. 355, 374; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 107; Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 168.
189. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 190–220.
190. Там же. С. 268.
191. Там же. Т. 2... С. 22–23.
192. Там же. Т. 1... С. 228.
193. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 98.
194. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 1... С. 228.
195. Там же. С. 248.
196. Там же. С. 248–267.
197. Там же. С. 279–280.
198. Там же. С. 285.
199. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 3 об.
200. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 107; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2... С. 439–440.
201. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 36–37, 47.
202. Там же. С. 50.
203. Там же. С. 48–49.
204. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 85–86.
205. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 265.
206. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 118.
207. Там же. С. 130–131.
208. РГАДА. Ф. Мунгальские дела. Оп. 1. 1638–1639 гг. Д. 1. Л. 154–155.
209. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 186–188.
210. РГАДА. Ф. Сибирские дела. Оп. 5. 1640–1641 гг. Д. 115. Л. 34–35.
211. Там же. Д. 455. Л. 257.
212. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 242.

213. Там же. С. 218.
214. Там же. С. 221.
215. Там же. С. 223–226.
216. Там же. С. 242.
217. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 107.
218. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 253.
219. Там же. С. 242.
220. Там же. С. 249–250; РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 12.
221. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 14–18.
222. Там же. Л. 25.
223. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 309.
224. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 4.
225. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 342.
226. Там же. С. 359.
227. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 131–132.
228. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 197.
229. Там же. С. 64–65.
230. Там же. С. 203–209.
231. Там же. С. 216.
232. Там же. С. 227.
233. Там же. С. 250–251.
234. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 2–2 об.
235. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 253–255.
236. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 24–25.
237. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 303.
238. Фишер И.Э. Сибирская история. СПб., 1774. С. 443; Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1840. С. 55.
239. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в... С. 66–69; РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 18.
240. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 22–23.
241. РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 5. 1636 г. Д. 252. Л. 161.

242. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 187.
243. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 1. Л. 510–510 об; РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 4.
244. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 252–253.
245. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 11.
246. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в... С. 75.
247. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 132–133, 135–140.
248. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 2 об.
249. Там же. Л. 3.
250. См.: Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 225–247.
251. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 140.
252. Там же. С. 210.
253. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1732 г. Д. 9. Л. 32–32 об.
254. Там же. 1731–1743 гг. Д. 12. Л. 153 об.
255. Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб., 1846. С. 379–380.
256. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 2... С. 380–386.
257. Там же. Т. 3... С. 25–28.
258. Там же. С. 28–33, 36.
259. Там же. С. 35, 43; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 266.
260. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 54–66.
261. Там же. С. 54–66.
262. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 71–72.
263. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 4 об.
264. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 111.
265. Там же. С. 111–112.
266. Там же. С. 111–113.
267. Там же. С. 113–114.
268. Там же. С. 113–115.
269. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 4 об.—5.
270. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. С. 177.
271. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 116–117.

272. Там же. С. 162.
273. Там же. С. 118.
274. Там же. С. 162.
275. РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 5. 1667 г. Стб. 802. Л. 81.
276. Там же. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 5.
277. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1... С. 144.
278. Там же. С. 147–148.
279. Там же. С. 152–153.
280. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 176–177.
281. Там же. С. 153–154.
282. Там же. С. 216.
283. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 5 об.
284. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Книга 1... С. 144–145.
285. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 184–187.
286. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Книга 1... С. 149.
287. Там же. С. 151–152.
288. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 216.
289. Там же. С. 210.
290. Там же. С. 215.
291. Там же. С. 218.
292. См.: Кычанов Г.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.
293. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 229–230.
294. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1... С. 157–158.
295. Там же. С. 157–158.
296. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 230–231.
297. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 5 об.
298. Там же. Ф. Мунгальские дела. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 110–119.
299. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1... С. 160, 176.
300. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 266.
301. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 6.

302. Там же. Ф. Сибирский приказ. Оп. 5. 1679 г. Стб. 709. Л. 126–127.
303. Там же. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 6–7.
304. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 345–346.
305. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1... С. 177; Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 361, 348.
306. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 164.
307. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 11.
308. Там же. Л. 7.
309. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 165.
310. Там же. С. 165.
311. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1... С. 177–178.
312. Бутанаев В.Я. Проблема угона енисейских кыргызов в Джунгарию и ее значение для этнодемографического развития хакасов // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 66; Об ойрато-халхасской войне 1688–1689 гг. см. в кн.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 159–183; Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX веков. М., 1983.
313. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1... С. 192.
314. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 12.
315. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 7 об.
316. О джунгаро-цинской войне 1690–1697 гг. см. в кн.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 183–211; Кычанов-Г.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.
317. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1... С. 192–218.
318. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 198.
319. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 1. Л. 134 об.–135; Там же. Д. 2. Л. 43 об.
320. Там же. Л. 47 об.–49.
321. Там же. Д. 1. Л. 135 об.
322. Там же. Д. 2. Л. 33, 36–36 об., 62–62 об., 50.
323. Там же. Л. 33 об.–34.
324. Там же. Д. 1. Л. 438 об.

325. Там же. Д. 2. Л. 50 об.
326. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 2... С. 145–160.
327. РГАДА. Ф. Зюногорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 10 об.
328. Фишер И.Э. Сибирская история... С. 443; Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1... С. 151.
329. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов Т. 3... С. 217.
330. РГАДА Ф. Зюногорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 7.
331. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 2... С. 180.
332. АРАН. Ф. Портфели Г.Ф. Миллера. Оп. 4. Кн. 18. Ед. хр. 167. Л. 310–311.
333. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т. 3... С. 345, 348.
334. РГАДА. Ф. Зюногорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 7.
335. Там же. Л. 11.
336. АРАН. Ф. Портфели Г.Ф. Миллера. Оп. 4. Кн. 18. Ед. хр. 167. Л. 380 об.–381.

Глава II.

Русско-джунгарское противоборство в Южной и Западной Сибири в первой половине XVIII в.

2.1. «Решение» проблемы енисейских кыргызов в русско-ойратских отношениях

К концу XVII в. роль енисейских кыргызов в дестабилизации политической обстановки в Южной Сибири, негативное влияние кыргызского фактора на общее состояние российско-ойратских отношений стали очевидны как для российской, так и для джунгарской стороны. По видению Москвы, эта проблема могла быть решена при помощи военных мер, и 11 августа 1700 г. в южносибирские города поступил указ Петра I «кыргызских людей смирить войною»¹. В то же время новый ойратский правитель Цэван-Рабдан, укрепляя ханство, в первые годы своего правления был заинтересован в налаживании мирных отношений со своими сильными соседями — Россией и Китаем. Он стремился (или, по крайней мере, демонстрировал стремление) убедить правительства России и Китая в своем миролюбии². Одним из его первых шагов в этом направлении была попытка урегулирования инцидентов в пограничной полосе, смежной с Россией. Цэван-Рабдан был серьезно обеспокоен враждебной политикой своих вассалов — кыргызских князцов по отношению к России. Военные походы кыргызов против русских уездов в 1700 г. и последовавший за ними указ Петра I «усмирить» кыргызов заставили центральную ханскую власть активно искать или, по меньшей мере, демонстрировать поиск дипломатических средств решения проблемы енисейских кыргызов. В январе 1701 г. в Москву через Тобольск

отбыл посол Цэван-Рабдана Абдул-Эркэ-зайсан. Этому предшествовало прибытие к «немирным кыргызам» представителей ханской ставки для выяснения обстоятельств и виновников имевших место конфликтов с Россией на Верхнем Енисее. В Москву через своего посла Цэван-Рабдан сообщал, что если виновность кыргызов в их антироссийских действиях будет установлена, то ойраты готовы выдать сибирским властям князца Корчина Еренякова³. Однако эти дипломатические шаги ойратов никаких положительных результатов не дали. Навстречу прибывшему в кыргызские улусы представителю Цэван-Рабдана нойону Кичику был отправлен для переговоров томский толмач Афанасий Кожевников. Ему была поставлена задача потребовать в ходе переговоров, чтобы ойраты «кыргызских князцов смирили» и велели им прислать аманатов в южносибирские города. Ойратский посол фактически отказался вести переговоры с А. Кожевниковым, сославшись на его незнатное происхождение⁴. В послании же, привезенном в Москву Абдул-Эркэ-зайсаном, оказались не мирные предложения, а старые территориальные претензии ойратов к России: в пограничных районах Сибири: «кыргыз-калмыков их великого государя сибирских городов воводы берут обманом и построили на их земле города и буде царского величества людей не унять впредь будут ссоры»⁵.

Такая двойственная политика Цэван-Рабдана по отношению к вопросу о енисейских кыргызах объясняется тем, что, с одной стороны, ойратские власти не хотели осложнять далее отношения с Россией, а с другой стороны, боялись озлобить против себя кыргызскую знать, в среде которой преобладали антироссийские настроения и, тем самым, утратить свое влияние на Верхнем Енисее.

Документы свидетельствуют, что, несмотря на обозначенные ойратской стороной дипломатические шаги, кыргызские князцы в начале XVIII в. продолжили враждебные действия против России. В 1701 г. только в Томском уезде на реке Яе кыргызами было убито 12 русских сборщиков ясака⁶.

Зимой 1701 г., в исполнение указа Петра I, из Томска в поход против енисейских кыргызов выступил отряд Семена Лаврова и Алексея Кругликова численностью 515 человек. Дойдя до верховьев реки Томь и оставив здесь основные силы, С. Лавров и А. Кругликов со 104 человеками на лыжах в сопровождении

проводника-кыргыза Тоячена Чинарова выступили в кыргызские кочевья. Во время этой экспедиции русскими было разгромлено более 70 кыргызских юрт, в стычках с русскими погибло более 50 кыргызов, в том числе брат покойного Ереняка Ишеева Тугал Березеков. В Томск был приведен кыргызский полон численностью 72 человека⁷.

Эти события заставили джунгарского правителя Цэван-Рабдана искать новые пути решения проблемы енисейских кыргызов. В этом отношении в числе первоочередных задач Цэван-Рабдан, как нам представляется, выделял следующие: во-первых, свести к минимуму вероятность непосредственного российско-ойратского военного столкновения из-за енисейских кыргызов и, по возможности, не допустить обострения отношений с Россией; во-вторых, постараться не допустить активного распространения российской колонизации на юг от Красноярска и полного перехода в российское подданство енисейских кыргызов и их присаянских кыштымов; в-третьих, в случае заключения договора с Россией относительно кыргызской проблемы, свести к минимуму уступки в пользу России и добиться юридического признания двоеданничества на Верхнем Енисее. Зная относительную слабость военных позиций России в Южной Сибири, Цэван-Рабдан не исключал в ходе дипломатических контактов с российской стороной использования военной угрозы, как рычага политического давления на Россию.

Для урегулирования кыргызской проблемы в конце 1701 г. в кыргызские улусы был направлен из урги наделенный дипломатическими полномочиями зайсан Арамжаб. Джунгарскому посланнику вменялось в обязанность заключение с воеводами договоров по решению вопроса о будущем кыргызов и их кыштымов с учетом перечисленных выше условий. В случае невозможности заключения договоров согласно джунгарскому плану зайсан должен был готовить переселение енисейских кыргызов и их кыштымов, которые еще не полностью вовлечены в орбиту российской политики, в Джунгарию. Ознакомившись с обстановкой в кыргызских улусах, зайсан Арамжаб направил своих представителей в Красноярск, Томск и Кузнецк с предложением к местным властям прислать к нему послов для урегулирования кыргызской проблемы. В ноябре 1702 г. посланец от Арамжаба ойрат Бытымэн прибыл в Кузнецк. Он передал

воеводе Борису Сиявину письмо от Цэван-Рабдана. В письме сообщалось, что присланный из урги в кыргызские улусы зайсан Арамжаб уполномочен выяснить обстоятельства похода кыргызов под Кузнецк в 1700 г., а для «подлинного свидетельства с кыргызы» этих обстоятельств хунтайджи просил прислать к Арамжабу из Кузнецка уполномоченных служилых людей. Из Кузнецка в кыргызские улусы были направлены казачий атаман Андрей Попов и подьячий Иван Прокофьев. Им была дана инструкция засвидетельствовать причиненный кыргызами Кузнецкому уезду в 1700 г. ущерб, потребовать его возмещения, а также возвращения в Кузнецк плененных кыргызами русских и «выезжих» телеутов. В случае невыполнения требований кузнецких властей послам было запрещено заключать мирный договор и обещать Арамжабу, что русские откажутся от применения военной силы против кыргызов. Прибыв в кыргызские кочевья, А. Попов и И. Прокофьев предъявили Арамжабу требования кузнецких властей. В ответ на это ойратский зайсан заявил, что взятый под Кузнецком скот вернуть кыргызы не могут, т.к. «который скот взяли, тот весь помер, а остальной съели», а русских и телеутских пленных Арамжаб предложил выкупить или обменять на содержащихся в Кузнецке пленных кыргызов. Кроме того, ойратский посланник, выполняя возложенное на него поручение — закрепить официально двоеданничество на юге Сибири, потребовал от российской стороны договорного согласия на сбор алмана с ясачных Кузнецкого уезда. В противном случае, по заявлению Арамжаба, Цэван-Рабдан повелел ему «с кыргызами под Кузнецкий город подступить войной». Не имея полномочий от воевод, русские посланцы заключили с Арамжабом и кыргызскими князцами договор, в котором закреплялось согласие российской стороны на сбор алмана с «выезжих» телеутов, а также с Тюлеберской, Боянской и Забийских волостей в размере пяти соболей с человека. В обмен на это, согласно договору, ойраты позволяли беспрепятственно собирать ясак в царскую казну с девяти волостей кыргызских кыштымов, «которые прежде неокладной ясак платили недособолями и хвостами малое число»⁸. О заключении этого договора Б. Сиявин сообщил в Москву, подчеркнув, что сам он его подписание не санкционировал и считает договор незаконным. Таким образом, договор с российской стороны в законную силу не вступил, и, соответственно,

кузнецкие власти в дальнейшей своей политике его не придерживались. Подобный договор, который также остался нереализованным в силу тех же обстоятельств, заключили с Арамжабом и Красноярские посланники.

В том же 1702 г. к Арамжабу из Кузнецка было послано еще одно посольство во главе с казачьим десятником Тимофеем Сорокиным, который потребовал от зайсана возвращения 97 плененных кыргызами выезжих телеутов. Арамжаб передал российской стороне 30 телеутских пленников, а за остальных потребовал выкуп⁹.

С предложениями ойратского правителя, аналогичными тем, которые получили кузнецкие власти, от Арамжаба в конце 1702 г. ойратские посланцы во главе с Батуранбо и кыргызом Ирккой Гордачи прибыли в Томск. В ответ на эту инициативу Джунгарии в январе 1703 г. в кыргызские улусы были направлены для переговоров с ойратским зайсаном Павел Петров и Иван Сеченов. Вернувшись в Томск, они сообщили, что Арамжаб, «выслушав у них кыргызские вины, розыску не учинил, отгонного скота и мягкой рухляди и грабленных пожитков не отдавал, и убийцев, которые побили томских, не смирил, и изменников ясашных людей не отдал и от мирного договору» на основе российских требований «вовсе отказал и говорил, чтоб ему в договоре им уступить кыргызским людям в ясашных Чулымских волостях ездить и на контайшу и на кыргызских князцов ясак собирать по пяти соболей с человека по-прежнему»¹⁰. Российские посланцы, сославшись на указ Петра I, отказались заключить договор с ойратами и кыргызами на основе условий, предложенных Арамжабом¹¹.

Таким образом, миссия зайсана Арамжаба закончилась неудачей — ойратскому посланнику не удалось навязать российским властям выгодные Цэван-Рабдану и кыргызским князцам условия договора. После этого Арамжаб, выполняя инструкцию, данную ему в урге, начал подготовку к переселению енисейских кыргызов и их кыштымов во внутренние районы Джунгарии. Как явствует из источников, далеко не все кыргызское население приветствовало эти намерения ойратов. Уже в марте 1703 г., по свидетельству атамана Федора Сорокина, собиравшего ясак в инородческих волостях, на Кондоме появились «беглые от контайши кыргызы с женами и детьми 25 человек»¹².

Для осуществления плана переселения енисейских кыргызов и их кыштымов в Джунгарию в июне 1703 г. в Кыргызскую землю Цэван-Рабдан отправил двухтысячное войско во главе с ойратскими зайсанами Духаром, Сандыком и Чинбилем. Кыргызские князцы (по крайней мере двое из числа наиболее влиятельных — Корчин Ереняков и Тангыт Таин-Иркин) знали о предстоящем переселении подведомственного им населения. Однако князцы не попытались оказать ойратам какого-либо сопротивления. Значительная часть населения кыргызских улусов была согнана ойратами в долину реки Абакан, в районе устья речки Аскыз. В сопровождении, точнее, под охраной ойратского войска кыргызы и часть их кыштымов из числа тех, кто не успел бежать и укрыться в горно-таежных районах, были отправлены через Мрасские и Кондомские волости и далее по территории Горного Алтая во внутренние районы Джунгарии¹³. Об угоне части кыргызов и их кыштымов со своих земель ойраты поставили в известность представителей сибирских властей. В частности, красноярским воеводам было письменно сообщено, что кыргызы и их кыштымы «взяты» для осуществления каких-то государственных мероприятий, и как только они «справятца», так их «на свои старые урочища отпустят»¹⁴. По свидетельству красноярских воевод, в 1703 г. во внутренние районы Джунгарии были угнаны в основном кыргызы, кочевавшие по рекам Белому и Черному Июсам и Абакану¹⁵.

Не следует преувеличивать масштабы переселения енисейских кыргызов в 1703 г. Первый этап его охватил далеко не все население кыргызских улусов. Выполняя указ Петра I об «усмирении» и подчинении енисейских кыргызов, томские воеводы в декабре 1703 г. направили в кыргызскую землю отряд служилых во главе с Михаилом Лавровым численностью 500 человек. Служилые выступили в поход «на лошадях и с пушки и со всей полковой службой». Отряд Лаврова обнаружил большое кочевье кыргызов, а также живущих совместно с ними беглых ясачных в урочищах на реке Базыре и вступил в бой. В ходе этого боя служилые разорили более 50-ти кыргызских юрт, было убито 26 воинов-кыргызов, взято в плен 144 человека. На обратном пути служилые были настигнуты кыргызами во главе с Абышта-ном Басаргаевым. Вновь завязался бой, в котором кыргызский отряд был фактически полностью уничтожен¹⁶. Между прочим,

Абыштан Басаргаев ранее «выехал из кыргыз служить великому государю», а затем, подговорив часть ясачных, бежал вместе с ними в кыргызские улусы. Хорошо зная Томский уезд, Абыштан Басаргаев со своим двоюродным братом Кашкой Улугичкиным в 1703—1704 гг. неоднократно «со многими кыргызскими людьми... приходил войной в Томский уезд на реки Чулым и Яю и многих русских людей и ясашных татар побивали досмерти и надругались всячески, груди вспарывали и на деревья вверх ногами вывешивали, и дворы их, и татарские юрты поджигали, лошадей и всякий скот отгоняли. Да он же, Абыштан, с братом своим... в Кыргызской землице томских посланцев отставного подьячного Ивана Нестерова да татарского толмача Афанасия Кожевникова... побили и животы их пограбили. Да он же, Абыштан, с кыргызскими людьми приходил войной в Кузнецкий острог». В связи с этими событиями томские власти в марте 1704 г. организовали новый поход служилых против кыргызов. Возглавил служилых опытный командир Осип Качанов. В результате военных действий «в разных местах» было побито «до смерти» 130 человек кыргызов, «в полон взяли мужеска полу и женска 237 человек», в том числе был схвачен и Абыштан Басаргаев, который после его доставки в Томск «в роспросе во всем винился и за такое его многое воровство и за измену по указу великого государя в Томске казнен смертию»¹⁷.

В мае 1704 г., со слов ясачного Казычака Учакова, кузнецким властям стало известно, что кыргызы разоряют Кондомские волости, куда в срочном порядке была направлена военная команда численностью 250 человек во главе с Дмитрием Федоровым и Федором Сорокиным. Кыргызы были настигнуты в междуречье Мрассу и Кондомы; в результате русские уничтожили 38 кыргызских юрт, перебили 78 и взяли в плен 95 человек из числа енисейских кыргызов. Кроме того, служилыми были захвачены трофеи: 15 пицалей, 84 лука, 150 лошадей и 110 голов крупного рогатого скота¹⁸. В августе того же года ясачный татарин Азкыштымской волости Митрий Енбалыков сообщил в Кузнецк, что на речках Ур и Каспа находятся вооруженные кыргызы, для их разгрома были посланы служилые во главе с Яковом Милюковым. Сообщение Енбалакова оказалось достоверным, кыргызы были разбиты, пленные из их числа в Кузнецке под пытками сообщили, что направлялись в Томский уезд и «хотели воевать деревню Щегловую»¹⁹.

В 1705–1706 гг. российские власти продолжали политику «усмирения» енисейских кыргызов. Так, в 1705 г. отряд Саввы Цыцулина «побил досмерти» 43 человека кыргызов, «да в полон взяли мужеска и женска полу 67 человек»²⁰. В 1706 г. Осип Качанов с казаками на озере Белом разбил 31 кыргызскую юрту, уничтожил «кыргызских воинских людей» 29 человек, «в полон взяли 72 человека»²¹.

После этих событий Цэван-Рабдану стало окончательно ясно, что ойратам не удастся остановить процесс полного подчинения Кыргызской земли русскими и сохранить свое влияние на Верхнем Енисее. Джунгарские власти приняли решение угнать в свои кочевья оставшихся кыргызов и их кыштымов. В 1706 г. состоялось еще одно крупное переселение енисейских кыргызов во внутренние районы Джунгарии²².

Относительно масштабов угона енисейских кыргызов со своих кочевий среди специалистов существуют различные точки зрения. Так, по мнению И.Я. Златкина, ойраты увели с Верхнего Енисея все подвластные им кыргызские улусы²³. Н. Козьмин и А. Абдыкалыков полагали, что переселение в Джунгарию коснулось лишь представителей кыргызской знати²⁴. По мнению Л.П. Потапова, в Джунгарию было уведено свыше шести тысяч человек из числа кыргызов и их кыштымов²⁵. По подсчетам Б.О. Долгих, переселению подверглись в 1703 г. от четырех до пяти тысяч человек²⁶. По оценкам В.Я. Бутанаева, со своих кочевий было угнано порядка 15 тысяч кыргызов и их кыштымов²⁷. По нашим подсчетам к началу XVIII в. численность енисейских кыргызов составляла приблизительно 12–15 тысяч человек. После увода кыргызов в Джунгарию в Кыргызской земле осталось не более 300 «луков» из числа тубинцев, а также кыргызских кыштымов — мадов и комбальцев²⁸. Таким образом, данные В.Я. Бутанаева нам представляются вполне достоверными. Однако следует учитывать, что часть кыргызов была угнана в Джунгарию в 1703 г., а часть — в 1706 г. Данные, приводимые Л.П. Потаповым и Б.О. Долгих, также можно принять, если относить их только к событиям 1703 г.

По указанию Цэван-Рабдана, енисейские кыргызы получили новые кочевья на реке Чу, на границе с кочевьями казахов²⁹. Русский посланник к ойратскому правителю И. Унковский бывший в Джунгарии в 1722–1723 гг., называл среди подданных

хунтайджи кыргыз-калмыков³⁰. В бывшие кочевья кыргызов на Верхнем Енисее переселилось ясачное население Белтирской и Сагайской волостей, которое ранее проживало «смежно» с кыргызами и имело общие с ними промысловые угодья³¹. В Джунгарии кыргызы составили особый оток, управляемый четырьмя зайсанами под контролем ойратского правителя³². С 1703 г. енисейские кыргызы привлекались к охране джунгарской урги³³.

По поводу причин угона кыргызов во внутренние районы Джунгарии у исследователей существуют различные точки зрения. Так, по мнению П.А. Словцова, енисейские кыргызы ушли в Джунгарию по собственной инициативе, чтобы не оказаться стиснутыми между волнами русской колонизации и цинской агрессии³⁴. Сговор между ойратской и кыргызской знатью, действительно, имел место, но с тем, что все население кыргызских улусов было единодушно в стремлении перекочевать в Джунгарию, согласиться нельзя — тогда не совсем ясен смысл сопровождения кыргызов двухтысячным ойратским конвоем. Можно сослаться на опасения попыток русских властей воспрепятствовать угону кыргызов, однако известны неоднократные случаи бегства кыргызов в свои родовые кочевья как во время следования в Джунгарию, так и непосредственно после прихода на новые кочевья³⁵. Л.П. Потапов полагает, что «подлинной причиной этого переселения был сговор джунгарского хана и киргизских князей», которые, убедившись в бесплодности борьбы с русскими, решили перебраться в Джунгарию, причем, инициатива переселения исходила от кыргызских князцов³⁶. Кроме того, как полагает Л.П. Потапов, Цэван-Рабдану «было выгоднее и удобнее переселить киргизов в Джунгарию, где можно было безнаказанно эксплуатировать и обирать рядовых кочевников»³⁷. По мнению И.Я. Златкина, енисейские кыргызы были уведены ойратами в Джунгарию с целью устранить одну из возможных причин русско-джунгарских противоречий³⁸. Как считает Ш.Б. Чимитдоржиев, основной причиной ухода кыргызов была неудачная военная борьба с русскими, имевшая целью воспрепятствовать их продвижению в земли кыргызов и их кыштымов³⁹. По мнению В.Я. Бутанаева, причиной угона кыргызов в Джунгарию явилась военная угроза последней со стороны Китая и России — хану понадобилась военная помощь и трудовые резервы кыштымов⁴⁰.

В.А. Моисеев видит причину переселения енисейских кыргызов в район Чу-Таласского междуречья в нежелании Цэван-Рабдана преждевременно обострять отношения с Россией⁴¹.

Сами ойраты объясняли российской стороне причину угона кыргызов по-разному. Так, в письме красноярским воеводам сразу после увода первой партии кыргызов в 1703 г. они сообщали, что кыргызы «взяты» для осуществления каких-то государственных дел⁴². В другом сообщении 1703 г. они утверждали, что угнали кыргызов, «чтоб кыргызы от него контайши не отложились» к Цинам⁴³. В 1707 г. джунгарские подданные говорили русским представителям, что кыргызы были «взяты в ургу для осторожности» от тьяншаньских киргизов, т.е. для несения военной службы при ставке хана⁴⁴. В 1719 г. ойратский правитель заявил русскому посланнику И. Чередову, что от русских «кыргызам стало жить невозможно, и он взял их к себе, а ту землю оставил пусту»⁴⁵. Позже, в 1721 г., ойратский посол Борокурган заявил в Санкт-Петербурге, что джунгары переселили енисейских кыргызов, «не желая дать причины всяким ссорам» с Россией⁴⁶.

На наш взгляд, мнение о том, что инициатива переселения енисейских кыргызов в Джунгарию исходила от кыргызских князцов, а не от ойратов, не совсем убедительно. Во-первых, переселившись во внутренние районы Джунгарии, кыргызская знать полностью теряла свою самостоятельность. Борясь на протяжении всего XVII в. за сохранение хотя бы относительной независимости от своих более сильных соседей, кыргызские князцы вряд ли бы проявили инициативу ее терять, что в принципе и произошло. Тезис о том, что к этому их подтолкнули военные походы русских также малоубедителен — кыргызы в конце XVII — начале XVIII вв. вели ожесточенную вооруженную борьбу с Россией, отлично понимая, что русские власти будут всегда адекватно отвечать на кыргызские набеги. К началу XVIII в. Россия так и не смогла полностью переломить положение на Верхнем Енисее в свою пользу в этой борьбе. Осуществление петровского указа об «усмирении» кыргызов, как видно, только обострило обстановку и в большей мере обеспокоило ойратского правителя, чем самих кыргызских князцов. Во-вторых, перекочевав в Джунгарию, кыргызская знать фактически потеряла возможность эксплуатации основной массы своих кыш-

тымов — сагайцев, белтирцев, мадов, качинцев, байкотовцев и т.д. Именно за право грабить эти этнические группы, проживавшие на Верхнем Енисее, кыргызы вели на протяжении столетия непримиримую борьбу с русскими. Вряд ли кыргызская знать добровольно отказалась от основного источника своего обогащения. Инициатива переселения енисейских кыргызов в Чу-Таласское междуречье исходила от джунгарского хана и была поддержана кыргызской знатью скорее только под давлением со стороны ойратов. О массовом недовольстве кыргызов угоном с родовых кочевий свидетельствует то, что только в 1704–1707 гг. от ойратов бежало до полутора тысяч кыргызов. Такой массовый исход не мог происходить без участия в нем представителей кыргызской знати.

Нам представляется, что причины угона енисейских кыргызов во внутренние районы Джунгарии следует рассматривать в комплексе. Во-первых, вследствие активизации российской колонизации Верхнего Енисея в начале XVIII в., а также присоединения Халхи к Цинской империи и усиления цинской агрессии в Центральной Азии, Цэван-Рабдан, действительно, опасался потерять в лице кыргызов плательщиков алмана и хороших воинов.

Во-вторых, кыргызы, являясь прямыми кыштымами ойратов, проводили агрессивную политику по отношению к России; русские власти справедливо возлагали ответственность за враждебные действия кыргызов на джунгарского хана. Цэван-Рабдан опасался обострения отношений между Россией и Джунгарией, возникновения на почве этой проблемы вооруженных конфликтов с Россией. Кроме того, под угрозой цинской агрессии, он нуждался в налаживании союзных отношений с Россией или, по крайней мере, ее нейтралитете, этому могла помешать агрессивная политика кыргызов на Верхнем Енисее.

В-третьих, нуждаясь в укреплении западных рубежей ханства, он переселил кыргызов на границу с казахами и заставил нести караульную службу по ее охране.

В-четвертых, кыргызы своей агрессивной политикой мешали джунгарскому хану сохранить свое влияние в Южной Сибири путем урегулирования спорных вопросов с Россией и официального установления статуса двоеданничества для целого ряда этнических групп, населявших этот обширный регион.

Наконец, в-пятых, следует учитывать тяжелое положение Джунгарского ханства после поражения Галдана в войне с Цинской империей. Ханство потеряло обширные пастбищные угодья по восточным склонам Монгольского Алтая и в долине реки Кобдо, а также значительное количество скота, как основы благосостояния кочевого общества⁴⁷. Однако главным бедствием для Джунгарии было то, что война с Цинами поглотила огромные людские ресурсы. К началу своего правления Цэван-Рабдан имел в своем распоряжении весьма ограниченное количество населения своих владений, прежде всего воинов, как главного богатства любого кочевого правителя. Поэтому он предпринял ряд акций, направленных на восстановление численности населения Джунгарии. В 1700 г. в Джунгарское ханство прикочевали более 10 тысяч хошоутов из Кукунора⁴⁸. Тогда же Цэван-Рабдан восстановил власть ойратов над Восточным Туркестаном⁴⁹, переселив при этом в долину Или несколько тысяч «бухарцев»-земледельцев⁵⁰. В 1701 г. из Калмыкии к Цэван-Рабдану бежал с 15–20 тысячами семей сын калмыцкого хана Аюки Санжип. Пришедшие калмыки-торгоуты были расселены на юго-востоке Джунгарии, а Санжипа хунтайджи отправил обратно на Волгу⁵¹. Во втором десятилетии XVIII в. ойратами были уведены со своих кочевий приобские телеуты⁵². А.П. Уманский и Г.П. Самаев пришли к выводу о насильственном переселении телеутов из степных районов Алтая, однако, по мнению А.П.-Уманского, «дело ограничилось перемещением телеутов из Приобья в горы Алтая»⁵³. Г.П. Самаев полагает, что основная масса населения «Телеутской земли» была уведена во внутренние районы Джунгарии⁵⁴. На наш взгляд, не может быть сомнения в том, что во втором десятилетии XVIII в. телеуты навсегда покинули свои старые кочевья, но дальнейшая судьба отдельных телеутских группировок была разной. Часть приобских телеутов к 1721 г. переселилась в Горный Алтай, причем русские документы ясно отличают эту телеутскую группировку от тау-телеутов⁵⁵. Некоторым немногочисленным представителям телеутского этноса, не желавшим быть угнанными в Джунгарию, удалось бежать в Барабу, где они влились в состав Барабинской волости⁵⁶. Однако мы согласны с тезисом Г.П. Самаева об уводе большей части телеутов в Джунгарию. Об этом свидетельствуют в своих записях о пребывании в ойратской урге русские посланцы И. Че-

редов и И. Унковский⁵⁷. Причем Иван Унковский указал в своем дневнике, что переселением телеутов в Джунгарию Цэван-Рабдан «умножил свои войска». Как видим, джунгарский правитель проводил в первой четверти XVIII в. целенаправленную политику восполнения утраченных людских ресурсов ханства. Таким образом, нам представляется, что переселение енисейских кыргызов в Джунгарию следует рассматривать в одном ряду с переселением части хошоутов, торгоутов, «бухарцев» и телеутов. Одной из важнейших целей этих акций было увеличение численности населения Джунгарского ханства, расширение базы для формирования ханского войска.

Таковы в целом, на наш взгляд, причины угона енисейских кыргызов с Верхнего Енисея в район Чу-Таласского междуречья. Таким образом, конфликт между Россией и Джунгарией в бассейне Верхнего Енисея был ликвидирован. Его решение оказалось вполне паритетным — население «Кыргызской земли» в значительной мере перешло в подданство Джунгарии, а территория, которую ранее занимали кыргызы, окончательно вошла в состав России. После событий 1703–1706 гг. енисейские кыргызы утратили свое значение важного фактора в русско-ойратских отношениях. Правда, вплоть до прекращения существования Джунгарского ханства кыргызы продолжали фигурировать в «реестрах вин» и претензиях той и другой стороны практически на всех российско-джунгарских переговорах различных уровней. Но это уже были лишь отголоски прежнего значения кыргызской проблемы во взаимоотношениях России и Ойратского государства.

2.2. Региональные особенности двоеданничества и двоеподданства в Сибири

Сложившаяся в XVII в. в Южной и Западной Сибири система двоеданничества и двоеподданства имела свои особенности в каждом отдельном районе ее распространения. В данном разделе предпринята попытка раскрыть особенности двоеданничества у различных этнических групп Южной и Западной Сибири.

Как явствует из источников, общее число плательщиков ясака в российскую казну в Барабинских волостях по данным на 1721 г. составило 251 человек и увеличилось по сравнению с

1634 г. на 89 ясачных. Однако рост числа ясакоплательщиков произошел в основном не за счет естественного прироста населения, а за счет появления в составе Барабинских волостей ясачных телеутов и орчаков, а также новой Карагалинской волости — всего 81 человек. В традиционных шести Барабинских волостях число ясакоплательщиков за этот период возросло лишь на 8 человек, причем увеличилось количество ясачных в Чоинской, Теренинской и Турашской волостях, а уменьшилось — в Любинской и Тунусской. В Барабинской волости рост ясакоплательщиков наблюдался за счет живущих здесь телеутов и орчаков, однако, число податных из собственно татар Барабинской волости сократилось на 6 человек. Ясачные Барабинских волостей платили в 1721 г. ясак в российскую казну на сумму 496 рублей 50 копеек, т.е. в среднем 1 рубль 98 копеек с одного плательщика ясака. Наиболее легкий ясак в первой четверти XVIII в. в Россию платили телеуты и орчаки Барабинской волости — в среднем по 72 копейки с человека. Наибольшим ясаком были обложены любинцы — 5 рублей 23 копейки с одного ясачного, т.е. их размер ясака на одного человека был в 7 раз больше телеутско-орчаковского ясака и в 2,5 раза больше среднего ясака по всей Барабе⁵⁸. Незначительный размер ясака, собираемого русскими с телеутов и орчаков, объясняется тем, что эти группы были «приведены в ясак» недавно, и власти таким образом старались «не ожесточить» телеутов и орчаков, прикочевавших в Барабу, и не оттолкнуть их от российского подданства.

К середине XVIII в. в Барабинской низменности наблюдался значительный прирост населения, облагаемого ясаком, он составил 309 человек. Прирост ясачного населения произошел во всех Барабинских волостях. К тому же российская администрация пересмотрела свою ясачную политику в Барабе, более равномерно разверстав ясак по волостям и значительно снизив размер ясака в расчете на одного плательщика. Общее количество ясачного населения в Барабе к 1745 г. составило 560 человек. Барабинцы теперь должны были выплачивать ясак на общую сумму 411 рублей 5 копеек, т.е. в среднем по 73,4 копейки с одного ясакоплательщика. Наименьший ясак платили турашцы — по 67,4 копейки с человека, наибольший — теренинцы — по 84,7 копейки⁵⁹. Российские власти решились на снижение ясачных сборов с барабинских татар после того, как в Санкт-Петербурге

стало известно, что «от Барабинских волостей... контайша берет... алман самый легкий, только для славы... и более они, барабинцы, доброжелательны ему», чем российским властям⁶⁰.

Относительно величины алмана, собираемого в Барабе, в 1720 г. у Ямышевского озера ойраты заявили командиру русского отряда И. Лихареву, что «барабинцы ясак платят в обе стороны, им дают по пять, а в Россию и меньше, токмо по три соболя»⁶¹. Однако это заявление не отражало реального положения: во-первых, барабинцы никогда и никому соболями подати не платили, а во-вторых, размер алмана, собираемого джунгарами в Барабинских волостях, был небольшим. Ойратскими податями в Барабе было обложено в первой половине XVIII в. 233 человека. Они должны были уплачивать алман на общую сумму 116 рублей 50 копеек, т.е. в среднем по 50 копеек с одного плательщика, и, кроме того, содержать алманных сборщиков на общую сумму 25 рублей 90 копеек — в среднем по 11,1 копейки с человека. Таким образом, общая сумма джунгарских податей с Барабинских волостей составляла 142 рубля 40 копеек — в среднем по 61,1 копейки с алманоплательщика. Размер алмана был одинаковым для всех, обязанных его платить, а вот на содержание сборщиков податей барабинцы должны были тратить от 6 копеек с человека в Тунусской волости до 24 копеек с человека в Любинской волости. Теренинцы и Карагалинцы не были обязаны содержать сборщиков алмана. Таким образом, средний размер податей на джунгарского хана в Барабе колебался от 50 копеек с плательщика в Теренинской и Карагалинской волостях до 74 копеек с человека в Любинской волости. Сумма, выделяемая на содержание сборщиков алмана, складывалась из стоимости продовольствия в виде ячменя (от 4 до 8 пудов с волости) и шкурок выдры для командира ойратского отряда. Если ясак в российскую казну барабинцы в первой половине XVIII в. вносили шкурками «разного зверя», то алман джунгарскому хану платили преимущественно шкурками горностая и кошлыка (молодого бобра)⁶².

Таким образом, размеры российского ясака и джунгарского алмана на душу облагаемого населения в Барабе к середине XVIII в. были вполне сопоставимы, хотя алман, собираемый в данном районе, в абсолютном денежном выражении был значительно меньше ясака. Алман «на контайшу» платили только

потомки тех барабинцев, которые в 1630 г. бежали к ойратам, а затем были выданы Батуром-хунтайджи русским властям, поэтому есть все основания называть двоеданцами лишь часть населения Барабы, приблизительно 41,6 % от всех барабинских татар, т.е. менее половины. В отличие от ойратов, которые собирали алман с каждого конкретного двоеданца, русские власти, по указу Петра I от 1701 г., собирали в Барабинских волостях ясак «с каждой волости по окладу суммою, а не с каждого человека»⁶³. Как видно, в совокупности, в среднем каждый взрослый мужчина-двоеданец должен был платить в Россию и Джунгарию 1 рубль 35 копеек, т.е. относительно незначительную сумму. Ясно, однако, что основная доля уплаты податей ложилась на плечи рядовых улусных людей, этот фактор следует учитывать, рассматривая все среднестатистические данные об ясачных и алманных выплатах. Кроме того, незначительный размер алмана еще не говорит о том, что барабинцы с радостью принимали алманщиков в своих волостях. Если русские власти в XVIII в. свели к минимуму злоупотребления тарских ясатчиков в Барабе, то этого нельзя сказать об ойратах, которые часто совмещали сбор податей с насилием и грабежами местного населения. Так, по свидетельству барабинцев, командир сборщиков алмана зайсан Коокен-Батыр, кроме установленных податей, забрал у них лично для себя всех хороших лошадей. Барабинцы подали жалобу в ханскую ургу, но ойраты, прибывшие в Барабу «для сыску того разорителя», сами учинили разгром и грабежи в жилищах барабинцев. На вопросы русских представителей по поводу того, что будет, если барабинские татары откажутся платить алман джунгарам, ясачные отвечали, что за это ойраты «их, барабинцев, могут разорить»⁶⁴.

В 30-е — 40-е гг. XVIII в. вопрос о возможности ограждения барабинских татар от алманных выплат в пользу джунгарского хана обсуждался Сибирской губернской канцелярией и Коллегией иностранных дел России. Высказывая свои соображения, сибирский губернатор писал в Санкт-Петербург, что необходимо провести официальное разграничение российских и джунгарских владений, причем границу «надо учинить, чтоб контайша с Барабинских волостей ясаку не брал», т.к. эти волости находятся на правом берегу Иртыша, внутри Сибири (здесь губернатор исходил из тезиса, что после покорения Сибирского ханства все

сибирские земли по правую сторону Иртыша вошли в состав России — О.Б.), «и контайша стал ясак брать силою». В то же время губернатор отмечал, что если «ему ныне запретить в том ясаку, то ждать от него войны, понеже они берут алман хотя и насильно, но издавна»⁶⁵. Сибирский губернатор запрашивал центральные власти: следует ли впредь позволять ойратам собирать алман с Барабинских волостей. Он высказал опасение, что «ежели до разграничения земель в том воспретить», то ойраты могут начать военные действия против России, а в Сибири российских войск явно недостаточно для отражения возможной джунгарской агрессии, «и ежели сейчас запретить собирать алман, то необходимо усилить войска в Сибири»⁶⁶. К слову, по приблизительным подсчетам, к 1744 г. во всей Сибири находилось около 12 тысяч регулярных и иррегулярных войск⁶⁷. В ответ сибирские власти получили указ Коллегии иностранных дел, в котором, в частности, говорилось: «Для удержания зенгорского владельца от противных поступков впредь до совершенного с ним договора о границах в Барабинских волостях, в которых издавна берется в российскую казну ясак, а на него, зенгорского владельца, алман, ему запрещенія не чинить»⁶⁸.

Согласие России на двоеданническое положение барабинцев, однако, не означало, что русские власти впредь будут позволять ойратам хозяйничать в Барабе. В 1745 г. по указу Коллегии иностранных дел джунгарам было запрещено проезжать дальше российских иртышских крепостей, в том числе и для сбора алмана с барабинских татар. Однако уже летом 1746 г. командующему на сибирских оборонительных линиях генерал-майору Киндерману из сообщений барабинцев стало известно, что 20 ойратских алманщиков в 1745 г. проникли в Барабу под видом купцов и, собирая подати, находились здесь до весны 1746 г. Об этом командующий доложил в своем рапорте в Коллегию иностранных дел. Генерал-майор Киндерман просил у центральных властей разрешить барабинцам доставлять алман в Ямышевскую крепость, где они бы передавали его представителям ханской урги, или же разверстать количество алмана, который платили барабинцы, на двоеданцев Томского и Кузнецкого уездов. Коллегия иностранных дел поставила в известность о доношении и предложениях командующего Правительствующий Сенат, предлагая дать указание сибирскому губернатору, «дабы не вызвать» у ойратов «недоволь-

ство», заключить официальный договор с Джунгарией о переводе уплаты барабинцами алмана в Ямышевскую крепость. По поводу второго предложения командующего в Коллегии иностранных дел выразили опасение, что если кузнецкие и томские двоеданцы «за обе стороны подати свои зенгорцам отдадут, а в российскую сторону ничего уже платить не будут, то со временем зенгорцы потому и вовсе ими завладеют, и не как двоеданцев, но как своих подданных признавать могут». Однако никаких распоряжений по поводу Барабинских волостей генерал-майор Киндерман в 1747–1748 гг. из Петербурга не получил. Весной 1748 г. комендант Ямышевской крепости полковник Павлуцкий доложил командующему, что к нему поступил приказ начальника Кольвано-Воскресенских заводов генерал-майора Беэра не пропускать больше алманчиков в Барабу. Киндерман потребовал от Беэра уведомления, на основании каких распоряжений последний отдал такой приказ. Беэр ответил, что действует согласно указа императрицы от 1 мая 1747 г., в четвертом пункте которого говорилось об исключительном запрете ойратским подданным ездить через территорию Кольвано-Воскресенских заводов, где обычно проходил путь алманчиков в Барабу. Об этом Киндерман доложил в Петербург. Из столицы пришло распоряжение начать строительство военных укреплений на Змеиной горе и Шульбинском заводе для защиты горного округа и задержания ойратов, пытавшихся проникнуть в российские пределы, но строительство этих укреплений затянулось из-за «неприбытия военных команд». Поэтому в 1749 г. Киндерман просил у Коллегии иностранных дел разрешения пропустить ойратских алманских сборщиков в Барабу, чтобы «от непропуска не подать повода к ссоре» и сообщил, что он уже отправил распоряжение в Ямышевскую крепость полковнику Павлуцкому в нынешнем году проезду алманчиков в Барабу «по-прежнему не воспрепятствовать»⁶⁹.

В связи с осложнением внутренней обстановки в Джунгарии⁷⁰, в 1751 г. ойраты не пытались собрать подати в Барабе, но в сентябре 1753 г. в Семипалатинскую крепость вновь прибыли алманчики, следовавшие для сбора податей с барабинских татар. Они предъявили русским властям письменное свидетельство о своих полномочиях на алманский сбор в Барабе, скрепленное печатью хана и сообщили, что в урге им приказано ехать

в Барабинские волости окольными путями, минуя российские оборонительные крепости. Вскоре эта информация стала известна в Петербурге⁷¹. Вновь по вопросу о сборе ойратами податей с барабинцев завязалась переписка между сибирскими и оренбургскими властями и Коллегией иностранных дел. Так, оренбургский губернатор И.И. Неплюев в письме в Коллегию иностранных дел сообщал свои соображения, что ойратов-алманщиков в Барабу пропускать не следует, т.к. сбор алмана с барабинцев дает повод джунгарам для территориальных претензий, «зенгорского владельца» следует «пристойным образом во чтобы-то ни стало отвадить от Барабы»⁷². Иная точка зрения на барабинскую проблему была у сибирского губернатора генерал-лейтенанта В.В. Мятлева. На запрос Коллегии иностранных дел он летом 1754 г. отвечал, что в случае возникновения вооруженного конфликта с Джунгарией российских военных сил в Сибири для отражения возможной агрессии недостаточно, а т.к. количество алмана, собираемого с барабинцев, невелико, то алманщиков можно пропускать в Барабу — необходимо только предварительно заключить с ойратами договор, чтобы сборщиков алмана было немного, и они, собрав алман, сразу возвращались в Джунгарию⁷³. Однако вскоре решение проблемы барабинских двоedanцев определено изменением всей военно-политической ситуации в Центральной Азии.

В Томском уезде в числе двоedanческих к началу XVIII в. были Мелеская (154 человека из числа плативших подати), Кизильская (40 человек), Ачинская (41 человек), Басагарская (42 человека), Комларская (12 человек) и Шуская (20 человек) волости. Таким образом, в Томском уезде насчитывалось в общей сложности 309 двоedanцев⁷⁴. Алман «на контайшу» в этих волостях собирал кыргызский князец Корчин Ереняков. Подати кыргызы брали «силком с каждого человека по пяти соболей на год, а у которых соболей в улове не явится, брали лошадыми и платьем, котлами и топорами, и всяческими иноземскими припасы»⁷⁵. После того, как большая часть енисейских кыргызов в 1703–1706 гг. была угнана во внутренние районы Джунгарии, а территория двоedanческих волостей Томского уезда была закрыта новыми русскими укреплениями, с томских двоedanцев «на контайшу в сборе алмана не сбирано, призорения никакого тем ясачным людям не чинили, а в казну ея императорского

величества поминок и ясак платят оных волостей ясачные люди волостями против прежнего положенного оклада, а не с каждого человека по разну для того, что в Томску поминок и ясак собирается с каждой волости окладной, а не поголовно»⁷⁶. В общей сложности шесть волостей томских двоеданцев выплачивали в первой половине XVIII в. в российскую казну ясак на сумму 457 рублей. Размер ясака на одного плательщика колебался от 1 рубля 27 копеек в Шусской волости до 1 рубля 54 копеек в Комларской волости и составлял в среднем 1 рубль 48 копеек с человека⁷⁷. Как видно из приведенных цифр, это значительно меньше, чем стоимость джунгарского алмана с этих же волостей (пять соболей с человека). Однако в силу изменившейся военно-политической обстановки (после 1706 г.), с двоеданничеством в Томском уезде было покончено. Бывшие двоеданцы стали платить подати исключительно в Россию, что не могло не сказаться на материальном положении этих ясачных.

Улучшение положения двоеданцев Красноярского уезда в начале XVIII в. было обусловлено изменением военно-политической обстановки в Халхе⁷⁸ и уходом из бассейна Верхнего Енисея енисейских кыргызов с частью своих кыштымов⁷⁹. Переселение ойратами воинственных кыргызов ускорило процесс русского продвижения в верховья Енисея. Еще до ухода кыргызов в Джунгарию на рубеже с Алтызарским улусом был основан Караульный острог. В 1707 г. томскими и красноярскими служилыми людьми в Кыргызской земле был построен Абаканский острог. В 1709 г. служилые в 120-ти верстах к югу от Абаканского острога заложили Саянский острог⁸⁰. С постройкой двух последних острогов в регионе стало сравнительно безопасно, грабежи и нападения кыргызов отошли в область преданий. Кочевавшие смежно с кыргызами двоеданцы воспользовались освобождением кыргызских кочевий и стали расселяться в Кыргызской земле. В кочевья Алтырского улуса переселились белтирцы и сагайцы⁸¹. Качинцы заняли земли Алтызарского и Езерского улусов, Тубинскую землю заселили комбальцы⁸². В первой половине XVIII в. на положении русско-ойратских двоеданцев из числа волостей бассейна Верхнего Енисея остались белтирцы, которые обитали по реке Абакан и его притоку Таштып, мады, жившие в междуречье Таштыпа и Мрассу, и комбальцы, которые кочевали по реке Оне и вблизи Саянского острога. Источники сообщают, что, несмотря на двоеданческое

положение, все эти небольшие этнические группы были «более в российском подданстве». Сагайцы, комбальцы, жившие по реке Тубе, качинцы, а также мады, кочевавшие в вершинах Тубы, ойратам после 1706 г. алман не платили. Белтирцы, сагайцы и мады междуречья Таштыпа и Мрассу в первой половине XVIII в. платили ясак в Кузнецк, а с качинцев, комбальцев и верхнетубинских мадов ясак собирали красноярские власти. Количество ясакоплательщиков из числа упомянутых этнических групп составляло 218 человек, в том числе таштыпских белтирцев — 50 человек, сагайцев — 80 человек, комбальцев — 68 человек, верхнетубинских мадов — 20 человек⁸³.

В 30-е гг. XVIII в. ойраты еще заявляли русским властям протесты по поводу того, что красноярские власти не позволяют им собирать алман с бывших кыргызских кыштымов, однако к середине XVIII столетия джунгарское влияние в бассейне Верхнего Енисея упало настолько, что алманные сборы с двоеданцев — белтирцев, комбальцев и мадов стали эпизодическими⁸⁴.

Все же постепенное устранение джунгарского влияния на Верхнем Енисее в первой половине XVIII в. не сняло полностью проблему двоеданничества населения этого региона. С начала XVIII столетия в верховья Енисея, прежде всего в Туву, начинают проникать военные отряды различных северомонгольских князей, признавших цинское подданство, которые, угрожая местным племенам физическим истреблением или переселением в Монголию в качестве рабов, заставляли их платить дань, как прежде они платили ее Алтын-ханам⁸⁵. Одним из наиболее активных «собирателей» тувинцев был хотогойтский джасак (правитель) Бубэй, род которого кочевал к югу от хребта Танну-Ола. В 1708 г. Бубэй заявил казакам Абаканского острога, что енисейские кыргызы, тувинцы («уряыханя» и «моторы») издавна были, до захвата ойратами, хотогойтскими кыштымами. В 1707—1708 гг. Бубэй собрал с тувинцев-мадов дань в размере пяти соболей с человека, в то время как русские казаки собирали издавна с них ясак по соболю с человека. Хотогойтский джасак пожаловался маньчжурским властям, что русские, якобы, собирают ясак с его кыштымов и на его земле построили острог, после чего в Посольский приказ от цинского правительства поступил протест, суть которого сводилась к следующему: «Ваши русские... с мотор ясак берут и город строят, затевают они несносны дела»⁸⁶.

В 1709 г. территория Кема (так в китайских источниках назывался Енисей до выхода из Саянских гор) и Кемчика была «высочайше пожалована» императором Сюань Е (девиз правления Канси) во владение Бубэю хотогойтскому, в полном соответствии с китайской традицией, позволяющей «жаловать» то, что Китаю не принадлежит⁸⁷.

Таким образом, освободившись от уплаты алмана ойратам, многие племена верховьев Енисея, прежде всего тувинцы, вновь оказались на положении двоedanцев. Они теперь уплачивали дань хотогойтам в размере пять соболей с человека и по одному соболю в русскую казну⁸⁸. Сбор дани монголами оборачивался чаще всего настоящим грабежом тувинских племен. Тувинцы неоднократно сообщали русским властям, что хотогойты «кроме ясаку берут у нас лошади и быки» и «на себя собирают ясаку по десяти белок с человека»⁸⁹. Подати с тувинцев монголы собирали даже «ломаными косами... худыми топорами и прочими мелочами»⁹⁰. Более того, не желая делиться правом эксплуатации тувинцев с русскими, хотогойты постоянно жаловались цинским властям на русское присутствие в Туве. В 1712 г. Цины заявили в послании сибирскому губернатору М.П. Гагарину, что «Россия ни к собранию» с тувинцев «есака, ни к строению в тамошних местах городов права не имеет»⁹¹.

Характеризуя тяжелое положение двоedanцев, в 1726 г. сойотский шуленга Баир Куденов рассказывал русским представителям, что он вот уже около тридцати лет, несмотря на то, что «деды и отцы их исстари подданные Российской империи», со своим родом платит дань монгольским князьям, которые, угрожая расправой, требуют, чтобы платили дань «в мунгальскую землю по пяти соболей с человека по вся годы из-под неволи для того, что де они люди малые и за недачею того ясаку, те мунгалы их не разорили»⁹².

Вопрос об определении статуса тувинских двоedanцев был решен на переговорах с цинскими властями С.Г. Владиславича-Рагузинского в 1726–1728 гг.⁹³. По результатам переговоров о границе и статусе пограничного населения 20 августа 1727 г. между Россией и Цинской империей был подписан предварительный Буринский трактат. Согласно постановлению этого трактата, граница между Россией в бассейне Верхнего Енисея и владениями Цинов в Халхе направлялась от северного берега озера Косогол

к перевалу Шабин-Дабаг по горным хребтам и рекам. Относительно статуса приграничного населения Тувы в соответствующей статье договора говорилось: «А урянхи в которую сторону платили по пяти соболей, впредь оставлены по-прежнему у своих владельцев, а которые по одному соболю давали, впредь не возьмется с них вечно»⁹⁴.

Таким образом, тувинские двоеданцы переходили по условиям Буринского трактата в исключительную юрисдикцию Цинской империи; двоеданничество на Верхнем Енисее было упразднено. По мнению В.А. Моисеева, результатом дальнейшей политики Пекина в Туве было превращение ее в один из самых бедных и отсталых районов Центральной Азии, население которого постоянно вымирало от голода и болезней. Тувинский народ был на долгие годы обречен на полную изоляцию от внешнего мира, экономическую и культурную отсталость⁹⁵.

Уступив России на Енисее, ойратский правитель Цэван-Рабдан решил взять реванш в верховьях Обского бассейна. Однако кузнецкие воеводы были решительно настроены покончить с двоеданничеством в своем уезде. В 1702–1705 гг. русские власти воспрепятствовали сбору алмана «на контайшу» в двоеданческих Кумандинских волостях⁹⁶. Но уже в 1707 г. русским властям стало известно, что джунгарские алманщики появились в Забийских, Кондомских, Мрасских и Шелканской волостях Кузнецкого уезда. Собирая «на контайшу алман собольми и всяким зверем», алманские сборщики «на себя брали по соболю да по лошади с человека насильством прежде ясака» в российскую казну. Кроме того, ойраты ограбили сагайцев, отобрав у них «зипуны, два котла железных, восемь лошадей»⁹⁷. В этом же 1707 г. на территорию Кузнецкого уезда, спасаясь от вторгшихся в Джунгарию цинских войск, прикочевали «во многолюдстве» ойраты ведомства тайшей Манагоча и Аюки. Ойраты разоряли охотничьи угодья кузнецких ясачных, грабили и «побивали» самих «кузнецов». Кузнецкие власти силой оружия были вынуждены выдворять джунгаров с территории уезда. В бою служилых с «черными калмыками» в районе реки Чумыш было «побито» до 60 ойратских воинов⁹⁸. В 1710 г. «контайшина владения зайсан Духар с 4000 калмыками» сжег построенный в 1709 г. в истоках Оби Бикатунский острог и разграбил многие русские деревни Кузнецкого уезда⁹⁹. Тогда же ойраты погромили и

ограбили Азкыштымскую ясачную волость, склонили на свою сторону и увели вглубь Горного Алтая часть ясачного населения Кондомских волостей, забрали в свои кочевья и запретили платить ясак в Россию двоеданцев Керсагальской и Тау-телеутской волостей¹⁰⁰. Когда ойраты «шли войною под Кузнецк», старшина ясачной Тогульской волости Чеоктан сообщил об этом кузнецким властям. В отместку уже в ноябре 1710 г. «из-за Оби-реки воинские люди контайшина владения» телеутского князца Байгорока «Чеоктанов улус 6 юрт разбили и его Чеоктана поймали, у живого глаза вырезали и ремня из спины вырезали ж и повесили на дерево... а братьев его и племянников и детей 6 человек да женска полу человек 30 в полон взяли»¹⁰¹. Зверства ойратов и их послушных кыштымов – телеутов все больше убеждали кузнецких двоеданцев в том, что только русские могут оградить их от кочевников. Все чаще двоеданцы сообщали русским властям о бесчинствах алманщиков в их волостях. В 1712 г. ясачные Забийских волостей жаловались воеводе Б. Синявину, что «приходил к ним... черный калмык Дюрэн с восьмью человеками и прежде е.и.в. ясачного сбору собирали на контайшу со всякого человека по пяти соболей да на себя по соболю всяким зверем, и жил он у них в волостях всю зиму и чинил им многие разорения». Ясачные сообщили также, что Дюрэн собрал алман и в других Кузнецких волостях¹⁰².

В 1713 г. сбором алмана с кузнецких двоеданцев занимался телеутский князец Мензу Бодоев. Он собирал подати не только с традиционных двоеданцев, но и с волостей, «с которых ему брать не надлежало». В случае неуплаты алмана Мензу угрожал ясачным разгромом их улусов. В частности, М. Бодоев ограбил Сагайскую волость, которая несколько лет назад, после угона енисейских кыргызов, прекратила уплату алмана, и «велел» сагайцам «впредь готовить по все годы алман по пяти соболей с человека»¹⁰³. Кроме обычного алмана, телеутский князец приказал старшинам Забийских волостей «готовить на контайшу алман всякому человеку по тридцать палиц куяшных, да по тридцать стрельных железцов (наконечников стрел — О.Б.), по два горшка железных, по наковальне, по два молота, да по клещам». В ином случае Мензу угрожал войной и разорением¹⁰⁴. Кроме того, около 50 ясачных Кондомских волостей ведомства старшины Боочина Чеквина он увел в кочевья телеутов. По

приказу кузнецкого коменданта Бориса Синявина в Мрасские волости к находившемуся там ойратскому тайше Мэргэну был послан Дмитрий Федоров со служилыми людьми. Ему было приказано потребовать возврата уведенных ясачных, заявить протест по поводу бесчинств алманщиков в Кузнецком уезде, а также разобраться с делом Андрея Ефремова, посланного ранее «для сыску беглых ясачных». В общих чертах суть этого дела такова: А. Ефремов с казаками, приехав в улус телеутского князца Беокона, выяснил, что тот скрывает беглых у себя и казакам «сыскивать их и ясаку сних брать не велел». Беокон арестовал казаков и отправил их «под караулом» в улус к князцу Мензу Бодоеву. Бодоев, в свою очередь, «морил» казаков «голодною смертию многое время», «бранил их всячески и называл собаками и свиньями, и хотел бороды и брови оборвать». Затем, предварительно ограбив, Мензу отпустил казаков и велел передать русским властям, что ойраты и телеуты будут так относиться к русским, пока те не позволят собирать алман со всех волостей Кузнецкого уезда. Д. Федоров должен был заявить по этому поводу протест и потребовать возвратить награбленное. Во время своей поездки Д. Федоров выяснил, что кроме кондомских ясачных, телеуты укрывают в своих улусах злостных неплательщиков ясака — керсагальцев и тау-телеутов, а также пленных азкыштымцев. Посланник «с товарищи» «съехался с Мэргэном» в улусе мрасского старшины Кулестея. Действуя решительно, русские забрали у ойратов лошадей в компенсацию за грабежи казаков А. Ефремова и ясачных, а затем выпроводили алманщиков за пределы уезда, предупредив, чтобы ойраты не собирали алман с двоеданцев, пока русским властям не будут выданы беглые керсагальцы и тау-телеуты, а также пленные кондомские и азкыштымские ясачные¹⁰⁵. Однако предупреждения не остудили агрессивный пыл ойратов и их ближайших кыштымов. В 1716 г. на русских сборщиков ясака в Кондомских волостях напал крупный джунгарский отряд, служилые были взяты в плен¹⁰⁶. В том же году группа русских казаков была пленена во время сбора ясака с тау-телеутов¹⁰⁷. Не прекращали ойраты и набеги на ясачные волости. В частности, многократно (только за 1716 г. три раза) была разбита и ограблена Азкыштымская волость¹⁰⁸. Свои действия ойраты объясняли тем, что с 1712 по 1716 гг. русские власти постоянно препятствовали алманским сборам

с двоedanцев¹⁰⁹. Между тем, по состоянию на 1721 г., российские власти фактически признавали двоedanческими Кумандинскую, Кузневскую, Комляжскую, Кергешскую, Юсскую, Тау-телеутскую, Телеутскую, Азкыштымскую, Тагапскую волости, в которых числилось 574 ясачных двоedanца, а также Телесскую волости Кузнецкого уезда¹¹⁰.

В мае 1722 г. властям Кузнецка стало известно о появлении в уезде группы ойратских алманщиков во главе с Колтаром Боирту, который заявлял о намерении собрать алман со всех кузнецких ясачных. По приказу кузнецкого полковника Бориса Середина, навстречу ойратам была отправлена группа казаков. Они должны были потребовать от Боирту отказаться от сбора алмана в Кондомских и Мрасских волостях, т.к. жители этих волостей «контайше алману многие годы не платили». Казакам удалось «съехаться» с алманщиками в Мрасской Итеберской волости. Выслушав требования русских властей, ойраты покинули Кузнецкий уезд, отказавшись от сбора дани¹¹¹. Однако в следующем году в уезде появился новый отряд алманщиков, который возглавлял тайша Гунзу. Русские заявили тайше, что не позволят ойратам собирать подати с кузнецких двоedanцев, пока ойраты не выдадут бежавших в Джунгарию двоedanцев — тау-телеутов и вновь выпроводили сборщиков алмана с территории уезда¹¹². Впоследствии кузнецкие представители неоднократно заявляли ойратам, с различными целями бывшим в Кузнецке, чтоб «впредь в подданные е.и.в. ясашные волости для взятия алману с которых не надлежит... не приходили наглостью и напрасно б ясашных иноземцев не разоряли»¹¹³.

В 1725 г. в Кузнецкий уезд для сбора алмана прибыли сразу три группы сборщиков во главе с Чичином Чигилды, Дюрэном Улчагином и Китаном Кабычиковым. Алманщики заявляли русским, что у них имеется письмо от правительства России с согласием на сбор податей с двоedanцев, и сейчас они прибыли собирать недоимки по алману «за восемь лет, а будет скудные, то де велено брать по рассмотрению». Чтобы не обострять отношения с Джунгарией, кузнецкие власти решили пропустить ойратов в двоedanческие волости. Алманщики принялись обирать ясачное население. Так, только в Тагапской волости алманщики собрали «за три года алман 5 лисиц красных, 33 котла, 4 тагана железных, бобра, 2 выдры, и спрашивали у них черных лисиц

добрых, бобров и выдр, и их, ясачных татар, вязали»¹¹⁴. По запросу Тобольска из Коллегии иностранных дел вскоре пришел ответ, что «по зборе с кузнецких ясашных иноземцев алману на контайшу за которым збором в ясашных сборах учинилась остановка, с контайшой об ясашных волостях и об ясаках никаких договоров не обретаецца». Сибирским властям было строго указано не допускать больше сбор алмана в Кузнецком уезде, а алманщиков «ловить и держать за караулом»¹¹⁵.

В 1727 г. ясачные Тагапской волости сообщили в Кузнецк, что ойраты во главе с Дюрэном собрали алман не только с них, но и с Азкыштымской волости, «с которой прежде с давних лет на контайшу алман не давано». В ясачные волости в срочном порядке «к Дюреню для выговору и воспрещению, с которых волостей на контайшу алману брать не положено против указу е.и.в.» были посланы служилые люди. Они также должны были потребовать, чтобы ойраты «с ясашных иноземцев», которых русские фактически признавали двоеданцами, «сверх алманного взятия обид не чинили». Однако Дюрэн к этому времени уже отбыл в Джунгарию. Русским удалось застать на территории уезда другого алманщика — Жинжина, которому и были высказаны требования кузнецких властей. Жинжин сказал, что про злоупотребления Дюрэна он ничего не знает, а «с которых волостей з давних лет алману на контайшу не збирано, он не берет». Алманщик также советовал служилым подать жалобу на действия Дюрэна хану Галдан-Цэрэну, а то «контайша об оной обиде от алманских сборщиков не ведает». Жинжин обманывал русских служилых. Вскоре в Кузнецке узнали, что он сам, собирая подати в Шерской волости, «взял с них алман против прошлых лет с излишеством, а именно 115 железниц кованных, 5 котлов, 4 тагана железных, бобра против 10 соболей, да сверх этого отобрал 7 лошадей и сказал, что на следующий год возьмет алману против оного вдвое»¹¹⁶.

В общей сложности, к концу 20-х гг. XVIII в. в Кузнецком уезде двоеданческими российскими властями фактически признавались следующие волости: Итеберская, Каргинская, Шелканская, Кергешская, Верхняя и Нижняя Кумандинские, Бежбояков и Ендаев улусы, Елейская, Ближняя Карга, Кузешеева, Кызыл Карга, Кавинская, Коинская, Шерская, Тогульская, Тагапская и Азкыштымская волости, которые «на контайшу алману дают по

вся годы после ясака Российской империи». Количество плательщиков ясака в этих волостях в 1727 г. составляло 591 человек, размер ясака в российскую казну колебался в разных волостях с 1 до 5 соболей с ясакоплательщика¹¹⁷. По данным на 1730 г., в Кумандинских, Тагапской, Комляшской, Кергешской, Кузневской, Тау-телеутской и Итеберской двоеданческих волостях насчитывалось 374 плательщика ясака в Россию. В целом с них собиралось 998 шкурок соболя в год. Размер ясака в этих волостях колебался от 1 шкурки соболя с плательщика в Тау-телеутской волости до 3–4 шкурок ценного меха в Кергешской волости¹¹⁸. Во всех указанных волостях по сравнению с 1721 г. к 1730 г. наблюдалось сокращение численности ясачных. Это связано, прежде всего, с угоном части ясачного населения Кузнецкого уезда в Джунгарию за недоимки по алману. Как явствует из источников, средний размер ясака в российскую казну с приведенных волостей в 1730 г. составлял 2–3 шкурки соболя в год с одного ясакоплательщика. Тау-телеуты, которые жили «смежно» с алтайцами, «верноподданными» джунгарского хана, находились преимущественно под влиянием ойратов (об этом свидетельствует хотя бы то, что размер алмана в 5 раз превышал у тау-телеутов количество ясака), поэтому уплачивали в Россию наиболее легкий ясак¹¹⁹. Однако цифры, которые характеризуют средний размер ясака с одного двоеданца, весьма относительны. Кроме того, что родоплеменная верхушка перекладывала основное бремя податей на рядовых двоеданцев, часть ясачных, не имея возможности платить ясак по различным причинам: «стар, слеп, увечен, болен», продолжала числиться в окладных ведомостях. Здесь же продолжали учитываться и «беглые в немирные землицы»¹²⁰. Ясак со всех этих людей обычно разверстывался на остальных ясакоплательщиков той или иной волости, поэтому реальный размер податей на одного человека был на самом деле несколько выше вычисленного нами.

Одним из наиболее ранних источников, в котором сопоставляются размеры российского ясака и джунгарского алмана с двоеданцев Горного Алтая, является дневник рудоискателя Петра Ивановича Шелегина, который в 1745 г. возглавлял экспедицию, направленную в Горный Алтай «в целях исследования земель и выяснения народов, там обитающих»¹²¹. Согласно данным П.И. Шелегина, описанных им двоеданцев можно раз-

делить на три условные группы: 1) Юсские «татары», жившие по реке Сары-Кокше, комляшские «татары», обитавшие по реке Бие, керегешские «татары», которые проживали по северному побережью Телецкого озера и кумандинцы, жившие по реке Бие ниже устья реки Лебедь — эти двоеданцы платили ясак по 2–3 соболя с человека и алман по котлу и тагану с одного плательщика; 2) Тау-телеуты, которые обитали по рекам Майме и Ише — они платили по соболю в российскую казну и по пять соболей в Джунгарию; 3) Телесы, которые проживали по рекам Чулышман и Башкауc. Эти двоеданцы платили в общей сложности неокладной ясак 60 соболей, но скрывали от русских размер их алманного обложения¹²². Отметим, что, несмотря на наличие и ясачных, и алманских сборов с двоеданцев Горного Алтая, по общему объему повинностей их положение было значительно легче, чем положение русского сибирского крестьянства¹²³. Двоеданцы терпели лишения не из-за величины размера ясака, а из-за частых откровенных злоупотреблений сборщиков податей, прежде всего ойратов.

Между тем к середине XVIII в. обстановка в двоеданческих волостях Горного Алтая и Кузнецкого Алатау стабилизировалась. Еще в 1738 г. из Коллегии иностранных дел в Кузнецк поступило указание не препятствовать ойратам сбору алмана с двоеданцев и «оных алманских сборщиков... ко владельцу их до границы или в те волости, в которых они прежде сего алман збирали провожать с честью, а озлобления им отнюдь не чинить»¹²⁴. К середине столетия джунгарские сборщики податей в Кузнецком уезде собирали алман с Мрасских, Кивинской, Белгирской, Тагапской, Итеберских, Карачерской, Шелканской, Керегешской, Кумандинских, Елейской, Кузневской и Комляшской волостей с 470 двоеданцев. Размер джунгарской подати складывался из собственно алмана «на контайшу» и средств, выделяемых для сборщиков дани. Кузнецкие двоеданцы к середине века платили алман пушниной белки, бобра и выдры, изделиями из железа (котлами и таганами), а также лошадьми и выделанными кожами. В денежном выражении средний размер алмана на одного плательщика колебался от 26 копеек в Тагапской волости до 1 рубля 22 копеек в Елейской волости и составлял в целом для указанных волостей 82 копейки с одного алманоплательщика в год. Обычно же алман в

большей части волостей был равен 1 рублю 12 копейкам с человека, обязанного его платить. Отметим, что шкурки выдр, входившие в состав ойратской подати, обычно предназначались в качестве жалования алманщикам. В общей сложности перечисленные волости должны были ежегодно выплачивать в пользу джунгарского хана алман на сумму 385 рублей 68 копеек¹²⁵. Незначительная, символическая величина алмана с жителей Нижнекумандинской и Тагапской волостей к середине XVIII в. объясняется тем, что эти волости были прикрыты теперь от ойратов Бийской крепостью. После укрепления русских в истоках Оби ряд волостей, например Барсаятская, вовсе вышли из разряда двоеданческих. Как видим, средний размер алмана с двоеданцев Горного Алтая и Кузнецкого Алатау к середине XVIII столетия значительно понизился, что свидетельствует об укреплении российских позиций в регионе. Однако он был несколько выше среднего размера алмана, собираемого ойратами с жителей Барабы. Мы, правда, не берем в расчет данные об алманных сборах с двоеданцев — тау-телеутов и телесов из-за их отсутствия. Эти этнические группы находились более под влиянием Джунгарии, и размер податей «на контайшу» был здесь больше, чем в других двоеданческих волостях.

К середине XVIII в. российские власти подразделяли всех кузнецких двоеданцев на две категории: «русского подданства» и «зенгорского подданства», точнее на тех, кто «судом и расправою состоит более российскому владению» и тех, кто «более судом и расправою состоит к зюнгорскому владению»¹²⁶. Описание географического и экономического положения некоторых двоеданческих и бывших двоеданческих волостей Горного Алтая отражено в одной из справок Сибирской губернской канцелярии, датированной 1745 г. По реке Кондоме расселялись Барсаятская, Баштинская, Елейская и Шерская волости. Все они, кроме Барсаятской, которая стала к этому времени «верноподданной» России, считались двоеданческими. По реке Лебедь и в верховьях Кондомы располагалась Шелканская двоеданческая волость. Тагапцы жили в верховьях Чумыша и также являлись, как известно, двоеданцами. По реке Бие простирались Комляшская, Кузеньевская и Кумандинские двоеданческие волости. Верховья Бии и северное побережье Телецкого озера занимала Кергешская волость, которая также была двоеданческой.

Юсская двоеданческая волость располагалась по реке Ише. Все перечисленные двоеданцы к середине XVIII в. были «более в российском подданстве», т.е. находились под юрисдикцией российских властей, а джунгарам платили только алман. Источники единодушно отмечают, что жители этих волостей были преимущественно охотниками, из скота содержали в основном лошадей, знали земледелие — культивировали яровую пшеницу, ячмень, рожь, горох. Причем земледельческие культуры настолько прочно вошли в рацион питания двоеданцев, что тагапцы, баштинцы, кумандинцы и жители Юсской волости покупали хлеб у русских крестьян. Двоеданцы, которые были «более в зенгорском подданстве» — телесы и горные калмыки проживали к середине XVIII столетия соответственно по южному побережью Телецкого озера и по реке Чулышман. Соседями двоеданцев были саяны, подданные джунгарского хана, которые проживали к востоку от Телецкого озера и сойоны, цинские подданные, жившие «смежно» с саянами¹²⁷.

В общей сложности, в составе Кузнецкого уезда, по данным на 1745 г., состояли Тагапская, Баштинская, Елейская, Шерская, Шелканская, Кергешская, Комляшская, Кузневская, Кумандинская, Юсская, первая и вторая Итеберские, Карачерская, Каргинская, Еская, Елейская, Ближнекаргинская, Кузешеева, Кызылкаргинская, Кивинская, Зашерская, Белтирская, Керетская, Тюлеберская, Боянская, Тогульская, Сагайская, Устусаганская двоеданческие волости, Барсаятская бывшая двоеданческая волость, Бежбояков, Ежбоянов, Ендаев, Тогояков, Богораков и Казынов двоеданческие улусы. Все эти двоеданцы в первой половине XVIII столетия находились «более в российском, чем в зенгорском подданстве». В них насчитывалось 1298 плательщиков ясака в российскую казну. Средний размер ясака с жителей этих волостей колебался от 2-х соболей в Тагапской, Каргинской волостей и Богоракова улуса (менее 2-х соболей платили ясачные Керетской, Боянской и Тогульской волостей) до 4-х соболей с одного ясачного в год в Казыновом улусе. Таким образом, в среднем жители указанных волостей и улусов платили в русскую казну около 3-х соболей с одного плательщика в год. В целом ежегодно они обязаны были вносить в качестве ясака 3571 шкурку соболя (на сумму 3999 рублей 52 копейки). В денежном выражении средний размер ясака на одного плательщика был

от 1 рубля 23 копеек в Керетской волости до 4 рублей 48 копеек в Казыновом улусе. По всем волостям он равнялся 3 рублям 14 копейкам ежегодно с одного ясачного.

В числе двоеданцев «более зенгорского подданства» Сибирская губернская канцелярия учитывала Телесскую волость башлыка Кулаша Кетеремова, Порубежную тау-телеутскую волость и Тау-телеутскую волость «выезжих белых калмык». В них насчитывалось не менее 214 ясакоплательщика, которые вносили в российскую казну ежегодно 247 шкурок соболя, т.е. чуть более одной шкурки с облагаемого лица. В денежном исчислении ясачный сбор с этих волостей был равен 276 рублям 64 копейкам и составлял по 1 рублю 34 копейки с одного двоеданца. Таким образом, в Кузнецком уезде к середине XVIII в. насчитывалось не менее 1512 двоеданцев-ясакоплательщиков. Они вносили ежегодно в российскую казну 3818 шкурок соболя на сумму 4276 рублей 16 копеек, т.е. каждый ясачный вносил примерно по 2–3 шкурки ценного меха в среднем на сумму 2 рубля 80 копеек¹²⁸.

Следует констатировать, что размер ясака с двоеданцев российского подданства значительно превышал количество алмана, собираемого с этих волостей. В то же время размер российского ясака с двоеданцев джунгарского подданства примерно равнялся алману с двоеданцев, которые были «судом и расправою более в России». Подчеркнем также, что далеко не все жители двоеданческих волостей на самом деле были двоеданцами. Так, в Кивинской волости алман платили только 22 % ясачных, в Белтирской — 50 %, в Итеберских волостях — 58,3 %, в Шелканской — 32,6 %, в Кергешской — 69,8 %, в Елейской — 74,1 %, в Кузневской — 75,9 %, в Комляшской — 98 %. Наоборот, ясачными являлись только 92,9 % тагапцев и 75,3 % кумандинцев из числа жителей этих волостей, обложенных алманом; правда, величина алмана с тагапцев и кумандинцев, как видно, была незначительной.

Никаких обязанностей, кроме своевременной уплаты ясака, обеспечения российских представителей, прибывших в двоеданческие волости, продовольствием, транспортом и проводниками, двоеданцы Кузнецкого уезда, как впрочем и другие двоеданцы Южной Сибири, по отношению к России не несли. Двоеданцы джунгарского подданства вообще платили в Россию т.н. «вольный

ясок в почесть»¹²⁹. Джунгарские правители в первой половине XVIII в. поддерживали с двоedanническим населением Южной Сибири, кроме двоedanцев — тау-телеутов и телесов, отношения по традиционной для Сибири схеме «сюзерен — кыштым», однако в реальной жизни джунгарские кыштымы-двоedanцы в первой половине XVIII в. уже не пользовались военной помощью Джунгарии, не выставляли ополчение в ойратское войско, а лишь уплачивали алман. Несколько другие отношения были у ойратских правителей с двоedanцами из числа телесов и тау-телеутов. Последние, кроме уплаты алмана, обязаны были нести охрану границ ойратских владений, выставлять определенные контингенты войск для охраны ханской ставки и военных походов. Однако в целом и эти двоedanцы пользовались относительной автономией в своей внутренней жизни¹³⁰.

Уровень даннической эксплуатации двоedanцев Южной Сибири в первой половине XVIII в. как со стороны России, так и со стороны Джунгарии, был относительно невысоким. Несколько выше, чем в других районах Южной Сибири, он был в Кузнецком уезде. На наш взгляд, это было связано, с одной стороны, с более значительными, чем, скажем, в Барабе, запасами пушнины в этом районе, а с другой стороны, с тем, что «кузнецы» в первой половине XVIII столетия оставались важными поставщиками железных изделий в Джунгарию; алман выплачивался кузнецкими двоedanцами в основном изделиями из металла. Бедственное положение двоedanцев, преимущественно в первой четверти XVIII в., было связано не с величиной собираемых с них податей, а с многочисленными ойратскими набегами и грабежами, последовавшими после попыток России не допускать алманщиков в двоedanческие волости. Обострение военно-политической обстановки в двоedanческих волостях, в частности, в Кузнецком уезде, привело к тому, что Россия дала в 1738 г. официальное разрешение ойратам на сбор податей с двоedanцев. Как видим, двоedanничество и двоеподданство в разных уездах имело свои особенности. Во-первых, различной была структура ясака и алмана. Она зависела в основном от географической среды, в которой проживали двоedanцы и от распространения у них тех или иных промыслов. Так, барабинские татары, проживавшие в степной и лесостепной зоне, платили ясок в Россию и алман в Джунгарию пушшиной, которая характерна для данной геогра-

фической зоны — это шкурки лисы, горносталя, бобра, выдры. В отличие от барабинцев, жители Верхнего Енисея, имевшие богатые таежные зверовые промыслы, ясак и алман платили обычно шкурками соболя. Кузнецкие двоеданцы, имевшие более скромные соболинные промыслы, имели возможность при уплате податей в Россию и Джунгарию заменить шкурки соболя на более распространенную в их промысловых угодьях пушнину белки, бобра, выдры. Как известно, «кузнецы» занимались примитивной металлургией, поэтому важную роль в структуре их алманных платежей, в отличие от других двоеданцев, играли железные изделия. Частично алман железными изделиями платили двоеданцы Красноярского и Томского уездов. Барабинцы, у которых металлургия распространения не получила, чаще заменяли пушные алманные выплаты изделиями из телячьей кожи или орлиным пером, необходимым ойратов для изготовления стрел. Во-вторых, в разных районах двоеданцы платили неодинаковый размер алмана и ясака в денежном выражении. Размер податей напрямую зависел от величины и качества пушных ресурсов, имевшихся в промысловых угодьях двоеданцев. Барабинцы, жившие в относительно бедных пушиной степях и лесостепях, платили наиболее низкий размер ясака и алмана. Обложение податями двоеданцев Кузнецкого уезда, чьи промысловые угодья были богаче пушиной, было несколько большим. Верхнеенисейские двоеданцы, охотничьи угодья которых населял знаменитый баргузинский соболь, соответственно платили наибольший ясак; алман с этих двоеданцев был больше податей, которые ойраты собирали с барабинцев и «кузнецов». В-третьих, если российские власти считали всех двоеданцев подданными России, то ойраты обосновывали свое право эксплуатировать двоеданцев по-разному. Двоеданцев из числа барабинских татар и коренных жителей Кузнецкого уезда ойратские правители в первой половине XVIII в. считали своими прямыми кыштымами. Право собирать алман с двоеданцев Томского и Красноярского уездов джунгары связывали с тем, что эти двоеданцы были кыштымами енисейских кыргызов, которые, в свою очередь, являлись кыштымами ойратского хунтайджи. В качестве алманных сборщиков в двоеданческих волостях Барабы в первой половине XVIII в. выступали сами ойраты, с «кузнецов» алман обычно собирали телеуты, а с верхнеенисейских двоеданцев сбором алмана «на контайшу»,

вплоть до переселения в Джунгарию, ведали енисейские кыргызы. В целом же система двоеданничества на юге Сибири по сравнению с XVII в. стабилизировалась в Барабе и Кузнецком уезде, т.е. в районах, которые лежали в непосредственной близости от ойратских кочевий. В бассейне Верхнего Енисея после угона енисейских кыргызов во внутренние районы Джунгарии и заключения Буринского трактата между Россией и Цинской империей с двоеданничеством было покончено. Во второй четверти XVIII в. Россия и Джунгария стремились не допустить усиления влияния соперничающей стороны на двоеданцев и их бегства вглубь сопредельной территории. Поэтому обе стороны опасались облагать двоеданцев чрезмерными податями. В то же время ушли в прошлое времена, когда с двоеданцев, кроме русских и ойратов, собирали дань, а чаще просто грабили их, телеуты и кыргызы. Кузнецкие и барабинские двоеданцы, в свою очередь, достаточно умело использовали свое буферное положение, лавировали между Россией и Джунгарией, играли на противоречиях между ними и сохраняли, таким образом, относительно независимый как от Джунгарии, так и от России, статус. Двоеданничество, как система, играло роль определенного буфера в российско-ойратских противоречиях по вопросу подданства коренного населения Южной и Западной Сибири и позволяло сохранять в регионе относительную военно-политическую стабильность.

2.3. Вопрос о барабинских и алтайских двоеданцах на русско-джунгарских переговорах

В первой половине XVIII столетия важное место в российско-джунгарских отношениях, наряду с проблемой подданства коренного населения Южной и Западной Сибири, стал занимать вопрос о принадлежности некоторых буферных территорий этого региона. Уступив России бассейн Верхнего Енисея, Цэван-Рабдан, по мнению В.А. Моисеева, решил взять реванш в верховьях Оби¹³¹. Осенью 1703 г. прибывшие в Тобольск послы ойратского правителя Науруб Балдан и Мэргэн вручили воеводе М.Я. Черкасскому ханское послание с требованием «с его, контайшиных,

людей ясаку на великого государя не имать» и не строить остроги на джунгарской территории. Однако эти претензии были сибирскими властями решительно отклонены¹³². Более того, слухи о планах Цэван-Рабдана занять под ойратские кочевья Верхнее Приобье побудили российскую администрацию ускорить процесс колонизации Юго-Западной Сибири¹³³. Летом 1709 г., согласно указа Петра I, под руководством кузнецких властей вблизи слияния Бии и Катунь было завершено строительство Бикатунского острога¹³⁴. В 1713 г. выше Умревинского острога был построен Чаусский острог¹³⁵. Эти акции российских властей вызвали резкие протесты со стороны джунгарской урги и обострили ситуацию в Верхнем Приобье. В 1710 г. ойратский зайсан Духар во главе четырехтысячного отряда сжег Бикатунский острог, который, однако, вскоре был восстановлен в несколько ином месте под наименованием Бийской крепости¹³⁶. В 1708–1713 гг. осложнился вопрос о сборе податей в Южной Сибири и Барабе, когда алманские поборы ойратов на Алтае и в Барабе все чаще стали сопровождаться откровенными грабежами и убийствами коренных жителей как двоеданнических, так и верноподданных России волостей¹³⁷.

Участившиеся ойратские вторжения в Сибирь побудили ее губернатора М.П. Гагарина летом 1713 г. отправить хунтайджи Цэван-Рабдану специальное послание. В числе претензий к джунгарской стороне, изложенных в письме губернатора, в очередной раз поднималась проблема российско-джунгарских двоеданцев. В частности, М.П. Гагарин писал, что барабинские татары являются исключительно российскими подданными и требовал прекращения сбора алмана с Барабинских волостей¹³⁸. Губернаторское послание к хунтайджи было поручено доставить казачьему голове Ивану Чередову с небольшой командой. Кроме того, Чередов получил устный наказ от сибирского губернатора: «Будет контайша говорить, что барабинцы издавна ему ясак платят и были у него в подданстве», — следует отвечать, что «барабинцы вечные его царского величества ясачные люди, о том контайша сам, конечно, знает, а что они своровали и были некогда в измене, и его царскому величеству в той вине своей повинились, и та вина им отпущена, и велено с них ясак брать по-прежнему в казну, а живут барабинцы на земле его царского величества»¹³⁹.

Таким образом, наряду с другими задачами, Ивану Чередову было поручено добиться отказа хунтайджи от эксплуатации барабинских татар в силу давно уже исторически сложившейся фактической юрисдикции России над территорией и населением Барабы. Русские послы прибыли в ханскую ургу в конце октября 1713 г., но из-за значительного охлаждения русско-джунгарских отношений Чередов был принят Цэван-Рабданом лишь месяц спустя. Во время переговоров в ханской ставке русский посланник потребовал, чтоб «он, контайша, с барабинцев алман брать и к ним для того своим калмыкам приезжать не велел, понеже барабинцы изстари подданные российские и ясак в Россию платят, и земля, на которой живут, российская, а калмыки их принимали в измене... и барабинцы в той своей вине государю уже били челом». Отметая требование русских властей, Цэван-Рабдан заявил, что «барабинцы его контайшины ясачные люди издавна, но улус его был в далеком расстоянии, а Тарский город был близ Барабы, и ясак с барабинцев стали брать (русские — О.Б.) насильно»¹⁴⁰. Тем самым хунтайджи фактически признал невозможность осуществления джунгарского суверенитета над барабинцами из-за отдаленности Барабы от ойратских кочевий. В то же время он предъявил претензии русской стороне, потребовав передачи под одностороннюю юрисдикцию Джунгарии практически всего коренного населения Кузнецкого, Томского и Красноярского уездов и уничтожения южносибирских русских городов, пригрозив в противном случае войной¹⁴¹. Таким образом, в ходе переговоров о двоеданцах стороны остались при своем мнении.

В марте 1714 г. вместе с Иваном Чередовым и его спутниками в Тобольск отбыли джунгарские посланцы Эркэ-Тосум-хан и Гэндун-Дондук с письмом от хунтайджи к сибирскому губернатору. В своем послании русским властям Цэван-Рабдан обосновывал претензии на эксплуатацию барабинских татар этнокультурной близостью последних с ойратами — «барабинцы шапки с солами (т.е. с опушкой — О.Б.) носят и косы», а следовательно, «вечно люди мои» и «та земля наша». Кроме того, в письме хунтайджи угрожал России войной, если русские впредь будут собирать ясак с населения южносибирских уездов и продолжат колонизацию бассейна Бии и Катуня. На свои требования ойратская сторона получила ответ русских властей, аналогичный тому, «как было написано в наказе Чередова»¹⁴².

Тем временем Россия активизировала политику освоения Среднего Прииртышья¹⁴³. В январе 1716 г. из недавно построенной русской Ямышевской крепости в ставку ойратского правителя с письмом от командующего экспедицией И.Д. Бухгольца был направлен в сопровождении восьми человек поручик Маркел Трубников. В послании к хану разъяснялась политика России в Южной и Западной Сибири, в том числе на иртышском направлении. Однако эта русская дипломатическая миссия окончилась неудачно: посланцы были схвачены и обезоружены ойратами зайсана Цэрэн-Дондука; около месяца их держали под арестом «в телеутах», а затем отправили «за караулом» в ханскую ургу. По пути русские посланцы вместе со своими конвоирами подверглись нападению казахов, и «его поруччика и при нем драгун трех человек ранили и одного татарина убили и взяли в полон в Казачью орду». Лишь осенью 1716 г. М. Трубникову удалось вернуться из казахского плена, так и не выполнив свою миссию¹⁴⁴.

Укрепление российских позиций в Прииртышье вело к дальнейшему обострению отношений между Россией и Джунгарией. В конце июня 1719 г. командующий очередной иртышской экспедицией И.М. Лихарев отправил в Джунгарию с письмом к Цэван-Рабдану бывавшего ранее у хунтайджи с миссией Ивана Чередова. В послании российская сторона в резкой форме потребовала от ойратов прекратить чинить препятствия освоению русскими Прииртышья. Во время переговоров с Чередовым хан, касаясь вопроса подданства коренного населения Южной Сибири, обвинил Россию в экспансионизме, заявив, в частности, что его подданным телеутам русские «чинили многие обиды», и он, хунтайджи, «не хотел ссоры (с Россией — О.Б.) и телеутов взял к себе», «кыргызам стало жить невозможно, и он взял их к себе, а ту землю оставил пусту». К тому же Цэван-Рабдан предъявил претензии Джунгарии на суверенитет в Верхнем Приобье, а также в междуречье Оби и Иртыша, совершенно безосновательно утверждая, что «в прежние годы тому лет сто будет были послы и размежевали землю, и грани поставили по Омь-реку, а по Обь-реке по Черному мысу». Не имея на этот счет никаких официальных указаний русских властей, Иван Чередов ответил, что по Иртышу «города русские строятся не для войны, а для прииска руд», а «Иртыш с устья до вершины российский». Возникла угроза, что и эти русско-джунгарские переговоры закончатся

констатацией взаимных претензий, но неожиданное изменение внешнеполитической ситуации в Центральной Азии (появилась опасность разгрома джунгарских армий цинскими войсками) заставила хана смягчить свою позицию, в том числе и в вопросе о двоеданцах, а также подданстве южносибирского населения. В своем послании Петру I, а также в личном наказе Чередову среди иных просьб к российской стороне, Цэван-Рабдан просил, чтоб ему «с ясашных людей, с которых он имал ясак, по-прежнему брать»; кроме этого, хан предлагал впредь все территориальные вопросы и проблему подданства южносибирских аборигенов решать исключительно дипломатическим путем¹⁴⁵.

Таким образом, в течение второго десятилетия XVIII в. в результате нескольких взаимных дипломатических миссий решение вопроса о двоеданцах, подданстве населения Южной Сибири и принадлежности буферных территорий в российско-джунгарских отношениях удалось перевести из сферы периодически повторяющихся приграничных вооруженных стычек в сферу дипломатического урегулирования.

Начавшаяся очередная джунгаро-цинская война и угроза поражения ойратов, непрерывные нападения казахов на приграничные джунгарские улусы заставили хунтайджи искать покровительства России. По решению зарго (ойратского высшего совета при ставке хана, своеобразного правительства) вместе с И.Д. Чередовым в Санкт-Петербург было отправлено ойратское посольство во главе с Борокурганом, который должен был попытаться заключить с Россией военный союз против Цинов и просить Петра I принять ойратов в подданство России, чтобы им «жить так, как живет и Аюка-хан» — правитель волжских калмыков, подданных России¹⁴⁶. Однако даже в сложной для себя внешнеполитической обстановке Цэван-Рабдан не снял с повестки дня вопрос о южносибирских двоеданцах. Прибыв 9 января 1720 г. в Тобольск, Борокурган, по поручению хана, предложил представителям сибирских властей, «чтоб ясачным людям, которые ясак платили в Россию и контайше... в обе стороны платить по-прежнему». Кроме того, ойратский посланник выразил сожаление, что с некоторых двоеданческих волостей с недавних пор русские власти алман брать препятствуют. В условиях наметившегося потепления российско-джунгарских отношений представители России заверили Борокургана,

что «по жалобам его в обидах розыск учинен будет»¹⁴⁷. По прибытию ойратского посольства в Санкт-Петербург в сентябре 1721 г. Борокурган передал послание Цэван-Рабдана Петру I, к которому был приложен «реестр обид» джунгарской стороны. В реестре указывалось, что только за несколько последних лет Россия пресекла алманские сборы с 16 двоеданческих волостей, а всего русскими захвачено 83 волости, якобы, бывших ойратских кыштымов. В общей сложности ойраты требовали позволить им брать алман не менее, чем с 1000 «дымов» (т.е. айльных семей) коренного населения Южной и Западной Сибири. В устном заявлении Борокурган, как и в Тобольске, предлагал узаконить двоеданничество в южносибирских уездах¹⁴⁸. В ответной грамоте Петр I известил Цэван-Рабдана, что вопрос о сборе податей с населения Южной и Западной Сибири будет решаться после принятия джунгарами «российской протекции»¹⁴⁹.

С целью оформления российского подданства ойратов в ургу из российской столицы было направлено посольство во главе с капитаном Иваном Унковским¹⁵⁰.

Практически одновременно с отъездом в Джунгарию И. Унковского Петр I направил в Тобольск указ, в котором потребовал от сибирских властей «с контайшей поступать ласково, в его требованиях показывать по возможности склонность, дабы его, контайшу, приласкать и привести к намеренному подданству»¹⁵¹. Кроме того, в указе повелевалось «о ясашных, которые в Россию и контайше ясак платили» из Сибири «прислать известие: оные в землях российских обретаются ли и сколько их и сколько с них ясаку собирается и давно ли от контайши отстали и ежели оные ему принадлежат, а обретаются под ведением Сибирской губернии, и контайшу снабдежить, что тем ясачным ему ясак платить велено будет, когда он придет в подданство российское»¹⁵².

Однако ко времени прибытия И. Унковского в ставку джунгарского хана произошел перелом в джунгаро-цинских отношениях. Это случилось, вопреки установившемуся в литературе мнению¹⁵³, еще до смерти в декабре 1722 г. цинского императора Сюань Е¹⁵⁴. Начавшиеся в конце ноября 1722 г. российско-ойратские переговоры стали затягиваться джунгарской стороной. Положение усугубилось после того, как Цэван-Рабдан получил известие о смерти Сюань Е и вступлении на престол нового цинского императора Инчжэна (девиз правления Юнчжэн).

Ойраты связывали с этим событием надежду на изменение характера внешней политики Цинов и в этих условиях воздерживались от принятия российского подданства, переговоры зашли в тупик. Как явствует из путевого журнала И. Унковского, «контайша о подданстве... никакого ответа не учинил»¹⁵⁵. Более того, во время переговоров Цэван-Рабдан возобновил погранично-территориальные претензии к России, заявив, что «прежде сего была размежевана земля и учинена граница, о том многие старики русские тобольские, тарские и кузнецкие знают, а за те границы переходя, русские люди нашему теленгутскому народу чинили обиды, и от тех обид наши принуждены были, оставя свои места, прочь пошли». Контайша утверждал, что русскими войсками было побито более тысячи джунгарских подданных-телеутов, которые ранее «жили около Оби-реки», а теперь были вынуждены бежать во внутренние районы Джунгарии¹⁵⁶. Основным аргументом И. Унковского на погранично-территориальные претензии ойратского правителя было утверждение, что никакой границы между Россией и Джунгарией не было и нет, так как никаких договоренностей между двумя сторонами по этому поводу не существует, и граница никогда не демаркировалась¹⁵⁷.

Таким образом, российское посольство потерпело неудачу: И. Унковскому не удалось не только склонить Цэван-Рабдана в подданство России, но и урегулировать существовавшие между Россией и Джунгарией спорные вопросы. Во время переговоров ойраты вновь подняли сложную проблему принадлежности буферных территорий Южной и Западной Сибири, которая еще более обострилась после того, как в 1726 г. русский промышленник Акинфий Демидов получил разрешение правительства на добычу медной руды и строительство заводов на территории Алтая¹⁵⁸. В 1728 г. новый джунгарский хан Галдан-Цэрэн заявил тобольскому представителю, что «ежели оные заводы (т.е. Демидовские заводы на Алтае — О.Б.) мужичьи, а не императорские, то он их будет воевать»¹⁵⁹. Вскоре хунтайджи воплотил свою угрозу в действие — кочевники ведомства подданного Джунгарии канского зайсана Омбы напали на Кольванский завод и угнали в горы весь заводской табун¹⁶⁰. Примечательно, что впоследствии ойратский правитель передал русским властям «таз-рукомойник и чайник медные», заявив, что

их привез ему «Демидова человек», якобы, «насмех, что на его ж земле Демидов построил заводы и делает медь». Хан потребовал, чтобы русские таких подарков ему больше не посылали, выражая таким образом протест против русской промышленной колонизации Алтая¹⁶¹.

Возобновлению российско-джунгарского диалога по вопросам о двоеданцах и буферных территориях Южной Сибири способствовала начавшаяся в 1729 г. новая война ойратов с Цинской империей — хан вновь стал искать пути мирного урегулирования отношений с Россией. В 1730 г. в Санкт-Петербург прибыло посольство от Галдан-Цэрэна во главе с Цой-Намки. В послании хунтайджи российскому правительству выражалась просьба прислать в ургу из России «знатную особу для разбора взаимных обид»¹⁶². К письму хана прилагался очередной реестр ойратских претензий к российской стороне. В реестре утверждалось, что ранее между российскими и джунгарскими владениями в Сибири существовала граница, проходившая по линии устья реки Черная Омь, и «на том устье в давние лета была учинена за границу засека»¹⁶³. Кроме того, Галдан-Цэрэн высказал притязание на монопольную эксплуатацию «Камандинской, Ценагашской, Тагапской, Целканской, Комляшской, Тергешевской, Кузневской волостей», а также саяно-алтайских теленгитов и урянхайцев¹⁶⁴. Хунтайджи также интересовался судьбой «подданных своих урянхаях четырехстах кибиток, ушедших из полона от мунгал в Сибирь, отпущены ль к нему и где обитаются?»¹⁶⁵

В феврале 1731 г. правительство приняло решение об отправке посольства к хунтайджи Галдан-Цэрэну «для разобрания произошедших с обеих сторон обид и ссор» и заключения крупномасштабного договора между Россией и Джунгарией¹⁶⁶. Главой посольства был назначен майор Леонтий Дмитриевич Угримов, получивший высокий статус посланника. По указанию Коллегии иностранных дел посланника ознакомили с документальными материалами по истории взаимоотношений России с Джунгарией и Китаем, снабдили подробной инструкцией из 12 пунктов и посланием императрицы Анны Иоанновны хунтайджи Галдан-Цэрэну¹⁶⁷.

По поводу погранично-территориального вопроса Л.Д. Угримову было указано во время переговоров «стараться его контайшу от учинения границ отвращать». Если Галдан-Цэрэн все же

поднимет вопрос о, якобы, существовавшей ранее границе между Россией и Джунгарией, то русскому послу, согласно инструкции, следовало утверждать, что «наперед сего во давние лета на устье Черной Оми границы також и по Обь-реке по Черному Мысу послования и межевания не бывало и в том письменного виду с ним контайшей не имеется, а ежели б было какое межевание, то б было в Тобольске письменное известие, а оные земли и реки издревле сибирские ея императорского величества». Посол также должен был особо подчеркнуть тот факт, что «об этих землях и водах от бывшего контайши (Цэван-Рабдана — О.Б.) в конференциях с прошением представлено было, чтоб ему контайше и подданным его людям по Иртышу-реке кочевать повелено было невозбранно», и российские власти дали ойратам разрешение кочевать по Иртышу¹⁶⁸.

По поводу джунгарских подданных-уряньхайцев, которые в 1726 г. бежали в Сибирь из монгольского плена в количестве 928 человек, если джунгарская сторона будет требовать их выдачи, Л.Д. Угримову следовало отвечать отказом¹⁶⁹. К слову, вскоре стало известно, что урянхайцы, о которых шла речь, выйдя в 1726 г. к Иркутску, вскоре откочевали обратно в Монголию¹⁷⁰.

В виду того, что в Санкт-Петербурге не было достоверных сведений о двоеданцах Южной и Западной Сибири, российскому посланнику следовало «в Тобольской губернской канцелярии о волостях, которые в присланной от контайши претензии написаны, ... справитца», являются ли жители этих волостей подданными России, когда они приняли российское подданство, в каких размерах с них собирается ясак и «по какой причине контайша до тех волостей и народов претензию чинит»¹⁷¹.

Прибыв 22 августа 1731 г. в Тобольск, Л.Д. Угримов получил в Сибирской губернской канцелярии дополнительные сведения относительно положения аборигенов Южной Сибири, упомянутых в ойратском реестре: «О ясашных волостях Кумандинской, Цаганашской, Тагапской, Цалхановской, Комляжской, Кузневской, Юсской, Ютовской, теленгутах и урянхайцах представлять, что оные е.и.в. и ясак платят в Российскую империю издревле и в пограничные города Томск и в Кузнецк. В указанных волостях ясак в Российскую империю брать начали прежде контайшинского алману»¹⁷². Посол должен был требовать от Галдан-Цэрэна, чтобы «с тех бы волостей оного алману брать не велел»¹⁷³.

В отношении ряда волостей Л.Д. Угримову следовало придерживаться во время переговоров иной позиции: «С Телеутской, при которой преж сего числились волости Кесеgetская, Татушская, Мундушская, Иткулская, да с Этиберской, с Кондомских, с Байошчинской, с Елейской, с Каргинской, с Караирской, с Забийской, с Щелкалской, да со Мрасских, с Бежбоякова, с Ендаева, с Елесской, с Ближней Карги, с Кузенеевой, с Кызыл Карги, с Кавенской, с Ушерской волости издавна берется ясак в Российскую империю, також и алман на бывшего контайшу и на него Галдан-Цэрэна мягкой рухлядью и железными котлами и кричным железом». Посланник должен был добиваться от ойратов признания этих двоеданцев исключительно российскими подданными, «однако же упорно им в том алмане, который они изстари берут, не отказывать»¹⁷⁴.

Кроме того, в Тобольске майор Угримов получил дополнительные инструкции относительно территориальных претензий к России со стороны Джунгарии: «Ежели Галдан-Цэрэн — зенгорский владелец — будет в конференции представлять о границе, якобы была на Омь-реке и на той Оме имелась засека и на то ему, Галдан-Цэрэну, ответственать: хотя бы в давних годах оная засека и была, то такие засеки везде делаются от набегов неприятельских людей, а не для границы, а границ засеками никогда не бывает, да и при оной Оме-реке границе быть невозможно, понеже и в Семипалатинской крепости имеется каменное здание от бывших сибирских жителей, которые завоеваны российскими войсками, а у зенгорских владетелей каменных зданий не бывает, да и выше Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепости как по Иртышу-реке, так и по сторонам было владение сибирских царей изстари»¹⁷⁵.

Перед майором Угримовым стояла задача добиться от джунгарской стороны обещаний оставить в покое российских ясачных, отклонить все территориальные претензии Галдан-Цэрэна, попытаться убедить ойратов отказаться от сбора алмана с двоеданцев.

Первая встреча русского посланника Л.Д. Угримова с хунтайджи Галдан-Цэрэном произошла 27 апреля 1732 г., а уже 2 мая, во время официальных переговоров, Галдан-Цэрэн поставил перед русским посланником вопрос о границе и территориальных претензиях к России: «Напред сего вверх по Иртышу на Омь-

реке учинена была за границу засека и люди его на тех землях жили, на то какое учинено определение?» В ответ Л.Д. Угримов заявил, что оспариваемые ойратами земли являются террито-рией Российской империи, на них проживают российские подданные, поэтому не может быть речи ни о каком их разграничении. На решительное заявление российского посланника хунтайджи резко возразил, что прииртышские и приобские земли вплоть до устья Черной Оми — это исключительно джунгарская территория¹⁷⁶.

Таким образом, уже первые официальные встречи майора Угримова с Галдан-Цэрэном и его зайсанами показали полярность позиций сторон относительно территориально-пограничного вопроса.

17 мая 1732 г., продолжая переговоры с ойратами, майор Угримов провел рабочую встречу с членами зарго. С джунгарской стороны переговоры возглавлял зайсан Батур, который вновь поднял пограничный вопрос, заявив, что «напред сего учинена была засека по Омь-реку, далее этой речки российские подданные ни для каких промыслов вверх по Иртышу-реке не бывали, а другая речка имеется под Кузнецким уездом, называется Уень, также с Россиею за границу, которая пала в Обь-реку. И называется Черная Омь, а ныне пресупя оные как по Иртышу, так и по Обь-реке российские люди селятся на их землях». Отводя эти обвинения, Угримов заявил зайсанам, что если бы официальная граница действительно проходила по линии, на которую указывают ойратские министры, то существовал бы письменный договор о разграничении, которого на самом деле не имеется. Далее российский посланник отметил, что на территориях, на которые претендуют ойраты, проживали и проживают российские подданные, в частности, по упомянутой реке Омь живут барабинские татары, которые состоят в российском подданстве.

Барабинские татары являлись русско-джунгарскими двоedanцами, и упоминание о них только обострило ход переговоров. Зайсан Батур указал русскому посланцу на двоedanческое положение барабинцев, подчеркнув, что барабинцы, якобы, платят джунгарскому хану алман в количестве пяти соболей с человека (это было лукавством), а российской стороне платят ясак лишь по три соболя.

Обосновывая ойратские территориальные притязания, зайсан заявил, что «по ту сторону реки Оми вырезан был на дереве военный человек на коне при всей военной аммуниции. И положено было, чтоб далее одного знаку российским и их людям не переходить», поэтому «земли по сую сторону Оми-реки вверх по Иртышу их, что мочно и без письменного свидетельства признать»¹⁷⁷.

1 июля 1732 г., принимая российского посланника, Галдан-Цэрэн впервые на переговорах поднял вопрос о подданстве коренного населения Южной и Западной Сибири, заявив, что российские власти, якобы, силой подчинили и обложили ясаком местных жителей, будто бы, издавна бывших в джунгарском подданстве¹⁷⁸.

На следующий день, 2 июля 1732 г., состоялась очередная рабочая встреча майора Угримова с членами зарго. С джунгарской стороны вел переговоры фактический глава ойратского правительства зайсан Харату-Начин, который отметил, что Россия «тому 70 лет как от пяти городов Тобольска, Тары, Томска, Кузнецка и Красноярска начала им обиды чинить. Несколько тысяч кыргызских и теленгутских урянхайцев взято силой. И самих теленгутов и кыргызов задержано с 133 отока, в которых по 400 и по 200 и по 100 и по 50 дымов (аильных семей — О.Б.) было. А из других же силой ясаку собирать не допускают и несколько также в данники привели, которые напред сего николи в российскую сторону ясаку не давали».

А.Д. Угримов, следуя инструкции, отвечал, что перечисленные в джунгарском реестре волости состоят в российском подданстве, «а о двоеданцах, которые платят ясак в обе стороны, им брать запрещеня не было»¹⁷⁹.

На следующей конференции ойратская сторона вновь заявила о том, что ясачное население Южной Сибири и Барабы — джунгарские подданные. Поэтому захваченных во время боевых действий русскими «кыргызов 300 кибиток, да мингатов с 60 кибиток» зайсан Харату-Начин решительно потребовал вернуть в Джунгарию. Угримов, отметая притязания на земли Южной и Западной Сибири, заявил, что «о мингатах он не ведает, а о кыргызах известно, что они напред сего в Россию, в крайние сибирские города и аманатов давали, а потом не токмо оных противностью своею давать перестали, но еще и подданных

тех городов российских обывателей многих в разные времена побили и в полон взяли и несносные им приключили обиды и разорения, за то, может быть, и с ними кыргызами за их противности тогда также поступлено».

Выслушав русского посланца, Харату-Начин, ничего не сказав о кыргызских набегах в Томский, Красноярский и Кузнецкий уезды, снова повел речь об ойратской юрисдикции над населением Алтая и енисейскими кыргызами: «Оные народы, как теленгуты, так и кыргызы, издревле наши, а уранхайцы — кыргызские кыштымы, и у оных народов сначала были оные князья начальниками». Далее зайсан вновь поднял погранично-территориальную проблему, отметив, что земли Южной Сибири и Барабы «по Омь-реку» — территория Джунгарского ханства. Л.Д. Угримов решительно отверг джунгарские притязания на часть Южной и Западной Сибири: «Оные земли не токмо по Омь-реку, но и до вершины всех рек, которые течение свое имеют с Студеное море, все принадлежат к Сибирской губернии». В ответ на это Харату-Начин «говорил с великим сердцем: «Посему ж нигде нам места дать не хотите, а про то ведаете ли, что не токмо нынешние крепости (Ямышевская, Усть-Каменогорская, Семипалатинская, Омская — О.Б.), но и Томск, Кузнецк и Красноярск построены на их земле, на которой еще прежде российских жили их люди... и ссоры всегда были, что не о землях, а о границах, и все ведают, что еще с нашими теленгутами оные границы учинены были, чтоб с обеих сторон далее тех знаков не переходить и промыслов не иметь». Л.Д. Угримов, отвергая претензии на ойратский суверенитет в Южной Сибири, ответил на это, что «на тех землях жили народы вольные, а не их и города построены на сибирских землях больше ста лет», а коренные жители Южной Сибири — подданные России, «а что же и с теленгутов или с других народов некоторые и у них есть, токмо и оные также и во оные города еще прежде подданства зенгорского аманатов давали, ежели б не на российских землях жили, а буде же с теленгутами подлинно когда учинены были границы и о том имеются письма, то б объявили».

Майор заявил, что решение погранично-территориальных споров находится в компетенции российской императрицы, «которая соизволила более положиться на сибирского губернатора, дабы он подлинно справился об оных спорных землях, имеется ли о том

с обеих сторон письменное согласие или нет». Продолжая обсуждение территориальной проблемы, Харату-Начин заметил Л.Д. Угримову: «Наше дело кочевное и всегда бывали в переездах и на службе, то может быть хотя и было (письменное свидетельство о границе с Россией — О.Б.), да утратилось. А вы на одном месте живете, утратиться нельзя»¹⁸⁰. По поводу существовавшего, якобы, пограничного знака на правом берегу Оми зайсан сказал, что «ныне, как построились крепости, ваши люди, может быть, пограничный знак нарочно срубили». Л.Д. Угримов с сарказмом отреагировал на это заявление: «А коли и был такой знак, как вы говорите, а письменного согласия не было, то от маленьких ребят о том и спрашивать большим будет стыдно, понеже всякий на дереве что хочет вырубить может, хотя б и внутрь чьей земли, токмо то за границу и маленький ребенок назвать устыдится»¹⁸¹. После этого обе стороны до конца переговоров больше не возвращались ни к территориально-пограничной проблеме, ни к вопросу о подданстве коренного населения Южной и Западной Сибири, так и не найдя компромиссного их решения.

19 марта 1733 г. Галдан-Цэрэн в последний раз призвал к себе российского посланника Л.Д. Угримова и объявил о своих просьбах к российской императрице. Среди прочих проблем, затронутых хунтайджи, он вновь поднимал вопрос о спорных территориях и подданстве коренного южносибирского населения. Ойратский правитель говорил о, якобы, существовавшей ранее русско-джунгарской границе, обвинил майора Угримова в том, что он «о том деле указывает на сибирского губернатора, а подлинно никакой резолюции не учинил». Хан сообщил, что отправляет вместе с Л.Д. Угримовым в Санкт-Петербург своего посланца для решения погранично-территориального спора, но высказал свое пожелание, что «лучше бы, чтоб оные российские крепости и заводы снять и жить в дружбе, чтоб его перебежчиков отпустить, а об ясачных как согласится». В своем ответе хану Л.Д. Угримов повторил тезис о суверенитете России в Южной и Западной Сибири, однако, заверил ойратского правителя, что российское правительство совместно с сибирским губернатором изучит территориальные претензии Джунгарии, «и потом тогда, надеется он, подлинную резолюцию е.и.в. об оных землях учинить укажет». Л.Д. Угримов заявил также, что с теленгутских

и урянхайских волостей ясак в российскую казну собирается «издревле, чему уже 109 лет, до которых и впредь зборщики зюнгорские не касались, а которые волости сначала платят ясак в обе стороны, с тех его контайшины алманщики и поныне берут без воспрещения». В заключении последней официальной встречи с российским посланником хунтайджи Галдан-Цэрэн констатировал, что ни в территориальном вопросе, ни в вопросе о подданстве аборигенов Южной и Западной Сибири сторонам не удалось найти какое-либо конкретное компромиссное решение: «Вы говорите, что земли ваши, а мы будем говорить, что оные земли наши... также и об ясачных людях, ежели бы они прежде были не наши, и с которых волостей мы ясаку не бирывали, в тех бы и не вступались»¹⁸².

Таким образом, джунгарская знать не отказалась от намерения продолжать эксплуатацию южносибирских двоеданцев, которые, по сути, давно уже проживая на землях, фактически вошедших в состав России, являлись подданными Российской империи.

Несмотря на то, что миссии Угримова не удалось урегулировать российско-джунгарские противоречия по вопросам сбора податей с двоеданцев, российское правительство не отказалось от поиска путей решения проблемы южносибирских двоеданческих волостей и упрочения контроля России на территориях проживания двоеданцев. Начальник Оренбургской экспедиции И. Кириллов в 1734 г. доносил в Коллегию иностранных дел, что ойраты по-прежнему «о многих сибирских землях и ясачных народах претензию... имеют»¹⁸³. В ответ на это из Санкт-Петербурга последовало указание сибирским властям «искать способ, чтоб... зенгорских калмык удержать, дабы они впредь никаких претензий и нападения на сибирские места не чинили, и от всяких податей, которые они с наших подданных, приходя мелкими партиями, берут, освобождения домогаться»¹⁸⁴. Но недостаточное количество российских войск на территории Сибири и настойчивость ойратов в намерении продолжать эксплуатацию сибирских двоеданцев все же вынудили российское правительство смириться с двоеданческим статусом части ясачного населения Южной Сибири и Барабинской низменности. Как отмечалось выше, в сентябре 1738 г. в Тобольске был получен указ Правительствующего Сената, «чтоб зенгорскому

владельцу Галдан-Чирину с подданных российских ясачных волостей, с которых прежде збиран был на него, Галдан-Чирина, алман, и ныне в том запрещения не чинить»¹⁸⁵. Российские власти таким образом стремились сгладить проблемы двоеданцев и принадлежности буферных территорий во взаимоотношениях с Джунгарией. Крупных конфликтов в этот период на почве перечисленных проблем между Россией и Джунгарским ханством, действительно, не было, но стычки время от времени в буферной зоне все же имели место. Так, в декабре 1740 г. под Ямышевскую крепость прибыло джунгарское войско под командованием Уралчурал-кашки, направлявшееся в Казахстан. Ойраты говорили русским: «Вы, де, живете на нашей земле и едите, и пьете, и носите все, де, наше, и соль берете нашу ж, де, и чем, де, мы вас хуже собак», провоцируя русских на вооруженное столкновение. Ямышевские власти на эту провокацию не поддались и избежали военного конфликта¹⁸⁶.

После смерти в 1745 г. хунтайджи Галдан-Цэрэна и последовавшими за этим событием княжескими усобицами и, как следствие, ослаблением Джунгарского ханства¹⁸⁷ у России появилась возможность пресечь алманские сборы с двоеданцев. В конце 1745 г. власти Кузнецка запретили кумандинцам и ясачным Кондомских волостей платить алман железными изделиями¹⁸⁸. Тогда же из Коллегии иностранных дел в Сибирь пришло указание не пропускать ойратских алманщиков далее Иртышских крепостей¹⁸⁹. Весной 1747 г. указом российской императрицы было запрещено пропускать алманщиков через территорию Кольвано-Воскресенских заводов¹⁹⁰. Таким образом, Россия, формально признавая право ойратов собирать алман с двоеданцев, фактически предпринимала попытки свести к минимуму возможность проникновения алманщиков в двоеданческие волости и, тем самым, принудить Джунгарию отказаться от сбора податей с южносибирских двоеданцев. В то же время сами двоеданцы все чаще стали отказываться платить алман или уклоняться от его уплаты. Так, в 1752 г. отказался дать алман ойратам башлык (старшина) одной из Мрасских волостей Ебога и, как сообщают источники, «бегаёт» от алманщиков «со своею волостью». Тогда же «бежал от того платежа» и «не отдавал на нынешний год» алман башлык Капыштак¹⁹¹. Зимой 1752–1753 гг. отказались платить подати

джунгарам кумандинцы, заявив алманщикам, что «они без позволения державы Российской этого сделать не могут»¹⁹². Джунгария, таким образом, начала окончательно терять свое влияние в Южной и Западной Сибири.

Система русско-джунгарского двоеданничества целого ряда этнических групп Южносибирского региона, фактически просуществовавшая здесь почти полтора столетия, прекратила свое существование в результате разгрома Джунгарского ханства цинским Китаем в 1755–1758 гг.¹⁹³ В условиях цинской агрессии в Центральной Азии, которая непосредственно затронула территорию Горного Алтая¹⁹⁴, где проживали кузнецкие двоеданцы, перед российскими властями встал вопрос о защите их от посягательств со стороны Китая. Первоначально предполагалось переселить бывших кузнецких двоеданцев в непосредственную близость к русским крепостям, но выяснилось, что здесь отсутствуют в достаточном количестве промысловые угодья и зимние пастбища. Поэтому в 1757 г. сибирские власти приняли решение оставить кузнецких двоеданцев в местах их традиционного проживания¹⁹⁵. Для защиты бывших двоеданцев от возможной внешней агрессии власти предполагали построить сеть оборонительных сооружений, которая бы закрыла территорию бывших двоеданческих волостей¹⁹⁶.

Таким образом, проблема статуса двоеданцев Южной и Западной Сибири и принадлежности территорий их проживания играла важную роль в российско-джунгарских отношениях в первой половине XVIII в. Система двоеданничества в Южной и Западной Сибири выполняла своеобразную буферную роль и сдерживала возникновение крупных военных конфликтов между Россией и Джунгарией. Стороны пытались урегулировать вопрос о двоеданцах путем переговоров, но равновесие военных сил в регионе, взаимная неуступчивость, настойчивость джунгарских правителей в намерениях эксплуатировать ясачное население, проживающее на землях, фактически ставших неотъемлемой частью России, не позволили найти компромиссное решение этой проблемы. С ослаблением Джунгарии к середине XVIII столетия и принятием со стороны России ряда мер по пресечению алманских сборов в Южной Сибири и Барабе ойраты быстро начали терять свое влияние в этом регионе. Повидимому, Россия могла бы в одностороннем порядке покончить с двоеданничеством в Южной и Западной Сибири. Однако система русско-

джунгарского двоеданничества была ликвидирована в ходе разгрома Джунгарского ханства Цинской империей в 1755–1758 гг., правители которой также заявили претензии на земли двоеданцев Горного Алтая.

Примечания

1. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 50 об.
2. Златкин И.Я. История джунгарского ханства... С. 222.
3. Там же. С. 222–223.
4. Памятники сибирской истории XVIII века. Книга 1. 1700–1713. СПб., 1882. С. 68–73.
5. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1739 г. Д. 1. Л. 278 об.
6. Там же. 1731–1733 гг. Д. 1. Л. 136.
7. Там же. Д. 2. Л. 46–47 об.
8. Там же. Л. 36–38.
9. Там же. Л. 63 об.–64.
10. Там же. Л. 34.
11. Там же. Л. 437 об.
12. Там же. Д. 2. Л. 50 об.–51.
13. Буганаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 207–209.
14. Там же. С. 206–207.
15. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1725–1729 гг. Д. 11. Л. 220 об.
16. Там же. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 45–45 об.
17. Там же. Л. 38 об.–39.
18. Там же. Л. 51–51 об.
19. Там же. Л. 51 об.–52.
20. Там же. Л. 45 об.–46.
21. Там же. Л. 46 об.–47.
22. Там же. Л. 49.
23. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 218.
24. Козьмин Н.Н. Хакасы... С. 54; Абдыкалыков А. Енисейские кыргызы в XVII веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1964. С. 12.
25. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев... С. 114.

26. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 117.
27. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 21.
28. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1738 г. Д. 2. Л. 77.
29. Там же. 1741 г. Д. 1. Л. 48.
30. Там же. 1731–1733 гг. Д. 3. Л. 3.
31. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 10.
32. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев...С. 114.
33. РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 5. 1704–1708 гг. Д. 1008. Л. 19 об.
34. Слобцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 111.
35. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 209–211.
36. Потапов Л.П. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953. С. 74–75.
37. См.: Потапов Л.П. Народы Южной Сибири...; Потапов Л.П. Краткие очерки по истории и этнографии хакасов. Абакан, 1952.
38. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 218.
39. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978. С. 135.
40. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 20.
41. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке... С. 12–13.
42. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 206.
43. Там же. С. 209.
44. РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 5. 1704–1708 гг. Д. 1008. Л. 19 об.
45. Там же. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 22 об.
46. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1722–1723 гг. Д. 1. Л. 12 об.
47. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 216.
48. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1739 г. Д. 1. Л. 272.
49. Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV–XVIII вв. // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 1994. С. 15.
50. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1734 г. Д. 3. Л. 1 об.
51. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство... С. 12; Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII вв. Элиста, 1993. С. 170.
52. Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 185; Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 2... С. 189–194; Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в... С. 88–89.

53. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Ч. 2... С. 192.
54. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в... С. 89.
55. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 439–440.
56. Там же. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 27.
57. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 19 об.–23 об.; АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 1. Л. 181; Там же. Д. 3. Л. 3.
58. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 27.
59. Там же. Л. 32–33 об.
60. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 48.
61. Там же. Л. 34.
62. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 32–33 об.
63. Там же. Л. 29 об.
64. Там же. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731–1732 гг. Д. 12. Л. 153–153 об.
65. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 48.
66. Там же. Л. 49.
67. Исупов С.Ю. Основные моменты истории Сибирского корпуса в первой половине XVIII в. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 235.
68. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755 г. Д. 3. Л. 15 об.
69. Там же. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 37–48 об.
70. См.: Моисеев В.А., Алдабекова Н.А. Джунгарское ханство в период правления Ламы-Доржи (1750–1752 гг.) // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1986.
71. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 89.
72. Там же. Л. 93–93 об.
73. Там же. Л. 105 об.–106.
74. Там же. Л. 27 об.–28.
75. Там же. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 47 об.–49.
76. Там же.
77. Там же. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 27 об.–28.
78. См.: Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. М., 1980. С. 19–32.

79. См.: Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая... С. 34; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке... С. 15.
80. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII веке. Этюды по истории Сибири. Минусинск, 1913. С. 27–31.
81. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1738 г. Д. 2. Л. 79 об.–80.
82. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII веке... С. 33.
83. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1751–1760 гг. Д. 2. Л. 43–47.
84. Там же. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 1. Л. 141 об.
85. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в... С. 31.
86. Бутанаев В.Я. Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII вв... С. 215–216.
87. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в... С. 35.
88. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978. С. 129.
89. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1726–1727 гг. Д. 11. Л. 9.
90. Там же. Л. 18 об.
91. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1... С. 129.
92. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1726–1727 гг. Д. 11. Л. 454.
93. См.: Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в... С. 41–50.
94. Русско-китайские отношения. 1689–1916 гг. Официальные документы. М., 1958. С. 11–12; Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII... С. 49–53.
95. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая... С. 132; 130.
96. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 1. Л. 141.
97. Там же. Д. 2. Л. 509 об.
98. Там же. Л. 52–52 об.
99. Там же. Д. 1. Л. 136 об. О постройке Бикатунского острога см.: Уманский А.П. Указная грамота Петра Великого о сооружении Бикатунского острога // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995.
100. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 55 об.
101. Там же. Л. 67.

102. Там же. Л. 26–26 об.
103. Там же. Л. 54–54 об.
104. Там же. Л. 53.
105. Там же. Л. 54–57.
106. Там же. Л. 217.
107. Там же. Л. 67 об.–68.
108. Там же. Л. 42.
109. Там же. Л. 27–27 об.
110. Там же. Л. 439–440.
111. Там же. Л. 58–59 об.
112. Там же. 1750 г. Д. 1. Л. 42 об.–43 об.
113. Там же. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 510.
114. Там же. Л. 75 об.–76.
115. Там же. Л. 82–82 об.
116. Там же. Л. 70–72 об.
117. Там же. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1727 г. Д. 26. Л. 7 об.
118. Там же. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Д. 2. Л. 507–508 об.
119. Там же. Л. 508.
120. Модоров Н.С. Важный источник для изучения истории населения Алтая XVII – первой половины XVIII в. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 205–206.
121. Гришаев В.Ф. Путешествие Петра Шелегина к Телецкому озеру // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 240–244.
122. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. (Далее – ЦХАФ АК). Ф. Кольвано-Воскресенское горное начальство. Оп. 1. 1745 г. Д. 4. Л. 107 об.–110 об.
123. Садовой А.Н. К проблеме определения правового статуса автохтонного населения Южной Сибири. (XVIII–XX вв.) // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура. Бийск, 1999. С. 75.
124. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1738 г. Д. 2. Л. 174 об.
125. Там же. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 34–36 об.
126. Там же. Л. 2–3.
127. Там же. Л. 1–13.
128. Там же. Л. 25–26 об.
129. Там же. Л. 25 об.
130. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая... С. 25.
131. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке... С. 15.

132. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1739 г. Д. 1. Л. 280–282 об.
133. Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 172–173.
134. Уманский А.П. Указная грамота Петра Великого о сооружении Бикатунского острога // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995. С. 183.
135. О колонизации Верхнего Приобья см.: Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974.
136. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 1. Л. 136 об.
137. См., например: АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 26–26 об., 64 об.–67.
138. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 13–13 об.
139. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 104 об.–105.
140. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 13–13 об.
141. Там же. Л. 13 об.–15 об.
142. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 97–100.
143. См.: Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухгольца и основание Омской крепости // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 47–59; Касымбаев Ж.К. Экспедиция Бухгольца и создание Прииртышских крепостей в начале XVIII в. // Исторические науки. Межвузовский сборник. Вып. 1. Алма-Ата, 1974; Семипалатинск. Алма-Ата, 1984; Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Кн. 3. М., 1989. С. 10–35; Моисеев В.А. Экспедиции И.Д. Бухгольца и И.М. Лихарева в верховья Иртыша в 1714–1720 гг. и их влияние на русско-джунгарские отношения // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. Барнаул, 1997. С. 100–115.
144. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 41 об.
145. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 19 об.–23 об.
146. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке... С. 35–36.
147. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 27.
148. Там же. Л. 24 об.–26.

149. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1... С. 252–253.
150. См.: Веселовский Н.И. Посольство к зюнгорскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб., 1887; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке... С. 41–51.
151. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 73.
152. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 27 об.
153. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии... С. 85.
154. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке... С. 47.
155. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 28.
156. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 181.
157. Там же. Л. 179.
158. См.: Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVII–XIX вв. М.-Л., 1949; Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. Новосибирск, 1963.
159. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 1. Л. 95 об.
160. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае... С. 17.
161. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 44–44 об.
162. Там же. Л. 30 об.
163. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 1. Л. 84–84 об.
164. Там же. Л. 94.
165. Там же. Л. 84.
166. Там же. Л. 4.
167. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке... С. 79.
168. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 2. Л. 90–90 об.
169. Там же. Д. 1. Л. 90–91.
170. Там же. Д. 2. Л. 3 об.
171. Там же. Д. 1. Л. 503.
172. Там же. Л. 421 об.–435.
173. Там же. Л. 504.
174. Там же. Л. 504 об.–505.
175. Там же. Д. 2. Л. 362–362 об.
176. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 32–32 об.
177. Там же. Л. 32 об.–33.
178. Там же. Л. 34.

179. Там же. Л. 34–35.
180. Там же. Л. 38–40.
181. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 3. Л. 41 об.
182. РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 40–41 об.
183. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. С. 119.
184. Казахско-русские отношения... С. 115.
185. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1742 г. Д. 2. Л. 189 об.
186. Валиханов Ч.Ч. Архивные материалы о русско-джунгарских отношениях // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 4. Алма-Ата, 1985. С. 211.
187. См.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983; Кузнецов В.С. Амурсана. Новосибирск, 1980; Моисеев В.А. Русские архивные материалы о положении Джунгарского ханства в 1745–1749 гг. // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1984. Моисеев В.А., Алдабекова Н.А. Джунгарское ханство в период правления Ламы-Доржи (1750–1752 гг.) // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1986; Моисеев В.А. Борьба Даваца с Амурсаной и позиция Аблая // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1988; Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. Барнаул, 1998.
188. ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
189. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 37–38 об.
190. Там же. Л. 44 об.–45 об.
191. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1866. С. 67.
192. АВПРИ. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746–1754 гг. Д. 1. Л. 45 об.
193. См.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983; Кузнецов В.С. Амурсана. Новосибирск, 1980; Кузнецов В.С. Из истории завоевания Джунгарии Цинской империей // Народы Азии и Африки. 1970. № 3; Ходжаев А. Захват Цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана. Борьба против завоевателей // Китай и соседи в Новое и Новейшее время.

- М., 1982; Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1983; Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. М., 1980; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. Барнаул, 1998; Тыжнов И.И. Падение Джунгарии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей XVIII— XX вв. Томск, 1999.
194. См.: Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в...
195. Архив Государственного совета. Т. 2. СПб., 1869. С. 255.
196. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири... С. 94—97.

Глава III.

Русско-китайское двоеданничество на юге Горного Алтая (вторая половина XVIII — 60-е гг. XIX вв.)

3.1. Вторжение войск Цинской империи в Горный Алтай в 50-е — 60-е гг. XVIII в. и установление двоеданничества телесов и теленгитов в Чуйских волостях

В ходе разгрома Китаем Джунгарского ханства в 1755–1758 гг. территория Горного Алтая также стала объектом цинских вторжений. Перед лицом агрессии большинство южных алтайцев приняло подданство России¹. Прием алтайцев в российское подданство осуществлялся сибирскими властями по указу Коллегии иностранных дел о приеме бывших «зенгорских зайсанов» с их подвластными в подданство России от 2 мая 1756 г.² и правительственного указа от 2 июня 1756 г. о включении Горного Алтая в состав России³. Однако, воспользовавшись географической отдаленностью южных районов Горного Алтая от российских военных линий, фактической невозможностью со стороны России в данный период полностью воспрепятствовать проникновению в Горный Алтай военных отрядов со стороны Монголии, Цины подчинили жителей бассейна реки Чуи и Улаганского плоскогорья. В китайских источниках эта территория именуется Алтаннорским Урянхаем⁴. Как явствует из цинских документов, старшины двух южноалтайских волостей — телесский зайсан Ярынак и теленгитский зайсан Телбек добровольно перешли в китайское подданство⁵. Согласно легенде, которая сохранилась в памяти телесов и теленгитов в конце XIX в., два старшины из родов Кебек и Телес — Телбек и Ярынак — добровольно пришли к цинским военачальникам и просили

принять их вместе с подчиненным им населением в цинское подданство, за что были «пожалованы» Цинами правом наследственного зайсанства⁶. Китайские источники также свидетельствуют, что, пытаясь установить формальную юрисдикцию над Алтаннырским Урянхаем, цинские власти, «утвердив» за родами Телес и Кебек, к которым принадлежали Ярынак и Телбек, право наследственного зайсанства, присвоили Ярынаку и Телбеку титулы «управителей третьего ранга»⁷.

В конце 1757 г. к телесам впервые прибыли маньчжурские сборщики алмана «и збирали с них, телесцов, по соболу с человека, а с 1758 года будут собирать уже по шести соболей с человека». По другим сведениям, цинские алманщики определили для телесов на 1758 г. норму подати в размере 8 шкурочек ценного меха⁸. Однако к этому времени телесы и теленгиты южных районов Горного Алтая являлись уже подданными России. Так, позже в рапорте в Коллегию иностранных дел от 29 июля 1763 г. генерал-майор фон Фрауендорф отмечал, что по рекам Чулышман и Башкауз кочуют двоеданцы кузнецкого ведомства, причем фон Фрауендорф четко различает этих «старинных двоеданцев» (т.е. телесов) от «бывших зенгорских урянхайцев и калмыков»⁹. Один из кебекских старшин, Танжиан¹⁰ с подчиненными ему людьми принял присягу на верность России и вступил в российское подданство в 1756 г.¹¹ Телесы еще в начале 1755 г. заявляли цинским представителям, что они являются подданными Российской империи¹².

Источники свидетельствуют, что подчинение Цинам было для населения Улаганского плоскогорья и бассейна реки Чуи вынужденной мерой из-за опасности полного их уничтожения или переселения в Монголию. Во время маньчжурской агрессии в Горный Алтай телесы и теленгиты южных районов Горного Алтая оказали активное сопротивление. По словам сборщика ясака Алексея Бутримова, телесы «для опасности» от цинских войск «строили две крепости для сбережения» — за Телецким озером в устье Чулышмана и в пятидесяти верстах вверх от устья Чулышмана¹³. Чуйские теленгиты для обороны от захватчиков соорудили крепость близ перевала Белькенектин-Погочозы, у впадения речки Келенде в Чую. Здесь, у т.н. крепости Шилэ, произошло сражение между теленгитами и цинскими войсками. Недалеко от бывшей крепости, в местечке Бичиктюкай, на скале

сохранились надписи на китайском и монгольском языках, свидетельствующие о том, что здесь теленгиты были достигнуты маньчжурами¹⁴. И после принятия цинского подданства телесскими и кебекскими старшинами далеко не все подчиненное им население добровольно последовало за ними. Российским властям вскоре стало известно, что для переселения непокорных телесов в Монголию в верховья Чулышмана Цинами был специально направлен отряд «мунгальцев»¹⁵. В 1758 г. отказались платить алман Цинам чуйские теленгиты. Бежавший из российского подданства кебекский старшина Танжиан совместно с перешедшим на сторону Китая зайсаном Боохолом¹⁶ напал на чуйских теленгитов, силой собрал с них алман в пользу Цинов и увел несколько теленгитских семей в китайские пределы¹⁷. В том же, 1758 г., теленгитские кочевья на Чуе погромили «мунгальцы», угнав часть населения «в полон к себе»¹⁸. После этих карательных экспедиций, направляемых Цинами, телесы и чуйские теленгиты были вынуждены смириться с положением данников Китая.

После событий 1756 г., связанных с принятием уцелевшими жителями Джунгарии, в том числе южными алтайцами, российского подданства, отношения между Россией и Китаем резко обострились. Китайская сторона, рассматривавшая Горный Алтай и его население как часть завоеванного «джунгарского наследства», не признала вхождение Горного Алтая в состав России. Еще 13 октября 1756 г. российский Сенат получил послание из китайского Лифаньюаня (Палата внешних сношений и управления вассальными территориями) с требованием выдать алтайцев, принявших российское подданство. 20 мая 1757 г. Сенат отправил в Лифаньюань ответ, в котором говорилось, что российская сторона будет и впредь «зенгорцев (т.е. не только ойратов, но и представителей иных этнических групп из числа бывших подданных Джунгарии — О. Б.) которые в подданстве е.и.в. быть пожелают, в здешнюю сторону принимать, ибо когда с вашей, китайской стороны, военные против одного народа действия производились без предварительного о том в здешнюю сторону сообщения, то следовательно и в разсуждении принимаемых ныне в подданство е.и.в. с китайскою стороною соглашаться потребности уже не было»¹⁹. Россия аргументировала право приема южных алтайцев в свое подданство тем, что они «напред сего

ни в чем подданстве не были, а состояли сами собой и под особливим владельцев своих (т.е. джунгарских ханов — О. Б.) правлением»²⁰.

Представители сибирских властей доносили в 1759 г. в Санкт-Петербург, что без возведения в Горном Алтае специальной укрепленной военной линии и увеличения численности войск в Южной Сибири предотвратить цинские вторжения в Горный Алтай и защитить от Цинов алтайцев, принявших российское подданство и оставшихся для дальнейшего проживания в горах, невозможно²¹. Поэтому российское правительство было вынуждено значительно расширить военно-оборонительные мероприятия в Южной Сибири. Указами Правительствующего сената командованию Отдельного Сибирского корпуса было предписано предпринять ряд мер по укомплектованию полков полным составом и приведению войск в боевую готовность²². Для укрепления обороны южных рубежей Сибирской губернии было решено перевести сюда дополнительные регулярные и иррегулярные воинские части в составе армейского драгунского полка, тысячи донских и тысячи яицких казаков, а также двух тысяч служилых башкир²³. В марте 1760 г. российскому правительству представил свои соображения о постройке укрепленных пунктов от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера сибирский губернатор Ф.И. Соимонов. 24 ноября 1760 г. Ф.И. Соимонов получил указ е.и.в. «о занятии мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера»²⁴. В 1761 г. сибирский губернатор отдал секретный приказ Кольвано-Воскресенскому горному начальству организовать военную экспедицию «упред к могущему с китайской стороны оных земель занятию... при устье реки Бахтурмы делать крепость для знаку о том занятии» и постройки оборонительной линии до Телецкого озера²⁵. К 1762 г. была создана Кольвано-Кузнецкая военная линия, протянувшаяся через реку Чарыш (Верхне-Чарышская крепость) и реку Катунь (Катунская крепость) к Бийской крепости, а затем к Кузнецку²⁶. Однако постройка этой оборонительной линии не решила задачи закрытия алтайских кочевий со стороны Цинской империи. Цинские власти, в свою очередь, в 1761 г. устроили несколько пограничных пикетов, а именно Чингистай, Урик, Усуп, Табагры, Чиндагатуй, Укоп, Джидарь, Тархаты, Суок, Юстыд и Кок-Куль, которые должны

были защитить китайские пределы со стороны Горного Алтая²⁷. В то же время Цины в начале 60-х гг. XVIII в. не прекращали попыток подчинить население Горного Алтая своей власти, направляя сюда военные отряды. В феврале 1763 г. китайский подданный зайсан Чадак с тремя тысячами воинов вторгся в кочевья алтайцев²⁸. Об этом сообщил коменданту Бийской крепости полковнику Дегарриге алтаец Петр Мокин, прибывший от зайсанов Намки и Кутука. Он рассказал, что отряд Чадака разгромил кочевья зайсана Кукшина на реке Тенге и старшины Кокояна на реке Куранде. Зайсан Кукшин, по словам Мокина, был обезглавлен и «желчь у него вынята», Кокояну удалось бежать²⁹. Во время этого набега было убито 27 «ясашных татар» ведомства зайсана Кукшина, 17 мужчин было захвачено в плен, а «женска де сколько побито и в плен уведено» не известно³⁰. У старшины Кокояна было убито 10 человек, а «протчия з женами и з детьми и со всем скотом и с пожитками», в том числе жена и дети самого Кокояна, были взяты в плен³¹. Кроме того, Чадак разгромил кочевья зайсанов Кутука и Намки. У Кутука было угнано «собственных ево и улусных» 118 лошадей, а у Намки — 123 лошади, «да из ево же улуса взято в плен семь юрт со всеми людми, скотом и шкарпом»³².

18 февраля 1763 г. из цинского плена в Бийскую крепость прибежал алтаец ведомства Кутука Кучум Берды Мамутов. Он сообщил, что один из цинских командиров Амжун-Мухатан на допросе спрашивал Кучума о его подданстве, на что тот ответил, что «он и товарищи ево ясашные и состоят в российском подданстве». Кучум Берды с явным преувеличением описал на допросе военные возможности Бийской крепости, «в которой командует полковник... у которого тысяч до пяти конного войска готового всегда состоит, а пушек он видел со сто, а уповательно есть под скрытом и больше». Услышав это, «мунгальский начальник Мунажак немало дивился... возымел страх и приказал его Кучум Берду и с ним девять человек освободить и отпустить на прежние жилища с такими словами, что им де ясашных не надо... что они потому освобождаются, ибо де Китайское государство с Россиюю находятца дружелюбно и согласно»³³. После этих событий российские власти рекомендовали алтайским зайсанам перекочевать ближе к русским крепостям, т.к. в ином случае «о их благополучном пребывании обстоятельных известив получить не

можно». Алтайцам было также приказано ни в коем случае не допускать воровства и отгона скота у «уряныхайцев известной Садацкой (т.е. зайсана Чадака — О. Б.) волости», подчиненной Китаю³⁴. Кочевья зайсана Чадака находились «по вершинам реки Чулышмана и Башкауса, впадающим в Телецкое озеро со здешними кузнецкого ведомства двоеданцами (т.е. телесами — О. Б.) почти смежно»³⁵.

Российское правительство с самого начала выражало желание дипломатическим путем урегулировать с Китаем спорные вопросы о прохождении границы на Алтае и подданстве алтайцев. 28 августа 1762 г. Екатерина II приняла решение о направлении в Китай «знатного посольства» во главе с графом И.Г. Чернышевым. Посольство должно было объявить маньчжурскому двору о восшествии на престол русской императрицы, а главное, «разобрать обоюдные пограничные распри» и «утвердить соседственную дружбу и согласие». Подготовить такого рода миссию поручалось капитан-поручику И.И. Кропотову, который прибыл в Пекин летом 1763 г. Однако инициатива российского правительства была фактически отвергнута императором Хун Ли (девиз правления Цяньлун), и поездка И.И. Кропотова не увенчалась успехом³⁶. В сентябре 1764 г. правительство России признало необходимым снова обратиться к цинскому правительству с предложением о разграничении владений на Алтае. Выполняя указания из Санкт-Петербурга, новый командующий Сибирскими военными линиями генерал-поручик И.И. Шпрингер в начале января 1765 г. отправил монгольским пограничным управителям в Ургу письмо, в котором уведомлялось о «склонности высочайшего моего двора к любовному в тех местах (на Алтае — О. Б.) разделению границ». Но и это мирное предложение не вызвало адекватной реакции китайской стороны³⁷. Летом 1765 г. командующему Кольвано-Кузнецкой военной линией генерал-майору Деколонгу стало известно, что в районе Телецкого озера и в верховьях Катуня снова появились «мунгальские войска в немалом числе», однако на этот раз цинский отряд не предпринял активных враждебных действий против алтайцев³⁸. К концу 60-х гг. XVIII в. обстановка на российско-китайских рубежах в Центральной Азии стабилизировалась. Г.П. Самаев связывает прекращение цинских вторжений в Горный Алтай в значительной мере с участвовавшими набегами на алтайцев на рубеже 50-х —

60-х гг. XVIII в. со стороны казахов. «Небольшие цинские отряды», по его словам, опасались подвергнуться нападениям со стороны казахов³⁹. Однако эти причины, на наш взгляд, были значительно глубже. Казахские набеги на чуйских теленгитов, действительно, имели место⁴⁰, однако не они были главной причиной прекращения цинских вторжений в Горный Алтай.

В условиях своего нестабильного положения на завоеванных территориях Центральной Азии⁴¹ Цины не могли развязать войну против России. До российского военного командования в Сибири и позже неоднократно доходили слухи о концентрации цинских войск на подступах к Горному Алтаю. Так, в 1777 г. командующему на военных линиях генерал-поручику А.А. Ирману доложили, что у Кольвано-Воскресенских заводов появился передовой цинский отряд в 800 человек, «а позади к нашим российским границам», якобы, направляется большое китайское войско. Однако посланная в китайские пределы разведка донесла, что «нигде никаких китайских движений и зборищ также и злых на российской границе намерений и предприятий нет»⁴². По сведениям разведки, в сопредельных с Горным Алтаем китайских крепостях, в Кобдо «для содержания караулов войска десять тысяч, а в Чугучаке три тысячи человек, и с коих и сии караулы содержатся... Войска их в весьма слабом состоянии, вооружены копьями и садуками и весьма у редких ружья, которые для содержания линии приходят обыкновенно в начале апреля и в сентябре возвращаются внутрь границ»⁴³. Но даже эти сведения о численности цинских войск в Синьцзяне сильно преувеличены. Такие войска могли защитить китайские владения от набегов кочевников, но вряд ли представляли серьезную опасность для России. Таким образом, к концу XVIII в. никакой значимой угрозы российским подданным с сопредельной китайской территории в Центральной Азии больше не существовало. Однако, несмотря на стабилизацию положения в регионе, пограничный вопрос в Горном Алтае надолго остался открытым. Значительная удаленность кочевий телесов и теленгитов Улаганского плоскогорья, бассейна Чуи и Аргута от российских крепостей и оборонительных линий, высокогорное положение и труднодоступность этих районов, немногочисленность российских войск на сибирских военных линиях и нежелание российской стороны (как впрочем, и Цинов) вступить в открытый военный конфликт послужили

причиной того, что российская администрация не смогла оградить население этих районов Горного Алтая от цинского влияния. Цинская сторона не решалась, да и не имела сил, закрыть территорию т.н. Алтаннорского Урянхая своими пограничными войсками. Южные районы Горного Алтая превратились в своеобразную буферную зону между российскими и цинскими владениями. Это соответствовало, в принципе, традиционной китайской стратегии, направленной на создание буферных зон по периметру своих рубежей. На осуществление Китаем политики по созданию территориального буфера на рубежах с Россией еще в XIX в. указал известный русский китаевед В.П. Васильев⁴⁴. К слову, подобную буферную роль играла для Китая, например, территория Тувы. Россия и Китай считали население Улаганского плоскогорья, бассейна Чуи и Аргута находящимся в своем подданстве: Россия в силу того, что телесы считались ее подданными еще с первой половины XVII в., чуйские теленгиты принимали русское подданство в 1756 г., Цины считали подчинение населения данного района в 1757 г. и обложение его своими податями законным, т.к. они претендовали на все «джунгарское наследство», к которому относили территорию и население Горного Алтая. В то же время ни Россия, ни Китай практически не препятствовали друг другу в сборе податей с населения бассейнов Чуи, Аргута и Чулышмана. Таким образом, в районе т.н. Алтаннорского Урянхая, т.е. в кочевьях телесов Улаганского плоскогорья и чуйских и аргутских теленгитов, утвердилась своеобразная система русско-китайского двоеданничества и двоеподданства.

3.2. Чуйские двоеданцы между Россией и Китаем

В исторической литературе чуйскими двоеданцами именуют этнические группы, состоящие преимущественно из теленгитов и телесов⁴⁵, кочевавших в бассейнах рек Чуи и Аргута и на Улаганском плоскогорье. В китайских источниках территория расселения чуйских двоеданцев называется Алтаннорским Урянхаем⁴⁶, который охватывал земли на севере до притока Чарыша реки «Байхэ» (Белой — О. Б.), на юге доходил до истоков реки «Чуйхэ» (Чуи — О. Б.), на западе достигал реки Иртыш,

на востоке и северо-востоке примыкал к т.н. Танну-Урянхаю⁴⁷. Отечественные исследователи следующим образом ограничивают ареал расселения чуйских двоеданцев: В.И. Вербицкий, один из пионеров изучения алтайцев, определял территорию кочевий двоеданцев по рекам Чуе, Башкаусу и Чулышману, в Курайской и Чуйской долинах и по реке Тополевке, впадающей в Аргут⁴⁸. Подробный материал о расселении двоеданцев содержится в дневниковых записях В.В. Радлова, который с 1860 по 1870 гг. четыре раза посетил их кочевья. В.В. Радлов подчеркивал, что устье реки Чуи являлось местом кочевий верноподданных алтайцев, а двоеданческие кочевья начинались значительно выше места впадения в Чую реки Йюдро, в устье реки Вана (недалеко от современного селения Чибит — О.Б.). Далее, вверх по Чуе, значительное число двоеданцев кочевало на территории Курайской котловины⁴⁹. В Чуйской котловине, по сведениям исследователя, двоеданцы кочевали преимущественно в северо-западной ее части, меж озер и по берегам горных речек. Южная часть Чуйской степи, по сообщению ученого, оказалась безлюдной⁵⁰.

В 1861 г. В.В. Радлов исследовал район Телецкого озера и Улаганского плоскогорья. По его сведениям, здесь двоеданцы кочевали компактно в устье реки Толыш (река впадает в Телецкое озеро в его наиболее узком месте), по Чулышману вверх до устья впадающего в него Башкауса и выше по Башкаусу и Чулышману⁵¹. По словам самих двоеданцев с Чулышмана, граница их кочевых и охотничьих угодий с кочевыми и охотничьими угодьями тувинских урянхайцев-сойонов, которые были цинскими подданными, проходила по реке Чульче, впадающей в Чулышман, хотя часто двоеданцы охотились в угодьях урянхайцев, доходя до озера Кара-Холь, а урянхайцы, в свою очередь, переправлялись на правый берег Чульчи⁵². Река Чульча впадает в Чулышман в среднем его течении. Подтверждение того, что здесь проходила граница кочевий двоеданцев, урянхайцев ведомства Чадака и урянхайцев-соенов, часть которых кочевала в верховьях Чулышмана и Башкауса, содержится в архивных документах XVIII в.⁵³ Таким образом, кочевья чуйских двоеданцев включали в себя территорию горных долин бассейна среднего течения и верховий Чуи, а также долин бассейна нижнего и среднего течения Чулышмана и Башкауса, отчасти — бассейна Аргута.

В российских источниках второй половины XVIII в. южно-алтайские двоеданцы именуются Телесскими волостями, в начале XIX в. за этими волостями закрепились названия «Первая тау-телеутская волость» и «Вторая тау-телеутская волость», а с середины XIX столетия двоеданцы фигурируют в русских документах, как «Первая чуйская волость» и «Вторая чуйская волость»⁵⁴. По мнению А.П. Потапова, жители Первой чуйской волости кочевали в бассейне рек Чуи и Аргута, а население Второй чуйской волости — в бассейне Чулышмана и Башкауса⁵⁵. Однако некоторые факты ставят под сомнение это утверждение А.П. Потапова. Так, например, в 1826 г., по сведениям А.А. Бунге, часть двоеданцев Первой чуйской волости кочевала в бассейне Чуи, но большая часть кочевников той же волости — в бассейне Чулышмана. В это же время двоеданцы Второй чуйской волости кочевали в долинах Чуи и Башкауса⁵⁶. В более поздней своей работе А.П. Потапов косвенно признает ошибочность своих суждений относительно расселения чуйских двоеданцев, отмечая, что «алтайская дючина, как и Чуйская волость, не имели твердых или устойчивых территориальных границ. Состав такой административной единицы определялся не территорией, а населением, приписанным к ней, вне зависимости от того, на какой территории проживали кочевники данной дючины или волости»⁵⁷.

Язык, на котором говорили чуйские двоеданцы, практически ни чем не отличался от языка других алтайцев⁵⁸, но, несмотря на это, коренные жители Горного Алтая определяли в XIX в. район кочевий двоеданцев термином «Чуй-да» (на Чуе) и отличали его от ареала кочевий верноподданных алтайцев — «Алтай-да» (на Алтае)⁵⁹. Все чуйские двоеданцы, независимо от конкретного места их кочевий, называли себя «Чу-кижи» (люди с Чуи) и отличали себя от жителей западной части Горного Алтая — «Алтай-кижи» (людей с Алтая) и «йиш-кижи» (людей черного леса), селившихся севернее Телецкого озера и восточнее Катуня⁶⁰. Большинство двоеданцев, кочевавших в районе реки Чуи, называли себя «теленгит», а большинство жителей бассейна Чулышмана — «телес»⁶¹. Кроме того, в зависимости от мест конкретного проживания, двоеданцы могли называть себя «Чу-кижи» (люди с Чуи), «Башкаус-кижи» (люди с Башкауса), «Чулышман-кижи» (люди с Чулышмана)⁶².

Что касается численности чуйских двоеданцев, то, по сведениям, приводимым Г.П. Самаевым, в 60-е гг. XVIII в. российские власти учитывали 214 «ясашных двоеданцев»⁶³. Если считать, что речь идет только о мужчинах-плательщиках ясака, то можно полагать, что чуйских двоеданцев во второй половине XVIII в. насчитывалось не менее 1000 человек, включая женщин, детей и стариков. Цинскими властями во второй половине XVIII столетия учитывалось 175 «дворов» (т.е. самостоятельных хозяйств-аильных семей) «алтаннорских урянхайцев»⁶⁴. А.А. Бунге, побывавший в кочевьях двоеданцев в 1826 г., оценивал их численность в две тысячи человек⁶⁵. В.В. Радлов, бывший у двоеданцев в 60-е гг. XIX в., считал, что их насчитывается от двух до трех тысяч человек⁶⁶, а Ю.А. Гагемейстер оценивал население чуйских волостей в 1500 душ мужского пола⁶⁷. Отметим также, что Русская православная церковь, которая вела миссионерскую деятельность в Горном Алтае, в 60-е гг. XIX столетия учитывала две тысячи чуйцев⁶⁸. Точного статистического учета численности населения Чуйских волостей до конца XIX в. никто не вел. Если численность верноподданных алтайцев мы можем приблизительно подсчитать, используя в качестве исторического источника ясачные окладные листы, то в родовое управление Чуйских волостей окладной лист никогда не присылался, двоеданцам просто сообщалась окладная сумма ясачной подати⁶⁹, поэтому о численности населения чуйских двоеданцев мы можем судить приблизительно.

К 1897 г. российской администрацией, по результатам переписи населения, было учтено 4628 бывших двоеданцев, из них 2278 мужчин и 2350 женщин. Кроме того, к концу XIX в. в Чуйских волостях проживало 559 казахов⁷⁰. Свыше 4/5 бывших двоеданцев кочевало к концу XIX столетия по рекам Чуе и Чулышману. В Первой чуйской волости было учтено 2973 человека, а во Второй чуйской волости — 1645 кочевников⁷¹. Отметим, что в Первой чуйской волости около 60 % населения составляли представители телесских сеоков Телес, Оргончи и Титас, а около 35 % относились к теленгитским сеокам Алмат, Сагаль, Ябак и Кебек. Во Второй чуйской волости около 70 % населения называли своими теленгитские сеоки Кебек, Сагаль, Ябак, Алмат. Среди бывшего двоеданческого населения имелся также монгольский, тувинский и телеутский этнический субстрат

— 5 % населения Первой чуйской волости и приблизительно 30 % населения Второй чуйской волости⁷². Всего в состав Чуйских волостей к концу XIX столетия входили представители шестнадцати сеоков: Кебек, Сагаль, Алмат, Телес, Кыпчак, Оргончи, Титас, Ябак, Могол, Тонжан, Мундус, Иркил, Кергиль, Соен, Меркут, Ойрот. Наиболее многочисленными сеоками у чуйцев к этому времени были сеоки Кебек — 1039 человек, Сагаль — 919 человек, Алмат — 551 человек, Телес — 450 человек и Кыпчак — 436 человек. В то же время к сеоку тувинского происхождения Меркут относили себя только 5 человек, а к монгольскому сеоку Ойрот — лишь 2 бывших двоеданца. 118 жителей Чуйских волостей не определили свою принадлежность к какому-либо сеоку.

Такова в целом картина расселения, численности и этнической принадлежности чуйских двоеданцев.

В 1757 г. жители т.н. Алтаннорского Урянхая были подчинены Цинами. «Вновь пришедшие» в китайское подданство старшины Телбек и Ярынак были «назначены управителями третьей степени»⁷³. Цинское правительство «распределило» жителей Алтаннорского Урянхая на «два знамени и четыре эскадрона» пограничного войска. Назначение и смещение «чиновников» в Алтаннорском Урянхае (в каждом из двух знамен было назначено по одному начальнику «знаменного гарнизона» — цзуньгуаню) должен был производить кобдосский цаньцзань дачэнь (военный советник) по утверждению императора. Цзуньгуани должны были находиться на близлежащих к чуйским кочевьям цинских пограничных пикетах⁷⁴. «Знаменный гарнизон» называли по монгольской традиции «хошун»⁷⁵. Каждому хошуну соответствовало население одной из Чуйских волостей⁷⁶. Эти положения об управлении чуйскими двоеданцами были зафиксированы в Уложении Китайской Палаты внешних сношений (Лифаньюань), принятом Цинами в 1789 г. В 1811 г. Главнуправляющий Лифаньюаня, первый министр Цингуй убедил императора Юн Яня (девиз правления — Цзя Цин) в необходимости внести изменения в Уложение Лифаньюаня⁷⁷. Работа над новым текстом Уложения продолжалась семь лет. В 1818 г. новое Уложение Китайской Палаты внешних сношений было издано в Пекине на маньчжурском языке. Оно содержало в себе постановления для управления в Монголии, Тибете и других действительных и мнимых вассальных от Китая территориях, в том числе

и в т.н. Алтаннорском Урянхае⁷⁸. Согласно статьям Уложения, чуйцы были приписаны к «дивизии левого крыла пограничного войска»⁷⁹, к «корпусу под главным начальством маньчжурского генерала, имеющего пребывание в Кобдо»⁸⁰, который должен был осуществлять власть в Алтаннорском Урянхае «по военной и гражданской части»⁸¹. Чуйским зайсанам, которые «командовали знаменными эскадронами», были присвоены титулы «ухерида», что соответствовало статусу чиновника третьей степени. В качестве знаков отличия они обязаны были носить на головном уборе шарик из синего яхонта, нашивки на верхнем плаще с вышитым шелком барсом и пояс с четырьмя золотыми круглыми и резными бляхами, а зимой — тюфяки из кожи корсака. Помощники ухерид — демичи и шуленги также получали титулы от цинского двора. Демичи титуловались «джэрги ягнгин», что соответствовало чину четвертой степени, и носили на шапке небольшой синий яхонт и шелковую нашивку с изображением тигра. Шуленги жаловались титулами «тунда бошко», что приравнивалось к чинам пятой и шестой степени. Чиновники пятой степени на шапке носили шарик из горного хрусталя и нашивку с изображением медведя, а чиновники шестой степени — белый непрозрачный камень и нашивку в виде бобра⁸². Старшины чуйских двоedanцев, согласно установлению Уложения, как и тувинские старшины, передавали свои чины по наследству, однако в отличие от тувинцев, как «бывшие джунгарские подданные, оказавшие сопротивление великой армии», наследовали чин на ранг ниже, а затем «усердием по службе» должны были доказать право на повышение чина⁸³. Знаки различия цинских чиновников представители знати чуйских двоedanцев носили еще в 1870 г., т.е. после окончательного перехода чуйцев в подданство России⁸⁴. Отдельные чуйские старшины носили на головных уборах павлиньи или вороньи перья, которые по указу маньчжурского императора присуждались за «усердную службу»⁸⁵. Заметим, что Г.П. Самаев отождествляет цинские титулы двоedanческих старшин «ухерида», «джэрги ягнгин» (у Г.П. Самаева «джерги яннгин» — О.Б.) и «тунда бошко» с офицерскими званиями соответственно полковника, капитана и лейтенанта, ссылаясь при этом на труды В.В. Радлова и В.И. Вербицкого⁸⁶. Мы полагаем, что такое отождествление недопустимо, причем в работах, на которые ссылается Г.П. Самаев, подобные отождествления отсутствуют⁸⁷.

Зайсаны Чуйских двоedanцев, как цинские чиновники, получали ежегодное жалование от китайского правительства в размере шести серебряных ямб (ямб имел вид овальной коробочки (лодочки) из серебра с углублением в середине, которая сужалась книзу, была снабжена китайским штемпелем и весила около фунта)⁸⁸.

В пользу маньчжурского двора чуйские двоedanцы были обязаны платить ежегодные подати. Как отмечалось выше, в 1757 г. в Чуйские волости впервые прибыли восемь цинских сборщиков алмана, которые, собрав со 123-х «дворов» чуйцев дань из расчета по одному соболю с человека, заявили, что с 1758 г. будут собирать по шесть (по другим сведениям, по восемь) шкурки этой ценной пушнины с каждого плательщика подати⁸⁹. Однако в дальнейшем китайское правительство установило для жителей т.н. Алтаннорского Урянхая размер податей из расчета 2 шкурки соболя или 4 шкурки лисы, или 80 шкурки белки с каждого взрослого мужчины ежегодно. От уплаты дани были освобождены старики и дети⁹⁰. В 1759 г. китайские сборщики податей еще сами собирали алман с чуйских двоedanцев, однако позже, по крайней мере с 1763 г., двоedanческие старшины стали доставлять алманский сбор в пределы Цинской империи⁹¹. Подати чуйские зайсаны ежегодно в феврале-месяце отвозили в Кобдо, там они получали от китайских властей жалование в размере 12 ямб (по 6 ямб каждый), 12 аршин шелка для старшин своих волостей и 90 кусков дабы (жесткой хлопчатобумажной ткани) для рядовых жителей каждого зайсанства. Выгода от таких податей Цинам была невелика, т.к. чуйцы отправляли в Китай самых плохих соболей⁹².

Г.П. Самаев полагает, что чуйские двоedanцы, кроме уплаты податей, не имели по отношению к маньчжурскому правительству иных обязанностей, в том числе были свободны от несения военной службы, однако это не совсем верно. Формально чуйцы состояли в составе цинского пограничного войска и были обязаны нести охрану подступов к пределам империи. Кроме того, чуйские старшины должны были время от времени принимать участие в императорских охотах⁹³.

Чуйские двоedanцы должны были соблюдать распоряжения Люфаньюаня, причем нарушители этих распоряжений несли судебную ответственность. Судебные решения о применении смертной казни по отношению к чуйцам должны были утверждаться императором⁹⁴. Исковые споры, возникавшие между чуйскими двоedan-

цами и верноподданными России алтайцами, рассматривались третейским судом. Однако если этот суд не мог разобрать дело, то верноподданный алтаец обращался в российский суд, а двоеданец — к китайским властям. В таких случаях дело порой разбиралось в российском представительстве в Пекине. В.В. Радлову удалось зафиксировать переговоры российского судебного заседателя с двоеданческим зайсаном Мангдаем по поводу одного из таких процессов. В Пекине было решено, что должник-двоеданец за просроченный долг стоимостью в один рубль должен был заплатить займодателю 81 быка. Процесс, по словам В.В. Радлова, тянулся более 20 лет. От имени российского правительства судебный заседатель требовал уплаты судебного иска, на отказ зайсана платить заседатель грозил применением силы со стороны российских властей. Однако через некоторое время двоеданцы, опасаясь санкций со стороны России, бежали со Средней Чуи, и в итоге заседатель так и не добился выплаты искового долга⁹⁵.

Поскольку Цины считали т.н. Алтаннорский Урянхай подвластной территорией, китайское правительство в установленные сроки, начиная с 1760 г., посылало военные отряды в южные районы Горного Алтая для «осмотра» территории и установки «пограничных знаков». До 1771 г. такие «инспекции» совершались раз в три года, а после 1771 г. они стали ежегодными. Российские власти неоднократно фиксировали присутствие цинских отрядов в пределах Горного Алтая. Так, в 1790 г. в районе рек Семы и Песчаной появились два китайских чиновника в сопровождении военных, которые угрожали верноподданным России алтайцам и закапывали в землю «каменные доски», выполнявшие функцию пограничных столбов⁹⁶. На факт ежегодного прибытия «монгольского войска» в середине XIX в. «для положения дощечки в вершинах реки Катунь в урочище Байкгач» указывал С.П. Швецов⁹⁷.

Уплачивая подати в пользу цинского Китая, чуйские двоеданцы вносили ясак и в российскую казну. До 1765 г. чуйцы (как бывшие двоеданцы «более зенгорского подданства» — О.Б.) платили ясак в размере 60 соболей в год, затем согласились уплачивать в год 80 шкур ценного меха. До 1798 г. ясак с Чуйских волостей составлял 40 соболей с каждого зайсанства⁹⁸. В 1798 г. чуйские зайсаны выразили готовность увеличить размер ясака до 80 шкур соболя в год с каждой волости⁹⁹, за что в 1799 г. были пожалованы российским правительством золотыми

медалями¹⁰⁰. Эти медали передавались двоеданческими зайсанами из поколения в поколение по наследству и были предметом особой гордости¹⁰¹. Время от времени платили двоеданцы в российскую казну поминки. Так, в 1789 г. алтайцы Второй Чуйской волости уплатили 40 «подарочных» соболей¹⁰². В конце XVIII в. двоеданцы стали заменять уплату ясака «мягкой рухлядью» денежными выплатами: в 1791 г. Чуйские волости заплатили в российскую казну 89 рублей 60 копеек медной монетой¹⁰³. В конце XVIII в. двоеданцы платили ясак не только шкурками соболя, но и мехом лисы, волка, росомахи, горностая, белки, марала, лося¹⁰⁴. Установленный в 1798 г. размер ясака для двоеданцев был равен сумме в двести рублей и должен был сдаваться в Бийское окружное казначейство к октябрю-месяцу каждого года¹⁰⁵. Такой порядок оставался неизменным и в XIX в.¹⁰⁶ Окладной лист в двоеданческие волости российской администрацией никогда не высылался, зайсанам через курьеров устно сообщалась сумма ясачной подати¹⁰⁷. Российская администрация старалась поощрять двоеданцев к исправной уплате ясака. Так, в октябре 1808 г., после сдачи ясака одной из Чуйских волостей сдатчику Киргису было выдано «за исправный взнос ясаку по 2 копейки с уплаченного рубля — 4 рубля»¹⁰⁸. Время от времени у российской администрации возникали трудности со сбором ясака в Чуйских волостях. Так, несмотря на то, что в 1764 г. в Кузнецкую воеводскую канцелярию, которая в то время ведала сбором ясака с чуйцев, поступил указ из Санкт-Петербурга «ясак впредь взимать (с двоеданцев — О.Б.) ласково и без всяких излишних приметок», посланный от Кузнецкой воеводской канцелярии для сбора ясаку (с двоеданцев — О.Б.)... сборник Мелников в Кузнецк все еще не возвратился»¹⁰⁹. В одном из документов, датированном 1812 г., говорится, что двоеданческие зайсаны «пред сим ежегодно доставляли ясак в августе и сентябре, однако в данное время не смотря на неоднократные посылки Бийским земским судом нарочных» до сих пор он еще не выплачен и «задерживается до будущих отпращиваний в 1813 году»¹¹⁰.

По отношению к России, кроме выплаты ежегодного ясака, двоеданцы были обязаны «заботиться о спокойствии и порядке» в местах их кочевий, в случае надобности предоставлять русским чиновникам лошадей и охранять имущество русских, путешествующих в их местности¹¹¹. Других обязанностей по отношению к российской администрации двоеданцы не имели. В Уставе

об инородцах, принятом в 1822 г.¹¹², отмечалось, что «зенгорские (т.е. чуйские — О.Б.) двоеданцы, несовершенно зависящие, составляют особый разряд, управляются по своим обычаям, пользуются покровительством в своих внутренних делах только тогда, когда будут о том просить, платят дань по прежнему положению и имеют полную свободу торговать с русскими и инородцами»¹¹³. Однако, несмотря на особый статус двоеданцев, их зайсаны в XIX в. стали получать жалованье от российской администрации¹¹⁴. Как видно, зависимость чуйских двоеданцев от российского правительства, как, впрочем, и от китайского, в особенности относительно их внутренней жизни, была достаточно номинальной. Отметим, что речь идет исключительно о внутренних делах двоеданцев. В силу того, что чуйцы занимали буферное положение между Россией и Китаем и были включены в орбиту внешней политики этих государств, ни о каких «определенных суверенных правах» двоеданцев, о существовании которых пишет Г.П. Саманов¹¹⁵, не может быть и речи.

Во второй половине XVIII в. чуйские двоеданцы время от времени конфликтовали с верноподданными алтайцами. Так, зимой 1763 г. демичи Кукшиновой волости Битек сообщил в Кузнецкую воеводскую канцелярию, что их дючина была разбита войском цинского подданного зайсана Чадака, причем войско привел «ясашный е.и.в. двоеданец Телесской волости Еронак». Российская администрация, не имея возможности наказать Ярынака, признавала, что «его сыскать и усиленно взять и привести никак не уповательно, ибо оной находится за великим Телеуцким озером и близ китайских границ и в то Китайское государство с улусными его людьми алман дает». Сибирскими властями в Телесскую волость для приглашения Ярынака в Кузнецк, якобы за наградой, был послан сержант Пушкарев с воинской командой, но двоеданцы объявили Пушкареву, что «Еронак отбыл в Китайское государство с алманом»¹¹⁶.

Возникали конфликтные ситуации у двоеданцев и непосредственно с представителями российских властей. Летом 1828 г. Бийский земской исправник Корсаков потребовал от двоеданческих зайсанов содействия в поимке беглых крестьян, на что зайсаны, посоветовавшись с начальниками китайских пограничных караулов, «решительно отозвались, что они не только не могут оказать никаких пособий, но и дать вожатых для показания пути без воли

китайского правительства»¹¹⁷. В расписке, затребованной Корсаковым от двоеданческих зайсанов Монгола Чебекова и Шуремена Менесчекова, написанной в подлиннике на китайском языке, говорилось, что они «по случаю приглашения их земским исправником на дачу со стороны их двух человек вожатых и двух демичей для оказания пособия в нужных случаях для показания пути военной команде и алтайским калмыцким снаряжением для преследования и поимки беглых заводских крестьян решительный дали сей отзыв исправнику о том, что как они все российскому императору обязались платить один только ясак, а потому без воли и предписания китайского правительства не обязаны давать не только вожатых, но и делать никаких пособий в преследовании беглых, в том и подписываются»¹¹⁸. Между тем, как известно, двоеданцы были обязаны оказывать всякое содействие представителям русских властей. Дело в том, что беглые русские крестьяне начали основывать свои поселения в Горном Алтае вблизи от китайских пограничных пикетов еще во второй половине XVIII в.¹¹⁹, и двоеданцы вели взаимовыгодную меновую торговлю с жителями этих поселений, покупая у них железные изделия¹²⁰. В силу этого портить отношения с беглыми двоеданцы не желали. Пользуясь своим буферным положением, они имели возможность лавировать между Россией и Китаем, чем и воспользовались на переговорах с Бийским исправником, заявив, что являются не российскими, а китайскими подданными. К слову, при встречах с русскими двоеданцы старались обязательно указать на свою принадлежность к китайскому, а не российскому подданству¹²¹. В подобных ситуациях точно также вели они себя и по отношению к Китаю, в нужных случаях объявляя, что они — подданные России¹²².

Таким образом, можно сделать следующие выводы: статус чуйских двоеданцев по отношению к Цинской империи соответствовал статусу внешних вассалов (вай фань). Основной обязанностью внешних вассалов по отношению к Китаю было, кроме уплаты податей, недопущение военных конфликтов на границе, обеспечение безопасности посольств, проезжавших через их территорию, предоставление охраны, оказание военной помощи и поддержка регулярных связей с Китаем. Вассалы вай фань имели для Китая преимущественно военно-стратегическое значение¹²³. Известный русский китаевед XIX в. В.П. Васильев указывал по этому поводу,

что само слово «вассал» на китайском языке означает «забор», «плетень», т.е. вассал должен служить преградой нападением живущих за ним иностранцев-«варваров». Согласно китайским доктринам, уж если «варвары» будут сильны, то пусть прежде пробираются через этот забор¹²⁴. Кроме чуйских двоedanцев, на положении внешних вассалов были, например, в данный хронологический период тувинцы-сойоны, которые в российскую казну ясак не платили¹²⁵. По словам В.В. Радлова, маньчжуры сумели добиться расположения к ним со стороны двоedanцев, предоставив полную свободу местным властям и избегая какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела чуйцев, в их обычаи и воззрения (что, кстати, обусловлено не политической терпимостью и гуманностью Цинов, а их презрением ко всем «вайготжень» — посторонним людям, иностранцам). То обстоятельство, что двоedanцев привлекали к «военной службе и защите государства», вызывало у них сознание принадлежности к Китайской империи¹²⁶. К тому же китайские власти опасались активно вмешиваться во внутреннюю жизнь двоedanцев потому, что, хотя юридически статус Горного Алтая в двусторонних отношениях между Россией и Китаем урегулирован не был, фактически его территория принадлежала России. Как уже отмечалось, Россия также предпочитала не вмешиваться во внутренние дела чуйцев, что было зафиксировано в принятом в 1822 г. в Уставе об управлении инородцами¹²⁷. Таким образом, зайсаны управляли двоedanческим населением практически самостоятельно. Большая независимость двоedanческих зайсанов, чем старшин других алтайских дючин, обусловила и больший авторитет этих зайсанов у подвластного населения¹²⁸.

Таким образом, во второй половине XVIII — 60-х гг. XIX вв. на юге Горного Алтая сложилась и существовала своеобразная система «кондоминиума», т.е. двойного управления или совместного господства. Находясь на положении двоedanцев, жители Чуйских волостей, лавировали между российской и китайской администрацией и длительное время сохраняли, уплачивая вовремя незначительную подать в пользу той и другой державы, выгодный относительно независимый статус как по отношению к России, так и по отношению к Китаю.

Буферное положение чуйских двоedanцев оказывало значительное влияние на их быт и экономические отношения. Кроме традиционного для кочевников-алтайцев разведения лошадей,

овец и коз, чуйцы разводили сарлыков (яков), выведенных из Китая и называемых русскими китайскими коровами¹²⁹. Каркасы и войлок для юрт богатые двоеданцы часто привозили из Монголии¹³⁰. С близлежащих китайских пограничных пикетов получали чуйцы и большую часть необходимых предметов бытовой утвари — ножи, трубки, кисеты, огнива, чашки, в то время, как верноподданные алтайцы обычно использовали изделия российского производства¹³¹. Пользовались двоеданцы также фитильными ружьями китайского производства¹³². Если одежда верноподданных алтайцев была пошита преимущественно из тканей русского происхождения, то одежда двоеданцев — из китайских материалов. Представители чуйской знати носили лисьи шубы, покрытые пестрым китайским шелком¹³³. Двоеданческие зайсаны носили богато отделанные шапки в форме полушара, обтянутые темно-синей шелковой материей и вышитые белым шелком. Шапка окаймлялась прямостоящими жесткими черными бархатными полями¹³⁴. Пользовались двоеданцы и ювелирными изделиями, привезенными из Китая. В частности, женщины носили серьги и кольца китайской работы. В.В. Радлов описал внешний вид богатой чуйской женщины — матери зайсана Мангдая. На ней была лисья шуба, крытая розовым китайским шелком в крупных белых и серебряных цветах; серебряные серьги, кольца, украшения на поясе были очень тонкой китайской работы¹³⁵.

Из своего выгодного политического положения чуйские двоеданцы длительное время извлекали значительную экономическую выгоду. Вплоть до подписания в 1864 г. Чугучакского протокола между Россией и Китаем двоеданцы играли заметную роль в приграничной торговле России с Цинской империей на Алтае. Русские купцы на Алтае начали торговать с Китаем уже в XVIII в., и первоначально торговля велась не с китайцами и монголами, а через посредников-двоеданцев¹³⁶. Постепенно торговцы проложили в кочевья двоеданцев горную тропу, которая получила название Чуйского торгового пути, первые сведения о котором в русских письменных источниках встречаются с 1788 г.¹³⁷ Выгоды от торговли с двоеданцами для русских купцов доходили до огромных размеров. Прибыль получалась втрое, а то и вчетверо больше вложенного торгового капитала¹³⁸. Российские торговцы покупали у двоеданцев хлопчатобумажные и шелковые ткани китайского производства, а также скот и пушнину, прежде всего

шкурки сурка, вывезенные из Монголии¹³⁹, предлагая взамен юфтевую кожу, сукно, полубархат, плис, бисер, пуговицы, зеркала, медные чайники и тазы, чугунные котлы, железные замки, капканы, топоры¹⁴⁰. Купцы жили в Чуйской степи, пока съехавшиеся двоеданцы не раскупали весь их товар. Представители двоеданческой знати, имевшие большую выгоду от этой торговли, богатели часто до такой степени, что имели возможность нанимать себе в работники монгольских солдат с цинских пограничных пикетов. Купленные у русских товары двоеданцы продавали цинским военным, которые ежегодно появлялись в Чуйской степи для «проверки пограничных знаков» и приграничным жителям Монголии, следовавшим за военными специально для торговли с двоеданцами¹⁴¹.

В конце 20-х, а по другим данным, в начале 30-х гг. XIX в. русские купцы основали торговую факторию в местечке Кожо Агач на Чуе и стали сами ездить отсюда торговать с монгольскими солдатами и приграничными жителями Цинской империи¹⁴². С этого времени посредническая роль двоеданцев в приграничной торговле стала заметно падать¹⁴³. Тем не менее, чуйские двоеданцы сыграли заметную роль в становлении приграничной торговли в Чуйской долине между Россией и Цинской империей. Современник этих событий, известный алтайский краевед С.И. Гуляев, характеризовал эту торговлю, как «отвечающую интересам российского народа»¹⁴⁴.

Кроме участия в качестве посредников в Чуйской торговле, двоеданцы, в особенности телесы, вели активную торговлю с цинскими подданными тувинцами-соенами. Граница кочевий и охотничьих угодий чуйцев с землями тувинцев проходила по реке Чульче, впадающей в реку Алаш¹⁴⁵, что и обусловило возможность возникновения торговых отношений между соседями. Эта торговля, как и на Чуе, для двоеданцев носила посреднический характер. В кочевьях тувинцев двоеданцы продавали традиционные русские товары, необходимыеномадам, приобретая взамен в основном монгольскую шерсть¹⁴⁶. После того, как упала посредническая роль двоеданцев в Чуйской торговле, их торговые связи с тувинцами продолжали развиваться¹⁴⁷. Русские товары очень ценились в кочевьях тувинцев и продавались там двоеданцами по высоким ценам, в то время как товары, предлагаемые тувинцами, скупались дешево. За русские изделия стоимостью в один рубль ассигнациями тувинцы предлагали свои товары

стоимостью в пять рублей. Так, за фунт русского табака двоedanцы выменивали у тувинцев кусок войлока, которого было достаточно для пошива верхней одежды, за фунт железа тувинцы давали две овечьи шкуры. Однако, несмотря на выгоды, эта торговля была весьма опасной для двоedanцев. В тувинских кочевьях нередкими были случаи воровства товаров, поэтому торговцам необходимо было всегда находиться начеку. Обычно двоedanцы ездили торговать в кочевья тувинцев группами по 20–30, минимум же 10–15 человек, чтобы обеспечить свой товар постоянной и надежной охраной¹⁴⁸.

Отметим, что именно статус двоedanцев позволял чуйцам в условиях существовавших жестких ограничений в российско-китайской торговле принимать участие в посреднических торговых операциях. Как известно, до 60-х гг. XIX в. приграничная торговля между Россией и Китаем была формально запрещена и носила контрабандный характер¹⁴⁹. Цинское законодательство запрещало китайским купцам вести торговлю на территории, лежащей к северу от Улясутая¹⁵⁰. В таких условиях двоedanцам, в силу того, что цинские власти почти не вмешивались в их внутреннюю жизнь, было наиболее безопасно заниматься контрабандной посреднической торговлей на границе, тем более, что российское законодательство разрешало чуйцам свободно торговать как с русскими, так и с верноподданными инородцами¹⁵¹. Тем самым, статус двоedanцев для чуйцев был выгоден не только в политическом, но и в экономическом плане.

Таким образом, определенное равновесие сил между Россией и Цинской империей в регионе Центральной Азии, непризнание Цинами российской юрисдикции в Горном Алтае и одновременный отказ китайской стороны от дипломатического урегулирования погранично-территориального спора привели в совокупности к становлению русско-китайского «кондоминиума» на юге Горного Алтая, как своеобразной системы совместного господства России и Китая и оформлению двоеподданства населения этого района. Алтайские двоedanцы с выгодой для себя использовали сложившуюся внешнеполитическую ситуацию. Лавируя между двумя сюзеренами, они сохранили свою самостоятельность по многим позициям, особенно во внутренних делах. Таким образом, существовавший статус совместного российско-китайского господства в южной части Горного Алтая, вполне устраивал местное насе-

ление, принося ему определенные политические и экономические выгоды. Система двоеподданства в условиях буферного положения оспариваемых территории и населения, а также отсутствия демаркированной пограничной линии и межгосударственного договора о границе сыграла определенную стабилизирующую роль во взаимоотношениях России и Цинской империи в южной части Горного Алтая. Отметим, однако, что под стабилизацией взаимоотношений между двумя государствами не следует, на наш взгляд, понимать остановку в развитии этих взаимоотношений, их статичность. Под стабилизацией уместно понимать определенный тип движения системы межгосударственных отношений, движение относительно плавное, равномерное и предсказуемое, при котором система оказывается в состоянии существовать, воспроизводиться и изменяться. Причем стабильность всегда характеризует способность системы обеспечивать назревшие перемены в межгосударственных взаимоотношениях¹⁵². Постепенное изменение характера равновесия в двусторонних отношениях между Россией и Китаем к XIX в. привело к необходимости демаркации государственной границы между двумя странами в тех районах, которые до сего времени не были разграничены и находились «в совместном владении» обоих государств¹⁵³.

3.3. Ликвидация двоеданничества в Горном Алтае (60-е гг. XIX в)

Как отмечалось выше, цинское правительство не признавало факт вхождения Горного Алтая в состав России и считало т.н. Алтаннорский Урянхай территорией, подчиненной Китаю. После безуспешных попыток урегулировать с Цинами проблему территориальной принадлежности Горного Алтая и подданства его коренного населения русское правительство в первой четверти XIX в. в одностороннем порядке объявило Горный Алтай собственностью императорского дома. Согласно закону, принятому 22 июня 1822 г., «все земли... также Алтайские горы, лежащие между Бийской линейной дорогой и китайской границей (линией пограничных пикетов — О.Б.) принадлежат ведомству Колыванов-Воскресенских заводов»¹⁵⁴. Как видим, собственностью рос-

сийского императора объявлялась и территория кочевий чуйских двоеданцев. Однако цинское правительство не признало этот односторонний законодательный акт. Тем не менее, к середине XIX в. характер отношений между Россией и Китаем значительно изменился. «Опиумные войны», в результате которых Китай был вынужден открыть свои морские порты для торговых компаний Англии, Франции и США, ознаменовали начало превращения Цинской империи в полуколониальную страну¹⁵⁵. Военной угрозы для России со стороны Китая в Центральной Азии больше практически не существовало, поэтому уже в 1842 г. была упразднена часть Кольвано-Воскресенской военно-оборонительной линии¹⁵⁶. Цинская империя, переживавшая период политической и экономической стагнации в результате поражения в «Опиумных войнах» и разразившегося в Китае восстания тайпинов, утратила свое былое могущество. С угасанием мощи империи Цин, с обострением внутривнутриполитической обстановки в ее пределах традиционный принцип внешнеполитической практики «сюзерен – вассал»¹⁵⁷ превратился в анахронизм. В первой половине XIX в. сфера присутствия Цинской империи в Центральной Азии резко сузилась¹⁵⁸. В то же время Россия значительно усилила свои позиции в этом регионе. Шел активный процесс присоединения к России казахских земель. В 1831 г. был основан русский военный пост на реке Аягуз. С основанием в 1847 г. Копальского укрепления у подошвы Семиречинского Алатау весь Семиречинский край до реки Или был включен в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1851 г. русские отряды из Копала ходили на реку Или, в районы, подвластные Коканду. В 1853 г. началось освоение Заилийского края, и в 1854 г. на реке Алматы было заложено русское укрепление Верный. В результате весь Заилийский край до реки Чу вошел в состав Российской империи. В 1855–1859 гг. русские военно-научные экспедиции были направлены в район озера Иссык-Куль и гор Хан-Тенгри. Процесс присоединения к России новых территорий в Центральной Азии происходил преимущественно мирным путем¹⁵⁹.

Сближение России и Цинской империи в Центральной Азии вызвало необходимость разграничения в этом регионе, в том числе и в Горном Алтае; следовательно, назрели предпосылки для изменения статуса чуйских двоеданцев. 2(14) ноября 1860 г. генерал-майором Н.П. Игнатьевым в Пекине был заключен Дополни-

ный договор России с Китаем, в котором указывалось направление государственной границы между российскими и китайскими владениями в Центральной Азии¹⁶⁰. Относительно прохождения границы на территории Горного Алтая статья II данного договора гласила: «Граничная черта на Западе (в Центральной Азии — О. Б.), доселе неопределенная, отныне должна проходить, следуя направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов, от последнего маяка, называемого Шабин-Дабага, поставленного в 1728 году (Юн-чжэн VI года), по заключении Кяхтинского договора, на юго-запад до озера Цзайсан»¹⁶¹.

Инициатива начала русско-китайских переговоров о демаркации границы в Центральной Азии принадлежала цинскому правительству. Оно первым направило своих полномочных комиссаров, которые в конце мая 1861 г. обратились к генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю с просьбой о присылке для переговоров о демаркации русских представителей в Чугучак. Решение о направлении в Чугучак русских представителей было принято в Петербурге на заседании Особого комитета 29 июня 1861 г. От российской стороны уполномоченным на предстоящих в Чугучаке переговорах был назначен обер-квартирмейстер корпусного штаба в Омске полковник И.Ф. Бабков, вторым комиссаром был утвержден геодезист А.Ф. Голубев, третьим, по личной просьбе И.Ф. Бабкова, русский генеральный консул в Кульдже, известный синолог И.И. Захаров. Китайскую делегацию на переговорах должны были представлять улясутайский цзяньцзюнь Мин И, тарбагатайский хэбэй-амбань Мин Сюй и их помощник Хабцисянь. Начало официальных переговоров было запланировано на 29 июня 1862 г.¹⁶²

Делегации прибыли в Чугучак в начале июня 1862 г. Цинские военные отряды, расквартированные на территории Синьцзяна, были приведены в боевую готовность и стянуты к линии предстоящей демаркации границы с целью проникновения за пределы этой линии и переноса как можно дальше от линии своих пограничных постов. Факты передвижения пограничных постов стали фиксироваться представителями русской администрации достаточно часто. Для предотвращения подобных провокаций российские войска также были приведены в боевую готовность и стянуты к линии предстоящего разграничения¹⁶³. Еще до начала официальных переговоров в зоне предстоящего разграничения произошли первые

вооруженные конфликты между российскими и китайскими войсками, которые были спровоцированы китайской стороной с целью подкрепить территориальные требования цинской делегации на предстоящих переговорах¹⁶⁴. Официальные переговоры в Чугучаке открылись 22 июля 1862 г. С российской стороны на переговорах присутствовали И.И. Захаров, И.Ф. Бабков, А.Ф. Голубев, К.А. Скачков и К.В. Струве; с китайской стороны — Мин И, Мин Сюй, Хабцисянь, а также бригадный командир Болгосу¹⁶⁵.

Несмотря на переживаемый упадок Цинской империи, традиционный взгляд, бытовавший среди элиты китайского общества о положении Китая, как гегемона по отношению к «варварской периферии», был очень живуч. Цины, например, не считали миссию Е.В. Путятина и Н.П. Игнатьева «посреднической» между Китаем и западными державами; они рассматривали русских дипломатов, как «варваров», которых с помощью соответствующих дипломатических стратагем надлежало использовать для «обуздания» других «варваров», т.е. западных держав — участниц агрессии против Китая, согласно доктрины «и чжи и» — «управлять варварами с помощью варваров»¹⁶⁶. В высшем чиновном сословье Поднебесной не только скорбели о временах былого величия, но и мечтали возродить отжившие схемы китайской внешней политики¹⁶⁷. Все это нашло отражение в позиции китайской делегации во время переговоров в Чугучаке. Камнем преткновения стал вопрос о временных и постоянных пикетах китайских пограничных караулов. У русских представителей не вызвали сомнения понятия «постоянные» и «временные» пикеты. У китайцев в Западном крае издавна имелись несколько типов пикетов: «постоянные» («чанчжу»), «передвижные» («ишэ») и «временные» («тяньчэ»). Стороны на первом же заседании перешли к обсуждению значения слов «постоянный пикет». Китайцы заявили, что вообще все их пикеты являются «постоянными». В дальнейшем, в зависимости от хода переговоров, китайская сторона то усложняла, то упрощала, то напрочь отрицала классификацию своих пикетов¹⁶⁸. Обозначая позицию российской стороны по данному вопросу, И.Ф. Бабков в своих воспоминаниях писал, что «только линия постоянных пикетов («чанчжу»), как находящихся с давнего времени на одном и том же месте, должна, в сущности, служить настоящей государственной границей»¹⁶⁹. В самом начале переговоров цинские уполномоченные

по существу отвергли положения статьи II Дополнительного Пекинского договора, заявив, что не могут вести переговоры на основе этого договора, заключенного пекинскими сановниками, не знающими местных обстоятельств. Относительно Горного Алтая цинские комиссары объявили, что правооснованием для Китая на эту территорию является факт, что там находятся кочевья подданных Китая — чуйских двоedanцев. С подобным определением статуса чуйцев российская сторона совершенно справедливо не соглашалась.

На вопросе о правомочности цинских претензий на территорию Горного Алтая остановимся подробнее. Несмотря на то, что демаркированная граница между Россией и Китаем в Горном Алтае отсутствовала, а южная часть этого региона являлась буферной зоной, в которой функционировала своеобразная система «кондоминиума», обе стороны формально считали данный район своей государственной территорией¹⁷⁰. В XIX в. государственная территория понималась, как пространство, «в пределах которого державная власть существует и действует»¹⁷¹. Таким образом, осуществление государственной власти в пределах той или иной территории считалось достаточным для того, чтобы считать ее своей. Принимая во внимание представление того времени о государственной территории, как о «пространственных пределах власти», необходимо признать, что разграничение между Россией и Китаем в Горном Алтае могло происходить только на основании фактического контроля над землями данного региона¹⁷². В рамках международного права это означает осуществление эффективной оккупации, как необходимого условия для установления ее принадлежности тому или иному государству. Причем оккупация не должна ограничиваться простым провозглашением суверенитета над территорией. Государство должно быть в состоянии действовать в качестве территориального суверена в любой точке занимаемой им территории, а осуществление государственных функций над оккупированной территорией должно быть постоянным, в ином случае речь может идти об отказе от суверенитета над данной территорией¹⁷³. Таким образом, нам необходимо остановиться на моментах деятельности России и Китая в южной части Горного Алтая, т.е на территории кочевий чуйских двоedanцев.

Экономическое освоение русскими территории, которую Цины именовали Алтаннорским Урянхаем, началось в XVIII в., когда на крайнем юге Горного Алтая беглыми раскольниками, рекрутами,

солдатами, заводскими мастеровыми, приписными крестьянами были основаны небольшие поселения. Российскому правительству стало известно о них в 1761 г. Согласно указа императрицы Екатерины II от 20 января 1792 г., жители этих селений были легализованы, уравниены по статусу с «инородцами» и обложены государственной податью¹⁷⁴. В первой половине XIX в. на территории т.н. Алтаннорского Урянхая, в частности, в Уймонской долине, существовала целая группа компактных оседлых русских поселений (Верхний, Нижний Уймон, Фыкалка и другие), объединенные в Уймонскую инородческую управу¹⁷⁵. В регионе возникали не только крестьянские поселения, шло торговое освоение южных районов Горного Алтая. На рубеже 20-х — 30-х гг. XIX в. бийские купцы основали в Чуйской долине торговую факторию, которая к середине столетия представляла собой населенный пункт с постоянным населением (Кош-Агач)¹⁷⁶. Южные районы Горного Алтая по поручению правительства активно изучались русскими исследователями. В 1826 г. территорию Восточного Алтая по Бие, Катуню, Чуе, Чулышману, Телецкому озеру и прилегающим к ним хребтам и плоскогорьям обследовал Александр Андреевич Бунге. В 1834 г. юго-восточную часть Алтая, район Телецкого озера исследовал геолог и горный инженер Григорий Петрович Гельмерсен. В 1842 г. южные районы Горного Алтая изучал крупный геолог и географ Петр Александрович Чихачев. В 60-е гг. XIX в. исследованиями данного региона занимался известный тюрколог Василий Васильевич Радлов¹⁷⁷. Что касается осуществления государственного суверенитета России на юге Горного Алтая, то в первой половине XIX в. этот регион периодически инспектировался Бийским земским исправником¹⁷⁸.

Китайская сторона в рассматриваемый хронологический период не предпринимала никаких попыток экономического освоения Алтаннорского Урянхая. Нет сведений и о каких-либо мероприятиях по научному исследованию данного региона со стороны Китая. На это указывает, в частности, использование китайскими комиссарами на переговорах в Чугучаке примитивных географических карт. Нам ничего неизвестно о посещениях кочевий двоedanцев высокопоставленными цинскими чиновниками. В письме генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю улясутайский цзяньцзюнь Мин И сообщал, что двоedanцы «ссоры и драки внутри их кочевков и вообще малые дела решают по своим обычаям,

и наше правительство в это не вмешивается¹⁷⁹. Как видим, китайский суверенитет над двоеданцами вполне адекватен российскому суверенитету над чуйцами. Контроль над территорией юга Горного Алтая со стороны России осуществлялся значительно более эффективно, чем со стороны Китая. Ни о какой оккупации Китаем Алтаннорского Урянхая не может быть и речи. Таким образом, территориальные претензии Цинов к России в Горном Алтае нам представляются необоснованными.

Отвергая на переговорах притязания Китая на буферные территории, полковник И.Ф. Бабков приказал принять военные меры для недопущения китайцев за линию постоянных пикетов «чанчжу», полагая, что в этом случае войска должны явиться на помощь дипломатии¹⁸⁰. Течение переговоров осложнялось тем, что в статье II китайского текста Дополнительного Пекинского договора ошибочно утверждалось, что от Шабин-Добага граница должна пройти на запад к озеру Зайсан, хотя это озеро находится на юго-западе от перевала Шабин-Добага. Российская делегация настаивала на проведении границы от Шабин-Добага на юг по линии водораздела к хребту Танну-Ола, а от него на запад к озеру Зайсан; в таком случае кочевья двоеданцев оказывались на территории, отходящей к России¹⁸¹. Переговоры шли очень тяжело и неоднократно прерывались. Ход переговоров осложнялся тем, что летом 1863 г. у Борохудзира произошло вооруженное столкновение русского и китайского отрядов. Китайцы были отброшены за линию постоянных пикетов с большим уроном, причем обе стороны во время боя применили артиллерию¹⁸². По свидетельству И.Ф. Бабкова, первыми вступили в бой китайцы, в результате чего с русской стороны были убитые и раненые; русский отряд был вынужден ответить адекватно¹⁸³. Тогда же произошла еще более кровопролитная схватка между российскими и китайскими военными на реке Каркара. По согласованию цинского правительства с Россией обстоятельства этих столкновений были признаны случайными¹⁸⁴. Касаясь на переговорах вопроса о будущем статусе населения спорных территорий, цинские представители заявили: «Почему в Пекинском трактате не было прямо сказано — «делить людей»?» Российской делегации удалось убедить китайских комиссаров отложить вопрос о статусе двоеданцев до окончательного согласования линии границы¹⁸⁵. Позиция России в отношении будущего статуса

чуйцев заключалась в том, что «к какому государству отойдут по разграничению земли, тому же государству должны принадлежать и народы, обитающие на этих землях»¹⁸⁶. Вопрос о двоеданцах был осложнен тем, что многие из них перекочевывали на зимовку на внутреннюю сторону китайских пограничных пикетов¹⁸⁷.

Во время переговоров в кочевьях двоеданцев появились китайские эмиссары, которые стали агитировать чуйцев окончательно перейти в подданство Цинской империи. В ответ на это российская администрация с аналогичной миссией направила в кочевья двоеданцев штабс-капитана А.Г. Принтца, причем один из чуйских зайсанов изъявил желание стать со своими людьми верноподданным России¹⁸⁸.

В 1864 г. русские войска активизировали свои действия в Средней Азии и овладели Аулие-Атой и Чимкентом¹⁸⁹. В этом же году в Синьцзяне началось антицинское национально-освободительное восстание дунган и уйгуров¹⁹⁰. Положение Цинской империи в Центральной Азии сильно осложнилось. 30 июля 1864 г. Мин И, ссылаясь на указания из Пекина, направил письмо А.О. Дюгамелю с просьбой как можно скорее завершить переговоры о демаркации границы на основании проекта российской стороны. Однако, несмотря на согласие Цинов на скорейшее окончание переговоров в Чугучаке на основе предложений России, летом 1864 г. кобдосский амбань заявил прибывшему в этот город для торговых переговоров штабс-капитану А.Г. Принтцу о том, что чуйские двоеданцы являются настоящими китайскими подданными, и Цины будут и впредь собирать подати в двоеданческих кочевьях¹⁹¹. По возвращению А.Г. Принтца из поездки в Китай им было сделано сообщение о китайских притязаниях на двоеданцев на имя томского губернатора М.Г. Лерхе. В ответ на это по приказу губернатора 9 сентября 1864 г. на Чуе был выставлен пикет из 25 казаков для ограждения двоеданцев от цинских вторжений¹⁹².

В начале сентября 1864 г. переговоры в Чугучаке вступили в решающую фазу. Китайская сторона, несмотря на свои заверения о безоговорочном принятии российского проекта договора, попыталась все же сделать еще одну попытку потеснить позиции России. Это относилось прежде всего к проблеме принадлежности юга Горного Алтая, притязания на который цинские комиссары

мотивировали теперь тем, что население этого края в прошлом, якобы, более зависело от Китая, чем от России и по своим обычаям и образу жизни очень близко к народам Поднебесной. Российской стороной такого рода доводы были отвергнуты¹⁹³.

25 сентября 1864 г. состоялось подписание Чугучакского протокола между Россией и Китаем о разграничении. Протокол состоял из 10 статей и карт намеченной в нем границы. От русского правительства протокол подписали И.И. Захаров и И.Ф. Бабков, с китайской стороны — Мин И, Си Линь и Бол-госу¹⁹⁴. По условиям подписанного документа, пограничная линия между Россией и Китаем на Алтае должна была пройти от пограничного знака Шабин-Добаг сначала на запад, а затем на юг по Саянскому хребту; достигнув западной оконечности хребта Танну-Ола, повернуть на юго-запад, следуя по Сайлю-гемскому хребту, а от гор Куйтун идти на запад по Большому Алтайскому хребту. Согласно условиям договора, граница проходила по линии постоянных китайских пикетов, иные виды пикетов должны были быть ликвидированы в 1865 г.¹⁹⁵ Что касается статуса приграничного населения, то статья V протокола предусматривала: «Где помянутые народы жили до сего дня, там по-прежнему должны оставаться и спокойно жить на прежних местах, пользуясь предоставленными средствами жизни, и какому государству отошли места кочевков этих народов, к тому государству, вместе с землею, отходят и сами люди, и тем государством управляются»¹⁹⁶. Таким образом, чуйские двоеданцы окончательно вместе со своими кочевьями переходили в ведомство России.

Демаркацию границы стороны должны были осуществить в 1865 г., но восстание неханьских народов Синьцзяна помешало провести вовремя эту процедуру¹⁹⁷. Восстание охватило весь Западный Китай. Демаркация определенной Чугучакским протоколом границы на Алтае производилась весной-летом 1869 г. и была завершена 1 августа 1869 г.¹⁹⁸ Однако, несмотря на затянувшуюся демаркацию, еще 10 октября 1864 г. официально и окончательно были приняты в российское подданство двоеданцы Первой Чуйской волости, а 12 января 1865 г. — жители Второй Чуйской волости. Летом 1865 г. бывшими чуйскими двоеданцами была принесена торжественная присяга на верность Российской империи¹⁹⁹. С 1866 г. бывшие двоеданцы прекратили платить подати

в пользу Цинской империи²⁰⁰. Система двоеданничества и двоеподданства, просуществовавшая на юге Горного Алтая более 100 лет, была окончательно ликвидирована. Вместе с ней ушла в прошлое практика двоеданничества и двоеподданства этнических групп Южной Сибири, существовавшая в этом обширном регионе с XVII столетия.

Примечания

1. См.: Тадыев П.Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая // Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956; Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — середине XIX в...; Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в...; Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в...; Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII—XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996.
2. Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2... С. 29.
3. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755—1757 гг. Д. 4. Л. 235.
4. Липовцев С.В. Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 1—2. СПб., 1828. С. 191.
5. Циндин пиндин чжуньгээр фанлюе. Чжэнбянь. (Высочайше утвержденные стратегические планы умиротворения джунгар. Основные записи.) Б. м., 1772. Цзюань 50. Л. 20 б. (Перевод В.А. Моисеева).
6. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Выпуск 1. Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900. С. 103.
7. Циндин пиндин чжуньгээр фанлюе... Цзюань 50. Л. 20 б. (Перевод В.А. Моисеева.)
8. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1758 г. Д. 3. Л. 15. Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX века. Ч. 1. Алма-Ата, 1989. С. 152—153.
9. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1763—1765 гг. Д. 14. Л. 84—84 об.
10. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1... С. 103.
11. Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2... С. 101—102.
12. Тадыев П.Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая... С. 21. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии... С. 120.
13. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии... С. 118—119.
14. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989. С. 36.

15. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758 г. Д. 11. Л. 182 об.
16. О нем см.: Моисеев В.А. Из истории присоединения Горного Алтая к России. (Дело зайсана Боохола) // Горный Алтай. Исторический сборник. Выпуск первый. Горно-Алтайск, 1997.
17. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М., 1989. С. 101–102.
18. Там же. С. 129.
19. Там же. С. 61.
20. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 266–267.
21. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1759 г. Д. 4. Л. 21–23.
22. Исупов С.Ю. Основные моменты истории Сибирского корпуса в первой половине XVIII в. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 138.
23. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1758 г. Д. 2. Л. 37–38 об.
24. Полное собрание законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1830. С. 533–538.
25. ЦХАФ АК. Ф. Колывано-Воскресенское горное начальство. Оп. 1. Д. 327. Л. 5–5 об.
26. АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1761–1763 гг. Д. 1. Л. 60–60 об., 85 об.–86.
27. Швецов С.П. Горный Алтай и его население... С. 134.
28. ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом. Оп. 1. Д. 121. Л. 489.
29. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1763–1765 гг. Д. 14. Л. 81–83.
30. ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом. Оп. 1. Д. 121. Л. 489.
31. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1763–1765 гг. Д. 14. Л. 82–82 об.
32. Там же. Л. 87.
33. Там же. Л. 82–82 об.
34. Там же. Л. 83.
35. Там же. Л. 83 об.
36. См.: Хохлов А.Н. Миссия И.И. Кропотова в Китай в 1763 г. // VII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1976.
37. Валиханов Ч.Ч. Архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 3. Алма-Ата, 1964. С. 253.
38. АВПРИ. Ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1763–1765 гг. Д. 14. Л. 234.

39. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в... С. 157.
40. Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX века. Ч. 2. Алма-Ата, 1989. С. 10–22.
41. См.: Ходжаев А.Х. Захват цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана. Борьба против завоевателей // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1983. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983.
42. ЦХАФ АК. Ф. Колывано-Воскресенское горное начальство. Оп. 1. Д. 495. Л. 162.
43. РГАДА. Ф. Правительствующий Сенат. Оп. 1. 1784 г. Д. 213. Л. 2–2 об.
44. См.: Хафизова К.Ш. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В.П. Васильева // История и культура Китая. М., 1974. С. 113. См. также: Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы, 1995.
45. Подробно об этногенезе алтайцев см.: Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев...; Об этногенезе и расселении телесов см.: Потапов Л.П. Алтайские телесы в этническом отношении // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987.
46. Липовцев С.В. Уложение китайской Палаты внешних сношений. Т. 1–2. СПб., 1828. С. 191.
47. Ша Э цинь Хуа ши. (История агрессии царской России против Китая). Т. 3. Пекин, 1981. (Перевод с китайского. М., 1986). С. 134.
48. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. М., 1893. С. 6.
49. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989. С. 33–36.
50. Там же. С. 39.
51. Там же. С. 64–66.
52. Там же. С. 485–486.
53. АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1762–1775 гг. Д. 14. Л. 84.
54. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в... С. 161.
55. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М., 1953. С. 185.
56. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 190, 210.
57. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев... С. 26.
58. Радлов В.В. Из Сибири... С. 129.
59. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам... С. 197.
60. Радлов В.В. Из Сибири... С. 43.

61. Там же. С. 95.
62. Там же. С. 128.
63. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в... С. 161.
64. Циндин пиндин чжуньгээр фанлюе... Цзюань 4. Л. 22. (Перевод В.А. Моисеева.)
65. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам... С. 196.
66. Радлов В.В. Из Сибири... С. 95.
67. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. С. 18.
68. Алтай и его жители // Миссионер. № 19. 8 мая 1877. С. 50.
69. Швецов С.П. Горный Алтай и его население... С. 243.
70. Там же. С. 33. О казахах на Чуе см.: Зиновьев В.П. Казахи Чуйской долины // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии. Барнаул, 1997. Моисеев В.А., Силина И.Г. Этнодемографические аспекты миграционного движения из Казахстана с середины XIX до начала XX вв. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 1999.
71. Швецов С.П. Горный Алтай и его население... С. 229.
72. См.: Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев... С. 27–36. Процентные расчеты наши.
73. Циндин пиндин джуньгээр фанлюе... Цзюань 50. Л. 20 б. (Перевод В.А. Моисеева).
74. Ша Э цинь Хуа ши... С. 130–136.
75. См.: Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. М., 1980. С. 47–48.
76. Радлов В.В. Из Сибири... С. 489.
77. Липовцев С.В. Уложение Китайской Палаты внешних сношений. Т. 1. СПб., 1828. С. 12.
78. Там же. С. 7–8.
79. Там же. С. 148.
80. Там же. С. 17, 191.
81. Там же. С. 84.
82. Там же. С. 24–27.
83. Там же. С. 42, 51.
84. Радлов В.В. Из Сибири... С. 125–126.
85. Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.)... С. 156.
86. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в... С. 163.
87. См.: Радлов В.В. Из Сибири... С. 125–126; Вербицкий В.И. Алтайские инородцы... С. 6.
88. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам... С. 191. См. также: Быков А.А. Монеты Китая. Л., 1969.

89. Циндин пиндин джуньгээр фанлюе... Цзюань 50. Л. 22. (Перевод В.А. Моисеева); Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2... С. 97; АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1758 г. Д. 3. Л. 15; Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX века. Ч. 1. Алма-Ата, 1989. С. 152—153.
90. Ша Э цинь Хуа ши... С. 134.
91. ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом. Оп. 1. Д. 121. Л. 489—491.
92. Радлов В.В. Из Сибири... С. 127—128.
93. Липовцев С.В. Уложение Китайской Палаты внешних сношений. Т. 1. С. 148, 265; Радлов В.В. Из Сибири... С. 514.
94. Там же. С. 76.
95. Радлов В.В. Из Сибири... С. 128.
96. Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2... С. 210.
97. Швецов С.П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. Барнаул, 1898. С. 15.
98. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII— середине XIX в... С. 161—162.
99. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы... С. 6.
100. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. 1032—1882 гг. Сургут, 1993. С. 213.
101. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы... С. 7.
102. ЦХАФ АК. Ф. Горная экспедиция Кольванской губернии. Оп. 1. Д. 599. Л. 2.
103. Владимиров В.Н. Материалы по истории южных алтайцев в XVIII — первой половине XIX вв. // Документальные памятники и их использование в коммунистическом воспитании. Ч. 2. Барнаул, 1983. С. 42.
104. ЦХАФ АК. Ф. Кольвано-Воскресенское горное начальство. Оп. 1. Д. 403. Л. 142; Д. 599. Л. 2.
105. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы... С. 7.
106. Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 258.
107. Швецов С.П. Горный Алтай и его население... С. 243.
108. Владимиров В.Н. Ясак и ясачная политика кабинета в Горном Алтае в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Социально-экономическое развитие Алтая в XVII — первой половине XIX вв. Барнаул, 1984. С. 43.
109. ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом. Оп. 1. Д. 121. Л. 490—491.
110. Владимиров В.Н. Ясак и ясачная политика... С. 45.
111. Радлов В.В. Из Сибири... С. 127.
112. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII... Док. № 29127.

113. Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 258.
114. Швецов С.П. Горный Алтай и его население... С. 238.
115. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в... С. 175.
116. ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом. Оп. 1. Д. 121. Л. 489–491.
117. ЦХАФ АК. Ф. Алтайское горное правление. Оп. 1. Д. 14. Л. 127 об.
118. Там же. Л. 140.
119. Там же. Ф. С.И. и Н.С. Гуляевы. Оп. 1. Д. 99. Л. 3.
120. Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе. Омск, 1898. С. 20.
121. Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая... С. 438.
122. Радлов В.В. Из Сибири... С. 502.
123. О вассалитете и его признаках см.: Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии... С. 183–197.
124. См. в кн.: Хафизова К.Ш. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В.П. Васильева // История и культура Китая. М., 1974. С. 113.
125. Радлов В.В. Из Сибири... С. 489.
126. Там же. С. 514.
127. См.: Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 257–260; Законодательные акты Российской империи. Устав об инородцах М.М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири. Горно-Алтайск, 1994.
128. Радлов В.В. Из Сибири... С. 127–128.
129. Швецов С.П. Горный Алтай и его население... С. 315.
130. Радлов В.В. Из Сибири... С. 139.
131. Риттер К. Землеведение Азии. Т. 3. Алтайско-Саянская горная система в пределах Русской империи и по китайской границе. СПб., 1860. С. 354.
132. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке, по поручению Западно-Сибирского отдела императорского географического общества, в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня члена-сотрудника отдела Н.М. Ядринцева в 1880 году. СПб., 1881. С. 30.
133. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам... С. 76.
134. Там же. С. 209.
135. Радлов В.В. Из Сибири... С. 133.
136. ЦХАФ АК. Ф. С.И. и Н.С. Гуляевы. Оп. 1. Д. 99. Л. 8.
137. Табаев Д.И. Чуйский тракт. Горно-Алтайск, 1975. С. 6.
138. ЦХАФ АК. Ф. С.И. и Н.С. Гуляевы. Оп. 1. Д. 99. Л. 8.
139. Там же. Л. 3 об.
140. Швецов С.П. Чуйский торговый путь... С. 17.
141. Там же. С. 15.

142. Старцев А.В. Торговые ворота в Монголию // Алтайский сборник. Вып. 16. Барнаул, 1995. С. 45.
143. Швецов С.П. Чуйский торговый путь... С. 16.
144. ЦХАФ АК. Ф. С.И. и Н.С. Гуляевы. Оп. 1. Д. 99. Л. 4 об.—5.
145. Радлов В.В. Из Сибири... С. 485—486.
146. Сапожников В.В. По Алтаю. М., 1949. С. 63.
147. Радлов В.В. Из Сибири... С. 502.
148. Там же. С. 491.
149. См.: Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. С. 35; Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 334.
150. Липовцев С.В. Уложение Китайской Палаты внешних сношений. Т. 2. СПб., 1828. С. 72.
151. Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 258.
152. См. в кн.: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997. С. 32—37.
153. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 173.
154. Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 375.
155. Воскресенский А.Д. Россия и Китай... С. 169.
156. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747—1897 гг.) СПб., 1897. С. 36, 111.
157. Об этом см.: Бокщанин А.А. Китай и страны южных морей. М., 1968; Думан Л.И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970; Думан Л.И. Учение о сыне неба и его роль во внешней политике Китая // Китай: традиции и современность. М., 1976.
158. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983. С. 120.
159. См.: Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алма-Ата, 1981; Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982.
160. См. в кн.: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII—XX век. М., 1996.
161. Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. С. 35.
162. АВПРИ. Ф. Главный архив. 1—9. Оп. 8. 1861—1864 гг. Д. 24. Ч. 1. Л. 448—449.

163. Радлов В.В. Из Сибири... С. 79.
164. См.: Хахалин К.В. О русско-китайском пограничном конфликте на р. Или в 1863 г. // Вторые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Барнаул, 1998. С. 21–27.
165. АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9. Оп. 8. 1861–1864 гг. Д. 24. Ч. 1. Л. 303.
166. Воскресенский А.Д. Россия и Китай... С. 158–159.
167. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии... С. 120.
168. Хахалин К.В. Эволюция понятия «государственная территория» и русско-китайское разграничение в Центральной Азии (Чугучакский протокол 1864 г.) // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Барнаул, 1999. С. 36–37.
169. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. СПб., 1912. С. 199.
170. Подробно см.: Хахалин К.В. Эволюция понятия «государственная территория»...
171. Незабитовский В.А. Собрание сочинений. Киев, 1884. С. 105.
172. Хахалин К.В. Эволюция понятия «государственная территория»... С. 34.
173. Клименко Б.М. Государственная территория. М., 1974. С. 102–103.
174. См.: Гуляев С.И. Алтайские калмыки // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 21.
175. См. в кн.: Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом...
176. См.: Старцев А.В. Торговые ворота в Монголию // Алтайский сборник. Вып. 16. Барнаул, 1995.
177. См.: Крылов Г.В., Завалишин В.В., Козакова Н.Ф. Исследователи природы Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 48–59.
178. ЦХАФ АК. Ф. Алтайское горное правление. Оп. 1. Д. 14. Л. 125 145.
179. АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9. Оп. 8. 1861–1864 гг. Д. 24. Ч. 1. Л. 585–585 об.
180. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе... С. 187.
181. Там же. С. 203.
182. Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 365. См. также: Хахалин К.В. О русско-китайском пограничном конфликте на р. Или...
183. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе... С. 214.
184. Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 365.
185. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе... С. 224.
186. Там же. С. 211.
187. Алтайская церковная миссия. СПб., 1865. С. 18.
188. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в... С. 170.
189. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882. С. 230.
190. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах... С. 120.
191. Поездка в Хобдо штабс-капитана Генерального штаба Принца // Томские губернские ведомости. 6 июня 1869. № 22.

192. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в... С. 170–171.
193. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе... С. 220.
194. Памятная книжка Западной Сибири... С. 127.
195. Русско-китайские отношения. 1689–1916... С. 46–49.
196. Там же. С. 48.
197. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе... С. 289.
198. Памятная книжка Западной Сибири... С. 125; Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе... С. 383, 392.
199. Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 369.
200. Швецов С.П. Горный Алтай и его население... С. 129.

Заключение

Итак, причиной двоеданничества и двоеподданства части тюркских народов Южной и Западной Сибири в XVII — 60-х гг. XIX вв. являлось определенное равновесие сил между, главным образом, Россией, с одной стороны, и Джунгарией, а затем Китаем, с другой, соперничавшими за право эксплуатации коренного населения региона, что приводило к своеобразному статус-кво, когда соперники эксплуатировали те или иные местные этнические группы одновременно. В истории сибирского двоеданничества и двоеподданства необходимо выделить несколько этапов. Первый этап: 1-я половина XVII в. — период «многополюсного» равновесия сил на юге Сибири. На этом этапе на сбор податей с коренных, в основном тюркских, этнических групп юга Сибири претендовали от двух до пяти соперничавших сторон: русские власти, хотогойтские Алтын-ханы, ойратские правители, а также телеутская и кыргызская знать. Борьба за господство над местным населением развернулась между ними в трех районах соприкосновения их интересов: в Барабинской низменности; Горном, Предгорном Алтае и Горной Шории; в бассейне Верхнего Енисея.

В Барабинских волостях столкнулись интересы русских властей и ойратских правителей, однако до конца 20-х гг. XVII в. Русскому государству удавалось сохранить монополию на сбор податей с местного татарского населения. Поводом к установлению двоеданничества в Барабе послужило бегство части барабинских татар к ойратам и признание ими кыштымной зависимости от ойратских правителей во время антирусского восстания ясачного населения Западной Сибири на рубеже 20-х — 30-х гг. XVII в. После образования к 1635 г. Джунгарского ханства воеводам в результате ряда дипломатических миссий в Джунгарию удалось

добиться возвращения беглых барабинцев в свои волости и признания ойратским ханом Батуром-хунтайджи прерогативы русской юрисдикции в Барабе. Однако ойраты продолжали считать барабинских татар своими кыштымами. В Барабе сложилась, таким образом, система русско-джунгарского двоеданничества и двоеподданства.

В проведении своей ясачной политики на Верхнем Енисее русские в начале XVII в. натолкнулась на сопротивление со стороны кыргызских князцов, которые попытались не допустить перехода своих кыштымов в подданство Русского государства. Будучи не в состоянии воспрепятствовать принятию русского подданства не только своим кыштымам, но и собственным улусам, кыргызская знать к 1616 г. добровольно признала зависимость от хотогойтского правителя Шолая Убаши-хунтайджи в надежде получить от него помощь в борьбе с русскими. Однако Алтын-хан, надеясь привлечь русских к союзу против своих врагов-ойратов, предложил местным воеводам установить на Верхнем Енисее режим двоеданничества и двоеподданства коренного населения, енисейские кыргызы стали двоеданцами. Но и русские власти, и Алтын-хан в действительности стремились к монопольному господству над кыргызами и их кыштымами. Политика Алтын-ханов в вопросе о статусе коренного населения Верхнего Енисея напрямую зависела от соотношения сил в их борьбе с ойратами: если успех сопутствовал хотогойтам, то Алтын-ханы усиливали свои притязания на верхнеенисейское ясачное население; если они терпели поражения, то смягчали свою позицию, признавая преимущество русских в праве сбора податей с енисейских кыргызов и их кыштымов. Кыргызские князцы лавировали между русскими и хотогойтами, сохраняя, тем самым, относительную самостоятельность во внутренних делах и возможность эксплуатации кыштымов. В конце 30-х гг. XVII в. кыргызы, пытаясь освободиться от русско-хотогойтской зависимости, вступили в союз с ойратами, но в итоге стали не равноправными союзниками, а кыштымами джунгарского хана. Таким образом, к середине XVII в. енисейские кыргызы оказались на положении троеданцев; основная тяжесть уплаты податей русским, хотогойтам и ойратам легла на плечи кыргызских кыштымов. Джунгарский хан пытался устранить хотогойтское влияние на Верхнем Енисее, в то же время неоднократно предлагал русским властям

узаконить двоedanнический статус кыргызов и их кыштымов. Причем, если в Барабе ойраты признавали прерогативу русских в сборе податей с местного населения, то енисейские кыргызы, по их мнению, должны были подчиняться и Русскому государству, и Джунгарскому ханству.

В Предгорном, Горном Алтае и Горной Шории в первой четверти XVII в. шел процесс подчинения местных этнических групп русскими и телеутами, которые совместными усилиями устранили влияние енисейских кыргызов в Горной Шории и северных районах Горного Алтая. После этого между русскими властями и телеутской верхушкой развернулась борьба за монопольное право эксплуатации алтайцев и шорцев. Со второй половины 20-х гг. XVII в. в эту борьбу вмешались ойраты, которые, наряду с русскими и телеутами, стали собирать подати с северных алтайцев и шорцев. К середине XVII в. значительная часть коренного населения Кузнецкого уезда оказалась на положении троedanцев. Однако влияние ойратов на Алтае и в Горной Шории было еще не прочным, поэтому на официальном уровне в русско-ойратских отношениях вопрос о статусе населения этого района Сибири еще пока не поднимался.

Второй этап: 50-е — 60-е гг. XVII в. — переходный период от «многополюсного» к «двухполюсному» относительному равновесию сил на юге Сибири. Этот этап характеризуется следующими особенностями: в 50-е гг. XVII в. в Джунгарии начались междоусобицы различных группировок ойратской знати. В этих условиях влияние джунгар на своих сибирских кыштымов значительно ослабло. Воспользовавшись ослаблением ойратских позиций на Верхнем Енисее, хотогойтский правитель силой попытался установить в этом регионе монопольное господство. Грабительские набеги хотогойтов на кыргызские улусы побудили енисейских кыргызов искать защиты у Русского государства, однако воеводы не предприняли активных действий по обороне кыргызов и их кыштымов от монголов. Это подорвало авторитет русских властей в глазах населения «Кыргызской земли». В начале 60-х гг. XVII в. Алтын-хан потерпел поражение во внутренних усобицах и бежал в кыргызские улусы, где в 1667 г. был окончательно разгромлен ойратами. После победы над хотогойтами ойратский правитель Сэнгэ подчинил большую часть енисейских кыргызов и стал претендовать на сбор податей со всего

коренного населения Верхнего Енисея. Кыргызская знать с этого времени стала проводником джунгарской политики на Верхнем Енисее и активизировала борьбу с русскими за право эксплуатации своих кыштымов.

К середине XVII в. ойратам удалось привести в кыштымную зависимость телеутские улусы, но в условиях междоусобиц в Джунгарии в 50-е — 60-е гг. телеуты не прекратили вести борьбу за освобождение от кыштымной зависимости, продолжали, наряду с русскими и ойратами, собирать дань с северных алтайцев, телесов и шорцев, которые оставались на положении троеданцев. Сэнгэ к концу своего правления сумел укрепить власть над кыштымами. На Верхнем Енисее, в волостях северных алтайцев, шорцев, у части южных алтайцев, а также в Барабе установилась система русско-джунгарского двоеданничества и двоеподданства.

Третий этап: 70-е гг. XVII — 40-е гг. XVIII вв. — период стабилизации русско-джунгарского двоеданничества и двоеподданства в Барабе, на Алтае и в Горной Шории и исчезновения двоеподданства на Верхнем Енисее. В это время юг Сибири окончательно превратился в своеобразную буферную зону. Значительная часть коренного населения стала регулярно платить подати как России, так и Джунгарии. Относительное равновесие сил в регионе сдерживало возникновение крупных военных конфликтов между Россией и Джунгарией. Неоднократно стороны пытались урегулировать вопрос о статусе двоеданцев путем переговоров, но взаимная неуступчивость не позволила найти компромиссное решение этой проблемы. В различных районах двоеданничество и двоеподданство имело свои особенности: прежде всего, были различными размеры и структура ясака и алмана. Они зависели от охотничье-промысловых возможностей населения и наличия иных промыслов в районах проживания двоеданцев. Россия и Джунгария, опасаясь перехода двоеданцев в полное подданство соперника, стремились не облагать их непосильными податями, однако ойраты часто сопровождали сбор алмана грабежами и убийствами двоеданцев. В Барабе собирали алман сами ойраты; с двоеданцев Кузнецкого уезда алман «на контайшу» обычно собирали телеуты, с населения бассейна верхнего Енисея — кыргызские князцы. После переселения значительной части енисейских кыргызов в начале XVIII в. в Джунгарию власть над верхнеенисейским ясачным населением попытались восста-

новить при поддержке Цинов хотогойтские князья, ставшие к этому времени вассалами Китая. Двоеданничество на Верхнем Енисее окончательно прекратило существование после заключения между Россией и Китаем в 1727 г. Буринского трактата. Большинство верхнеенисейских двоеданцев стали подданными России, однако тувинские двоеданцы по условиям договора перешли в цинское подданство. В первой половине XVIII в. на положении русско-джунгарских двоеданцев оставалась значительная часть коренных жителей Барабы и Кузнецкого уезда. Большинство двоеданцев Алтая и Шории, а также барабинцы фактически являлись подданными России, а в Джунгарию платили только алман. Однако часть алтайских двоеданцев (телесы, окраинные тау-телеутские волости) находились более под юрисдикцией Джунгарии, ограничиваясь в отношениях с Россией уплатой ясака.

Русско-джунгарское двоеданничество было уничтожено в результате разгрома Джунгарского ханства цинским Китаем в 1755–1758 гг. Большая часть бывших двоеданцев в результате этих событий окончательно перешла в подданство России. Российское подданство добровольно приняли южные алтайцы — бывшие подданные Джунгарии. Непризнание Цинами вхождения Горного Алтая в состав России, определенное равновесие сил России и Цинской империи в Центральной Азии привели к установлению системы русско-китайского двоеподданства части населения юга Горного Алтая (Чуйских волостей).

Четвертый этап: 60-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX вв. — период русско-китайского двоеданничества и двоеподданства населения Чуйских волостей. Чуйские двоеданцы, определялись российским Уставом об управлении инородцами 1822 г. как «несовершенно подданные». По отношению к цинскому Китаю чуйцы фактически являлись «внешними вассалами». В силу своего неопределенного статуса алтайские двоеданцы с выгодой для себя использовали такое положение: они, уплачивая незначительные подати той и другой стороне, сохраняли относительную самостоятельность во внутренних делах. Изменение к середине XIX в. соотношения сил в пользу России создало возможность разграничения буферных территорий. По условиям Чугучакского договора 1864 г. вся территория Горного Алтая отошла к России, а

чуйские двоеданцы стали подданными Российской империи. Практика сибирского двоеданничества и двоеподданства ушла в прошлое.

Двоеданничество и двоеподданство тюркских народов Южной и части Западной Сибири в рассматриваемый период играло своеобразную буферную роль во взаимоотношениях противоборствующих за влияние в регионе сторон. Эволюция этой системы происходила с изменением относительного равновесия сил на юге Сибири между субъектами, претендовавшими на господствующую роль в регионе. Приблизительное равновесие сил обусловило возникновение и существование в Южной и части Западной Сибири сложной системы двоеподданства, троеподданства и даже многоподданства коренного населения. Усиление Русского государства и Джунгарского ханства привело во второй половине XVII в. к установлению и существованию в этом обширном районе Сибири системы русско-джунгарского двоеданничества и двоеподданства. Разгром цинским Китаем Джунгарии в 50-е гг. XVIII в., относительное равновесие сил России и Китая в Центральной Азии, стремление российского правительства идти на политические уступки ради развития сухопутной торговли с Китаем¹ стали причинами установления системы своеобразного русско-китайского «кондоминиума» на юге Горного Алтая. Наконец, изменение баланса сил не только на юге Сибири, но и во всей Центральной Азии к 60-м гг. XIX в. в пользу России положило конец и «алтайскому кондоминиуму».

Примечания

1. См.: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) М., 1974; Хохлов А.Н. Торговля — приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.И. Скачкова. М., 1993. С. 127–229.

Терминологический словарь

Аил — у тюрков община семей-собственников скота, ведущих совместное кочевое или полукочевое хозяйство.

Алман (албан) — подать, которую платили коренные жители Сибири в пользу своих монгольских сюзеренов.

Аманат — заложник, обычно из числа «лучших людей» или родственников князцов, как гарантия лояльности коренного сибирского населения Русскому государству и его политике в Сибири.

Амбань — маньчжурский сановник, военный наместник.

Аул — у сибирских татар деревня, соседская община; у казахов — то же, что и аил.

Богдохан (богдыхан, богдахын) — «святой хан», «божественный хан», «августейший хан», наименование титула китайского императора в русских источниках, заимствованное у монголов в цинскую эпоху.

Бурхан — ламаистское божество, изображение божества, Будды.

Ван (у монголов — онг) — князь (титул китайского происхождения).

Гун — наследственный титул знатности китайского происхождения.

Демичи (демечи, демчи) — термин монгольского происхождения, у алтайцев, тувинцев и др. старшина, которому были подведомственны 40–200 семей.

Джинонг — у монголов титул принца крови из рода Чингизидов.

Дзасак (дзасаг, чжасак, цзасак) — у монголов правитель, вождь племенного объединения, рода.

Зайсан (дзайсан, дзайсанг, зайсанг, ейзан) — титул китайского происхождения, заимствованный монголами, от которых перешел к алтайцам, тувинцам, енисейским кыргызам, правитель рода, отока, дючины.

Зарго — в Джунгарском ханстве совет влиятельных князей и представителей духовенства при ставке хана, игравший роль правительства и высшего суда.

Камка — шелковая ткань с рисунком.

Кошлок (кашлык) — молодой не перегадовавший бобр.

Куяк (куик, хуик) — 1) латы из кованых металлических пластинок, нашитых на кожу; 2) монгольский или тюркский воин, облаченный в латы.

Кыштым (киштым, кыштим, киштим, кистым) — у сибирских народов вассал, обязанный платить подать своему повелителю в обмен на гарантию своей безопасности.

Лама — монах, представитель ламаистского духовенства.

Лан (лян) — денежная единица в цинском Китае, составлявшая 37,3 г. серебра. Стоимость лана колебалась в зависимости от стоимости серебра.

Ли — китайская единица измерения расстояния, равная примерно 0,5 русской версты.

Лифаньюань — правительственное учреждение в цинском Китае, ведавшее делами вассальных территорий, в том числе Монголии, Синьцзяна, Тибета. Посредством этого ведомства Цины осуществляли сношения с Россией.

Нойон (нойан, ноен) — у монголов — владыка, повелитель, господин, глава, предводитель; глава рода или клана.

Ослоп (ослопье) — жердь, дубина.

Острог — русское деревянное крепостное сооружение, город.

Оток — социальная и хозяйственная группа кочевого населения Монголии, занимавшая определенную территорию, взрослое мужское население которой составляло отдельное воинское подразделение.

Рухлядь — пожитки, предметы быта; «мягкая рухлядь» — пушнина.

Саадак (сайдук, садук) — боевой лук с налучником и колчан со стрелами.

Сеок (суек) — «кость», у тюрков термин, обозначающий родовую принадлежность, род.

Табун (табунанг) — титул, присваивавшийся зятям владетельных монгольских князей.

Тайджи (тайша) — термин китайского происхождения, монгольский княжеский титул потомков рода Чингисхана, в XVII–XVIII вв. этот титул могли носить владетельные князья, не являвшиеся Чингизидами. Сравни: тайша — титул китайского происхождения со значением «великий наставник», заимствованный монголами через уйгуров.

Турки — фитильные ружья.

Улус — термин тюркского происхождения, своеобразное военно-политическое (потестарное) образование у кочевников.

Урга — ставка монгольских ханов.

Фудутун — термин китайского происхождения, воинское звание. В маньчжурских провинциальных гарнизонах соответствовало бригадному генералу, в Пекине — помощнику генерал-лейтенанта. Это звание также носили помощники военных губернаторов некоторых провинций цинского Китая.

Хошун — монгольская военно-административная единица в эпоху цинского господства, княжеский удел с наследственным правителем.

Хунтайджи (хунтайчжи, контайша) — «хан тайджей», титул правителей Джунгарского ханства и некоторых других монгольских владений.

Цаньцаньдачэнь — название должности помощника командующего армией или военного губернатора в цинском Китае.

Цзянцзюнь — в цинском Китае командующий войсками, начальник военной и гражданской администрации области, наместник.

Шерть — присяга, клятва.

Шертовать — приносить присягу, клятву.

Шуленга — мелкий старшина у алтайцев, тувинцев и др., помощник зайсана.

Ямб — денежная единица Китая, получившая широкое распространение в XIX в. Изготавливалась из серебра, имела ладьеобразную форму. Масса и содержание серебра могли быть различными. Ямбы изготавливались обычно на частных предприятиях, были снабжены одним или несколькими клеймами предприятия-изготовителя.

Ясак — подать, обычно пушниной, которую платило коренное население Сибири в пользу русской казны в знак подданства Русскому государству (России).

Ясырь — пленник, невольник.